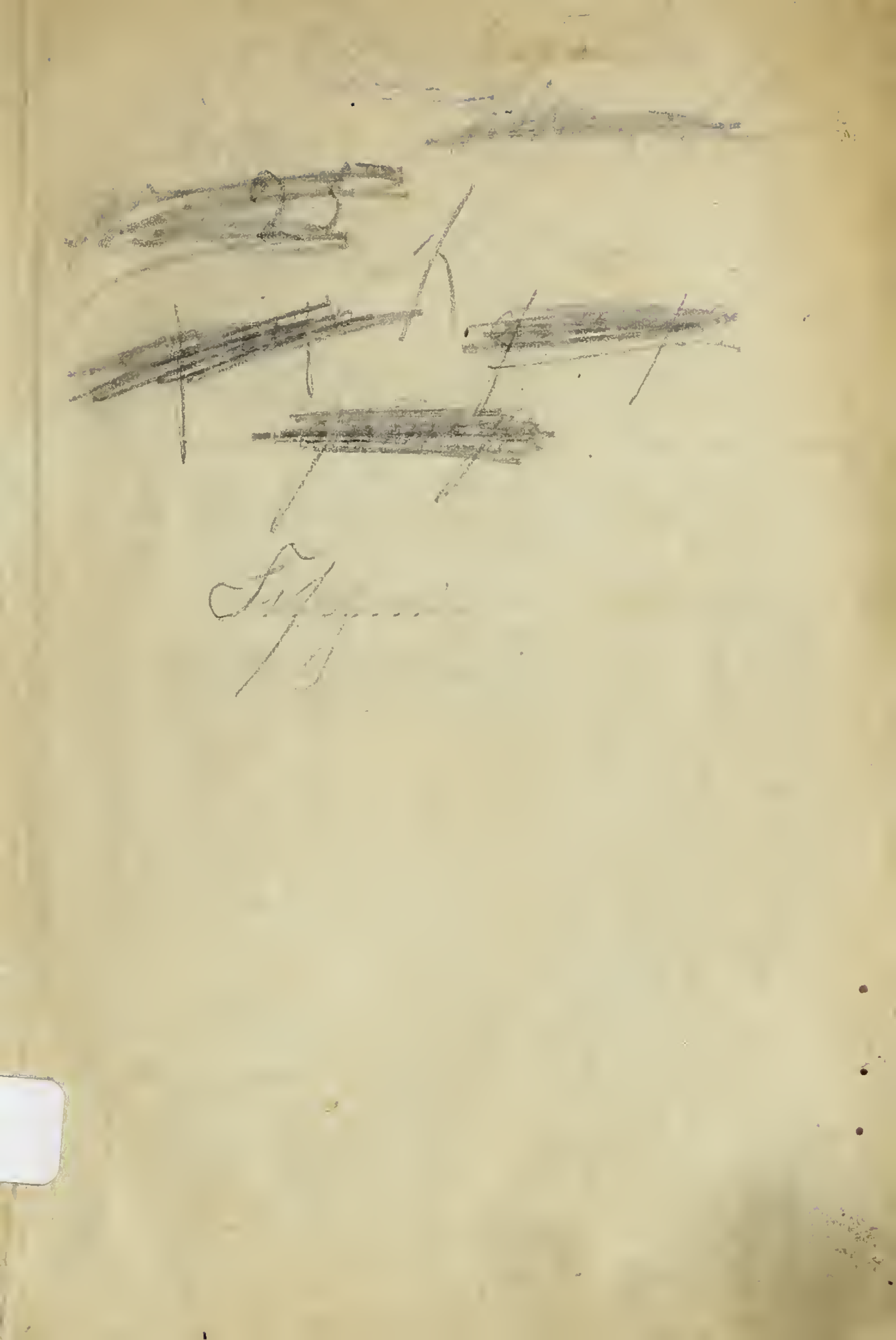


И. Потапенко.

Разсказы.

РАЗСКАЗЫ.

МОСКВА.
Изданіе Д. П. Ефимова.
1897.

Типографія Елизаветы Гербекъ, 2-я Мѣщанская, д. № 26.

ГОРЕ-БОГАТЫРЬ.

ГОРЕ-БОГАТЫРЬ.

РАЗСКАЗЪ.

Славный былъ денекъ—веселый, солнечный. Въ воздухѣ еще носился ароматъ весны, но южное солнце уже начинало палить по лѣтнему. День былъ праздничный, широкія, гладко вымощенныя гранитомъ и чисто выметенныя, какъ полы хорошаго дома, улицы губернскаго города X*** были оживлены движеніемъ пѣшеходовъ и извозчичьихъ дрожекъ. Южане наслаждались палящими лучами солнца, очень довольные тѣмъ, что безповоротно наступилъ сезонъ легкихъ широкихъ костюмовъ, когда можно оставлять дома пальто и калоши.

Городъ X*** стоялъ при морѣ на высокомъ скалистомъ берегу, а внизу, въ его широкой и удобной бухтѣ, на высокихъ мачтахъ развѣвалась масса торговыхъ

флаговъ всевозможныхъ національностей, и безъ отдыха кипѣла коммерческая жизнь. Любители прохлады устремлялись въ открытыя купальни и погружались въ море. Начинался лѣтній сезонъ.

На Садовой улицѣ, названной такъ неизвѣстно почему, такъ какъ въ окружности нигдѣ не было сада— улицѣ менѣе оживленной, потому что здѣсь, за исключеніемъ двухъ табачныхъ и одной мелочной лавочекъ, не было никакихъ центровъ торговли, но застроенной такими-же огромными трехъ и четырехъэтажными домами, какъ и весь городъ, отличавшимися только отмѣнной чистотой, блескомъ и новизной красокъ и парадными лѣстницами съ мраморными ступеньками и пестрыми коврами—у одного изъ такихъ подъѣздовъ стояла блестящая коляска-ландо, запряженная парой вороныхъ рысаковъ. Рысаки стояли нетерпѣливо; солидный, почтенныхъ лѣтъ, сѣдобородый кучеръ держалъ возжи натянутыми, постоянно былъ на сторожѣ, сдерживая порывы горячихъ коней.

— Вотъ такъ лошадки! Настоящія змѣи!—не безъ зависти говорили прохожіе, заглядываясь на красивыхъ рысаковъ.

— А чьи?

— Извѣстно, чьи! Господина Рапсова, и домъ тоже его. Ишь, махина какая! Денегъ-то у него куры не клюютъ!..

Кучеръ сидѣлъ на своемъ тронѣ, не шевелясь; онъ гордо и величественно поднялъ голову, искренно гордясь тѣмъ, что толпа восхищается рысаками господина Раисова, и что именно онъ, а не кто другой, состоитъ кучеромъ при этихъ рысакахъ.

Съ противоположной стороны улицы на тротуарѣ собралась небольшая кучка ротозѣевъ. Тутъ были, большею частью, мастеровые, наборщики типографій, желѣзнодорожные разсыльные. Публика разговаривала громко. Рѣчь шла все о тѣхъ же рысакахъ, завладѣвшихъ общимъ вниманіемъ.

— Чего только они стоили ему?! восклицалъ одинъ изъ кучки.—Это мнѣ хорошо извѣстно... Вывезли ихъ изъ самой Москвы... Тамъ, на этихъ самыхъ бѣгахъ, они надо всѣми верхъ одержали... Призу получили... Н-да! Госпожа Раисова тогда словно-бы съ ума спятила, восторгъ, значитъ, нашелъ на нее! Я, говоритъ, мужу это своему говоритъ, — я, говоритъ, изъ Москвы не выѣду, ежели эти рысаки не будутъ мои... Вотъ оно какъ! Ну, онъ-то самъ, господинъ Раисовъ небольно щедръ! Денегъ у него цѣльная прорва, а швырять ихъ не любитъ... Однако, отказать не могъ, потому барыня совсѣмъ, можно сказать, остервенѣла... Изъ Москвы, говоритъ, не выѣду... Вотъ онъ десять тыще-

нокъ и выбросилъ... Да, кони важные! Это не то что въ нашемъ городѣ, а, полагать надо, и въ Москвѣ этакихъ ни у кого нѣтъ...

— Гляди, сама идетъ!.. Ахъ, пышная какая! воскликнулъ кто-то, указывая взглядами на подъѣздъ.

Въ это время изъ подъѣзда вышла и, подсаживаемая лакеемъ, садилась въ коляску сама обладательница рысаковъ.

У госпожи Раисовой было цвѣтущее лицо съ румяными щеками; на лицѣ этомъ уже начинали появляться слѣды времени; прищуренные ради солнечнаго свѣта глаза окружались частыми морщинками, явственно уже обозначался второй подбородокъ, но это упитанное и выхоленное лицо сохраняло всю свѣжесть молодости и всѣ тѣ качества, которыя давали ему право считаться первымъ по красотѣ въ цѣломъ городѣ: глядя на него, становилось понятнымъ, почему неотличавшійся щедростью Раисовъ передъ этой красавицей не могъ устоять, чтобы не выбросить лишнюю тысячу рублей. Изящное платье изъ тяжелой шерстяной матеріи стального цвѣта искусно обхватывало ея стройную, высокую фигуру и какъ-то особенно хитро скрадывало ея излишнюю полноту, свидѣтельствовавшую о хорошемъ питаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о лѣтахъ ея. Ей было уже подъ тридцать пять.

Госпожа Раисова плавно опустилась на мягкое сидѣніе коляски, лакей занялъ свое мѣсто рядомъ съ кучеромъ, и по мановенію маленькой, пухлой, изящной ручки, одѣтой въ шелковую перчатку, подъ цвѣтъ платья, рысаки нетерпѣливо дернули, и коляска покатилась.

— Змѣи! Какъ есть змѣи! приговаривала публика изъ кучки, собравшейся на тротуарѣ.—Ишь какъ извиваются!...

Дѣйствительно, эта пара рысаковъ стоила того, чтобы на нихъ полюбоваться. Недаромъ на госпожу Раисову тогда „восторгъ нашелъ", и не даромъ супругъ ея выложилъ десять тысячъ. Каждое движеніе ихъ красивыхъ ногъ, каждый поворотъ головы представляли цѣлую художественную картину. И госпожа Раисова, владѣя такими рысаками, по праву гордо приподымала голову и снисходительно глядѣла на жалкихъ пѣшеходовъ, большей частью не обладавшихъ ничѣмъ, кромѣ пары своихъ истаскавшихся ногъ. Змѣи промчали коляску до угла улицы и вотъ, въ то самое время, какъ имъ предстояло повернуть налѣво, изъ-за угла показалась чрезвычайно сложная, живая пирамида, которая, завидѣвъ препятствіе, робко побѣжала въ сторону.

Это былъ обыкновенный грекъ, весь унизанный жестяной посудой, которая окружала его съ боковъ и сзади, далеко воз-

вышалась надъ головой и при этомъ ежеминутно при малѣйшихъ движеніяхъ грека, издавала странный, дребезжащій звукъ. Завидѣвъ эту страшную фигуру, горячіе рысаки мгновенно шарахнулись въ сторону, и тутъ произошло нѣчто невообразимое.

Грекъ со страха упалъ на тротуаръ и разсыпалъ весь свой жестяной скарбъ. Рысаки понеслись во всю мочь, подскакивая и крутя экипажемъ, то взлетая на тротуаръ и цѣпляясь колесами экипажа за стволы деревьевъ, ломая деревья и деревянныя тумбы, то опять попадая на мостовую.

Испуганные пѣшеходы съ крикомъ сторонились и прятались въ ворота. Коляска дѣлала неимовѣрные скачки и, казалось, всякую минуту готова была опрокинуться. Кучеръ совершенно потерялся и выпустилъ возжи. Лакей ловко размѣрилъ разстояніе, спасая свою голову, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рискуя ею, и какъ-то умудрился благополучно соскочить на мостовую. Г-жѣ Рапсовой грозила настоящая опасность, толпившаяся ради скандала публика видѣла это, но никто не ощущалъ въ груди своей иного чувства, кромѣ ужаса.

Въ то время, какъ всѣ были заняты мучительнымъ вопросомъ, что изъ этого выйдетъ, произошло нѣчто еще болѣе неожиданное. Всѣ видѣли, что навстрѣчу ко-

ляскѣ по панели шелъ человѣкъ огромнаго роста; замѣтили, что у него была рыжая борода, а у пояса былъ привязанъ и болтался бѣлый фартукъ. Но потомъ всѣмъ показалось, что этотъ человѣкъ ринулся навстрѣчу рысакамъ, и вдругъ не стало ни человѣка, ни фартука, ни рыжей бороды. Этого мало. Въ тотъ-же мигъ бѣшеныя лошади сразу остановились и на мгновеніе какъ-бы стали въ тупикъ, какъ-будто старались понять, что такое произошло. Этимъ мгновеніемъ воспользовался кучеръ и соскочилъ на землю. Г-жа Раисова, блѣдная, дрожащая, почти вывалилась на панель и тутъ же, потерявъ силы, оказалась въ надежныхъ рукахъ неизвѣстнаго молодого человѣка. Все это сдѣлалось въ одно мгновеніе, послѣ котораго лошади, какъ-бы одумавшись, съ новой силой двинулись впередъ. Всѣ это видѣли и видѣли также, что и человѣкъ съ бѣлымъ фартукомъ и рыжей бородой какъ-будто сквозь землю провалился. Это поразило всѣхъ, и каждый спрашивалъ другого, что такое случилось, и что все это значитъ, и не былъ-ли это, наконецъ, самъ дьяволъ, который иногда является съ рыжей бородой... Но рысаки уже далеко умчались и скрылись съ глазъ; ихъ остановили гораздо позже.

Госпожа Раисова все еще находилась въ обморокѣ. Неизвѣстный молодой человѣкъ бережно поддерживалъ ее обѣими руками,

ея хорошенькая головка покоилась у него на плечѣ. Изящная шляпка съ измявшимся перомъ свернулась на бокъ.

Неизвѣстный молодой человѣкъ оказался здѣсь совершенно случайно, какъ и прочая публика. Онъ былъ одѣтъ довольно прилично, хотя, повидимому, не придерживался моды. Такъ, пальто на немъ было длинное, пониже колѣней, между тѣмъ мода того лѣта требовала короткаго. Это было хорошо сохранившееся прошлогоднее пальто. На ногахъ его были ботинки темносѣраго трико — это было по послѣдней модѣ; брюки пестрыя, узкія—тоже модныя, а на головѣ—сѣрый котелокъ съ полями внизъ, по-южному. Онъ былъ высокаго роста, настоящій брюнетъ, довольно статенъ и довольно красивъ, но слишкомъ худощавъ. Онъ выказалъ много распорядительности, пославъ кого-то изъ публики въ ближайшую аптеку за спиртомъ, а въ ближайшій домъ за водой. Кромѣ того, онъ распорядился достать извозчичью коляску, такъ-какъ госпожа Рансова, конечно, не воспользовалась-бы услугами обыкновеннаго извозчика замарашки.

Спиртъ, поднесенный къ слегка вздернутому носику г-жи Рансовой, заставилъ ее очнуться, и каково же было ея изумленіе, когда она увидала себя окруженной уличной толпой, и почти въ объятіяхъ неизвѣстнаго молодого человѣка. Первымъ

ея движеніемъ было освободиться отъ объятій, а вторымъ — водворить на мѣсто шляпку и наскоро поправить другія принадлежности туалета. Она недоумѣвала, повидимому, не понимая и силясь припомнить, что такое произошло съ нею.

— О, успокойтесь пожалуйста! мягкимъ голосомъ успокаивалъ ее молодой человѣкъ: — маленькое несчастье, но ничего особенно дурного!

— Ахъ, извините! Я доставила вамъ много хлопотъ! слабымъ голосомъ заговорила г-жа Раисова, повидимому, припомнивъ все происшедшее. — А гдѣ-же лошади? Неужели ихъ не остановили? — Я боюсь, что они свернутъ себѣ шеи!..

— Ихъ, навѣрно, уже гдѣ-нибудь остановили!.. Увѣряю васъ, что вы застанете ихъ дома!

Коляски, однако, не достали.

— Какая досада! промолвилъ молодой человѣкъ: — но вы еще слабы, я не могу васъ оставить. Я надѣюсь, вы сдѣлаете мнѣ честь—воспользуетесь моей рукой...

И онъ предложилъ ей руку.

— Благодарю васъ... Мнѣ право, такъ неловко... Я васъ затрудняю... Вы и безъ того хлопотали... Я обязана вамъ жизнью!.. говорила г-жа Раисова и воспользовалась рукой молодого человѣка, потому-что, дѣйствительно, была очень слаба. Они шли по направленію къ Садовой.

Молодой человѣкъ знакомъ попросилъ толпу, чтобы она не слѣдовала за ними, но публика желала воспользоваться даровымъ зрѣлищемъ до конца и провожала ихъ торжественно, на нѣкоторомъ, впрочемъ, разстояніи.

— Боже мой! Неужели-же ихъ не спасутъ? воскликнула по дорогѣ г-жа Раисова.

— Вы безпокоитесь насчетъ вашего кучера и лакея?! спросилъ молодой человѣкъ.

— Да... Они въ опасности... Конечно... А лошади, какъ вы думаете?.. нѣсколько замявшись, объяснила г-жа Раисова,—вы не можете представить, какъ я дорожу ими... Это мои любимцы! Воображаю, какъ мужъ будетъ испуганъ. Г-жа Раисова сообразила, что слѣдуетъ упомянуть о мужѣ,—ему ужъ, вѣроятно, доложили!

Въ это время они подошли къ дому Раисова. Ловкій лакей успѣлъ уже прибѣжать домой и съ замѣтнымъ волненіемъ отворялъ двери. Молодой человѣкъ сталъ раскланиваться.

— Какъ мнѣ благодарить васъ?.. воскликнула г-жа Раисова, съ жаромъ пожимая его руку.

— Помилуйте! Этотъ несчастный случай уже сдѣлалъ меня счастливымъ, началъ было молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я должна отплатить

вамъ гостепріимствомъ! горячо перебила его г-жа Раисова,—вотъ мой домъ! Мужъ мой будетъ радъ лично выразить вамъ благодарность... Я надѣюсь, что вы будете имѣть это въ виду.. Надо доставлять людямъ возможность не оставаться въ долгу. Помните-же! Человѣкъ, который спасъ мою жизнь, будетъ всегда у меня дорогимъ гостемъ! Молодой человѣкъ благодарилъ, выражалъ полное удовольствіе и обѣщалъ непремѣнно воспользоваться приглашеніемъ.

— Мой мужъ—Раисовъ, директоръ городского банка. Знаете? косвенно отрекомендовалась г-жа Раисова.

— Имѣлъ удовольствіе слышать! почтительно отвѣтилъ молодой человѣкъ;—меня зовутъ Николаемъ Петровичемъ Гуляевымъ! въ свою очередь отрекомендовался онъ.—Однако, я прошу васъ подняться домой. Вамъ нужно оправиться.

Тутъ послѣдовало еще нѣсколько любезностей съ обѣихъ сторонъ... Молодой человѣкъ расшаркался, а г-жа Раисова, поддерживаемая лакеемъ, вошла въ свою квартиру.

Неизвѣстно почему взбѣшенные рысаки повернули за уголъ и, промчавшись по узенькому переулку, вдругъ натолкнулись на цѣлую вереницу возовъ съ сѣномъ. Поразило-ли ихъ внезапное препятствіе, или на ихъ нервы успокоительно подѣйство-

валъ запахъ свѣжаго весенняго сѣна, неизвѣстно; только въ этомъ мѣстѣ коляска остановилась и ее окружила толпа мужиковъ, владѣльцевъ возовъ съ сѣномъ. Тутъ же оказался и городовой. Первое, что остановило на себѣ общее вниманіе это, сердитый стонъ, раздавшійся неизвѣстно откуда, а когда собравшіеся съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга, то вслѣдъ за стономъ изъ того-же таинственнаго источника раздалось энергическое ругательство, адресованное ко всѣмъ присутствовавшимъ. Тогда только замѣтили, что между дышломъ и лошадью застрялъ человѣкъ, правая рука котораго запуталась въ упряжи и была окровавлена, а ноги волочились по землѣ. Сейчасъ-же его извлекли оттуда. Онъ осмотрѣлся и промолвилъ;

— Версты полторы, надо быть, проскакалъ!

На его красномъ, здоровомъ лицѣ, окаймленномъ рыжей бородой, выражалась мука. Бѣлый фартукъ былъ измятъ, шапку онъ потерялъ, и рыжіе волосы безпорядочно торчали во всѣ стороны. Это былъ дѣтина плечистый, плотный, съ гигантскими мускулами, ростомъ онъ былъ—великанъ, такъ-что окружавшіе его мужички казались предъ нимъ мальчишками. Лѣвой рукой онъ поддерживалъ правую, которая была значительно изломана; изъ кисти медленно скатывались капли крови.

Онъ видимо страдалъ и напрягалъ всѣ силы, чтобы не потерять бодрости.

— И какъ это тебя угораздило?! спрашивалъ городовой. Но, вмѣсто отвѣта, великанъ пошатнулся и готовъ былъ упасть, если-бы его не поддержали.

— Чего тутъ спрашивать! укоризненно вмѣшался какой-то мастеровой, приземистый малый съ огромной, косматой головой. Угораздило! Видишь самъ, что угораздило, ну, и вези, куда слѣдоваетъ!.. Чего тутъ языкъ чесать!.. Вишь, молодецъ-то на ногахъ не держится.

— А ты языкъ-то попридержи, съ начальственной твердостью замѣтилъ ему городовой,—дѣло и безъ тебя обойдется.

— То-то, обойдется! Вези, говорю, куда слѣдоваетъ! огрызнулся мастеровой.

Какъ ни обиженъ былъ городовой постороннимъ вмѣшательствомъ въ его область, всетаки исполнилъ совѣтъ, призвалъ извозчика, усадилъ при помощи публики рыжаго великана на дрожки и повезъ его въ участокъ. По дорогѣ великанъ пришелъ въ себя и, указывая на руку, сильно кривился и еще сильнѣе ругался. Въ участкѣ онъ предсталъ предъ властями.

Отъ него требовали объясненій, какъ было дѣло.

— Руку разламываетъ! отвѣтилъ онъ, не выдержалъ и тутъ-же передъ властями

опять выругался,—дѣлайте, что ни на есть съ рукой, не то пропаду!..

Такъ отъ него и не добились объясненій. Оставалось отправить его въ больницу. Между тѣмъ муки великана увеличивались. Руку все больше и больше разламывало, онъ уже стоналъ.

Въ больницѣ у него не спрашивали объясненій. Докторъ осмотрѣлъ руку и нашелъ вывихъ, переломъ, раздробленіе и еще что-то, а въ общемъ призналъ ее очень опасной.

Въ тотъ же часъ съ него сняли фартукъ и прочую одежду и облачили его въ больничный халатъ. Въ обширной палатѣ, наполненной больными, онъ лежалъ на кровати съ завязанной рукой. Ноги его болтались въ воздухѣ, потому что онъ оказался длиннѣе кровати. Надъ изголовьемъ торчала черная дощечка, на которой большими бѣлыми буквами было написано: „№ 34-й. Сирамаха Еремѣй, поступилъ тогда-то“, а за тѣмъ еще что-то латинскими буквами.

Лежалъ Еремѣй съ рукой перевязанной, лицомъ вверхъ; рыжая борода торчитъ въ сторону, глаза полузакрыты. Голову охватилъ легкій жаръ; изрѣдка въ тихомъ бреду что-то шепчутъ его толстыя, поблѣднѣвшія губы. Еремѣй полудремлетъ, и видятся ему диковинныя вещи. Онъ слышитъ свистъ локомотива. Густой дымъ

широкимъ столбомъ вылетаетъ изъ трубы, наполняетъ вокзалъ и разъѣдаетъ глаза. Второй звонокъ. „Эй, ты, артельщикъ № 16“, взываетъ кто-то изъ густой толпы, суетящейся на платформѣ. „Сейчасъ“, отвѣчаетъ Еремѣй, потому что это онъ и есть артельщикъ № 16-й. Онъ тащитъ безчисленное множество чемодановъ и коробокъ. „Въ первый классъ прикажете?“ почтительно спрашиваетъ онъ толстаго господина въ лисьей шубѣ. „Разумѣется“! отвѣчаетъ толстый господинъ. Онъ втаскиваетъ чемоданы въ вагонъ 1-го класса и получаетъ мелкую монету. Вотъ онъ опять на платформѣ. „Ого“! произноситъ онъ, разглядывая мелочь: „четыре гривенника! Это недурно! Хорошій господинъ!“ И опять чемоданы...

Однако, ничего, вѣдь, этого нѣтъ. Это было прежде, десять лѣтъ бывало это ежедневно, а теперь ничего этого нѣтъ. Онъ открылъ глаза. Что это? А, это больница! Онъ вспомнилъ все и ощупалъ лѣвой рукой правую. Ничего, какъ будто полегчало. Видно, доктора свое дѣло понимаютъ. Ишь, навертѣлъ чего-то вокругъ руки и стало лучше. Однако, онъ слышалъ что-то такое про переломъ. Это какъ-же будетъ? А чемоданы? Дѣло дрянь! Ну, да Богъ милостивъ, авось выправятъ. И утомленныя вѣки опять упадаютъ. Новая хата на слободкѣ неподалеку отъ вокзала. Это его

хата. Недавно онъ построилъ ее на свои кровныя сбереженія. Рубликовъ полтораста обошлось... А вотъ и баба—это его баба, и что за здоровая, да сильная баба... Какихъ она ребятъ народила... Вонъ и ребятки змѣйку бумажную пущаютъ... Вонъ Васька — ишь, опять весь измазался, а куртка-то новая... Машутка! Ты что-же глядишь? Это—твое дѣло! Ты старшая...

Охъ-охъ-охъ! Неловко повернулся онъ, и рука опять заныла. Ничего этого нѣтъ, опять передъ его раскрытыми глазами больничная палата и какіе-то люди въ халатахъ...

— Ты что-же, молодецъ во снѣ, что-ли, разговариваешь? участливо спрашиваетъ его блѣдный сосѣдъ въ халатѣ.—Машутку какую-то поминалъ...

— Машутка—это моя дочка!.. говоритъ Еремѣй, — славная дѣвченка, только розиня!..

— Ага, вотъ оно что!..

Сосѣдъ умолкаетъ, а Еремѣй опять закрываетъ глаза. Фу ты, какъ разобрало ихъ, треклятыхъ! А, должно быть, добрые кони, заводскіе! Ишь, какъ змѣи извиваются!.. Барынька сидитъ ни жива, ни мертва! Вотъ-вотъ вывалится... Кучеръ остолбенѣлъ. Того и гляди, пропадутъ двѣ души православныя!.. Эхъ, была не была, недаромъ Богъ далъ ему силу. Стой!.. Могучей грудью упирается онъ въ дышло.

Какъ только грудь ему не проломило?! Кони стали, а потомъ еще пуще взбѣсились... Самъ дьяволъ, должно быть, погонялъ ихъ, да онъ-же, полагать надо, и руку его запуталъ въ упряжь. И проволокли его кони версты съ полторы... А тамъ какіе-то возы съ сѣномъ, мужики, городовой, участокъ и вотъ больница. Глаза опять открылись. А что-же барынька? Что съ нею сталось? Жива-ли она, бѣдняжка? Можетъ ее вывалило на мостовую и расшибло? А кучеръ?..

Въ палатѣ вдругъ водворилась тишина. Докторъ обходъ дѣлаетъ, сейчасъ и къ нему подойдетъ. Надо приподняться. И онъ приподымается, опираясь лѣвой рукой о кровать.

II.

Въ то время, какъ Николай Петровичъ Гуляевъ вошелъ въ гостиную Раисовыхъ (это было въ первый вторникъ послѣ знаменитаго воскресенья), тамъ, не считая самой хозяйки, сидѣли уже двѣ дамы. Одна изъ нихъ — высокая, стройная брюнетка съ красивымъ цыганскимъ лицомъ, съ жгучими темными глазами, была вся въ чер-

номъ, не исключая и шляпки съ длинной вуалью. Другая, напротивъ, была въ веселомъ, пестромъ нарядѣ, составленномъ изъ какихъ-то разноцвѣтныхъ кусковъ шелка и бархата—довольно плотная, невысокая, румяная и веселая, почти всегда смѣющаяся. Лицомъ она чуть-чуть напоминала г-жу Раисову. Это и понятно, потому что она приходилась хозяйкѣ кузиной.

Гуляевъ остановился почти на порогѣ и съ минуту простоялъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. Его нѣсколько испугалъ блескъ обстановки: эти развалистыя кресла, обитыя малиновымъ бархатомъ, эти блестящія люстры, картины въ роскошныхъ рамкахъ. Повидимому, онъ не имѣлъ привычки вращаться въ такой обстановкѣ. Впрочемъ, онъ скоро оправился. Хозяйка пошла ему навстрѣчу и радостно протянула руку.

— Ахъ, вотъ и вы! Я очень, очень рада! Mesdames! Вотъ тотъ человѣкъ, которому я, можетъ быть, обязана жизнью... Это—мой спаситель!

Спаситель поклонился дамамъ и занялъ указанное ему мѣсто.

— Мы должны торжественно принести вамъ благодарность, m-r Гуляевъ! Еслибы не вы... Ахъ, ужасно вымолвить!.. Мы лишились-бы Лидіи Михайловны!.. съ чувствомъ промолвила дама въ пестромъ платьѣ.

Гуляевъ поклонился въ знакъ благодарности.

— Вы преувеличиваете мою заслугу!.. скромнымъ баритономъ отвѣтилъ онъ: — это просто несчастный случай, который, однакожъ, доставилъ мнѣ величайшее счастье.

Правда, эту риторическую фигуру онъ пускалъ въ ходъ уже вторично, но она казалась ему настолько удачной, что онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи повторить ее.

— Это очень мило сказано! замѣтила дама въ черномъ и при этомъ улыбнулась, показавъ свои бѣленькіе, ровненькіе зубки.

— Ахъ, Зизи, я уже успѣла замѣтить, что m-г Гуляевъ любитъ скромничать!.. промолвила Лидія Михайловна, обращаясь къ кузинѣ.

— Да?—загадочно спросила Зизи:—что-жъ, скромность—благородное качество!..

Этотъ милый разговоръ могъ-бы продолжаться безъ конца. Но въ это время въ гостиную буквально влетѣлъ маленькій вертлявый старичекъ съ выбритымъ подбородкомъ и сѣденькими бакенбардами. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ и съ портфелемъ подъ мышкой.

— Вы живы? Живы? Ахъ, мой Богъ; я только сейчасъ узналъ... Какой ужасъ! Какой ужасъ!..—лепеталъ старичекъ, усер-

дно лобызая обѣ руки Лидіи Михайловны: — я, знаете, ѣду въ палату, по должности, знаете, вдругъ встрѣчаю Пьера... Были? — спрашиваетъ, поздравляли? Что такое, говорю—ничего не понимаю... Понимаете?.. Какъ-же, говоритъ, Лидію Михайловну со спасеніемъ отъ опасности!.. Я, знаете, такъ и затрясся... Лидія Михайловна — въ опасности!.. Объясняетъ — лошади, говоритъ, понесли... Чудомъ только спаслась... Ахъ, Боже мой! Я сейчасъ это повернулъ назадъ коляску, да вмѣсто должности къ вамъ!.. Но вы живы, драгоцѣнная? Оправились? и старичекъ опять принялся за цѣлованіе ручекъ.

— Жива, какъ видите! — отвѣтила Лидія Михайловна, — и вотъ кому обязана этимъ,—она указала на Николая Петровича. Вотъ человѣкъ, который спасъ мнѣ жизнь...

— Молодой человѣкъ! Вы счастливѣйшій изъ смертныхъ! Я дружески жму вашу руку и... завидую вамъ... Да, завидую.

Гуляевъ всталъ, поклонился и пожалъ дряблую ручку своего завистника.

— Но разскажите, Боже мой!.. разскажите, какъ это случилось? — спрашивалъ старичекъ, разваливаясь въ креслѣ. Но въ этотъ моментъ онъ замѣтилъ дамъ и вскочилъ, точно его снизу прижгли раскаленнымъ желѣзомъ.—Мой Богъ, мой Богъ!..

Извините, mesdames... Я — точно сумасшедшій... Какъ узналъ это... про этотъ ужасъ... Ничего не понимаю, ничего не вижу... Совершенно не замѣтилъ.... Вы такъ безмолвны, скромны—и онъ перецѣловалъ ручки у обѣихъ дамъ: — Ну-съ! Какъ-же это случилось? Боже мой!—обратился онъ опять къ Гуляеву... Вѣдь, это ужасно!.. Если это очень ужасно, такъ ужъ вы лучше не разсказывайте... я, пожалуй, не вынесу!.. Нервы у меня, знаете, ахъ нервы!..

— О, да! Это ужасно! — въ одинъ голосъ промолвили всѣ три дамы. Старичекъ отмахнулся обѣими руками.

— Пасъ, пасъ! — шутливо промолвилъ онъ:—ну, а Сергѣй Львовичъ, вашъ супругъ, я думаю—и теперь въ отчаяньи?!.

— Не потому-ли, что осталась жива?! Ха, ха, ха!..

— Ха, ха, ха! — бѣшено разсыпался старичекъ — въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ!.. Я-же сказалъ вамъ, что я точно сумасшедшій!.. Ха, ха, ха!.. Я совершенно не сообразилъ... Вѣдь вы оправились?.. Я думаю, онъ въ восторгѣ!.. Я также, я также! О, я въ восторгѣ...

И опять цѣлованье рукъ; послѣ этого старичекъ поднялся.

— Надо въ палату, тамъ ждутъ! Еще разъ, молодой человѣкъ, съ благодарностью пожимаю вамъ руку! Вы сохранили для

насъ перлъ, понимаете? Перлъ! Алмазъ!.. Да-съ, именно алмазъ...

Онъ потрясъ руку Гуляева, еще разъ приложился къ дамскимъ ручкамъ и какъ-то мгновенно вышмыгнулъ изъ гостиной.

Но не успѣлъ онъ скрыться, какъ изъ передней послышался звукъ цѣлованья ручекъ. Очевидно, тамъ онъ встрѣтилъ даму. И дѣйствительно, тотчасъ - же въ гостиную ввалилась туша, — вся въ черномъ атласѣ, въ низенькой шляпкѣ на затылкѣ, съ изящной сумкой въ рукахъ, вышитой какими-то замысловатыми бисерными узорами. Туша задыхалась и пыхтѣла. Она буквально набросилась на Лидію Михайловну и принялась душить ее поцѣлуями. Въ промежуткахъ между этими выраженіями любви, точно изъ глухой бочки, вылетали не то фразы, не то вздохи". Mon Dieu!.. Неужели!?. Ахъ!.. Можно-ли такъ!.. Себя... не беречь... Ахъ... ахъ... ахъ!.."

Послѣ дюжины поцѣлуевъ туша грохнулась въ кресло, которое приняло ее съ протестующимъ трескомъ. Лицо взволнованной дамы было совершенно красно; судя по этому расплывшемуся лицу, ей можно было дать лѣтъ за пятьдесятъ; классическая грудь могуче вздымалась, глаза были влажны и, повидимому, собирались плакать. Mesdames! Извиняюсь...

Не въ силахъ... пожать ваши руки... Я такъ взволнована... Такъ...

— Вы утомились, тетушка?—спросила ее хозяйка.

— Утомилась, мой другъ, и... взволнована!.. Ахъ, неужели это было?—Тетушкѣ подтвердили, что это дѣйствительно было.

— Но какъ-же... какъ-же ты уцѣлѣла, мой дружокъ?

— Вотъ кому я обязана этимъ... М-r Гуляевъ!.. Онъ спасъ мою жизнь!..

Гуляевъ опять долженъ былъ подняться и поклониться. Это начинало уже надоѣдать ему.

— Спасибо вамъ, М-r Гуляевъ!.. Ахъ, спасибо!—произнесла тетушка, все еще задыхаясь:—Знаешь, мой дружокъ, я слышала—мои люди передавали мнѣ, будто тамъ какой-то человѣкъ попалъ подъ коляску и раненъ...

— Ахъ... Неужели?.. Гдѣ онъ? Кто онъ?

— Говорятъ, какой-то мужикъ! Въ больницѣ онъ теперь... Да ты не безпокойся, мой дружокъ! Въ больницѣ, вѣдь, ихъ хорошо содержатъ. Ужъ во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ дома. Все готовое! Они рады бываютъ попасть въ больницу.

— Но всетаки... всетаки... Я должна посѣтить его! Mesdames! Посѣтимте его вмѣстѣ.

— Ахъ, это очень мило! Съ удовольствіемъ!—отвѣтили дамы.

— И вы, m-r Гуляевъ?

— Почту за честь!—промолвилъ Гуляевъ, хотя вовсе не былъ расположенъ таскаться по больницамъ.

— Прелестно, прелестно... Я сейчасъ велю приготовить!..

Она позвонила, вошелъ лакей: ему велѣли приготовить сахаръ, чай и еще что-то. — Итакъ, мы поѣдемъ!.. Прелестно!..

— Скажите, тамъ нельзя заразиться, въ больницѣ? спросила тетушка.—Я ужасно боюсь этого...

— О, нѣтъ! Хирургическія болѣзни не заразительны! успокоилъ ее Гуляевъ.

— Въ такомъ случаѣ, mesdames, и я поѣду съ вами!.. Это непремѣнно слѣдуетъ... Посѣщать больныхъ—это нашъ долгъ... Я, признаться, ни разу еще въ своей жизни не была въ больницѣ!..

Въ залу тихими, неслышными шагами вошелъ господинъ почтенныхъ лѣтъ, средняго роста, умѣренной плотности. У него было умное лицо съ большими выразительными сѣрыми глазами. Онъ носилъ роскошные усы и брилъ щеки и подбородокъ. Посрединѣ головы обозначалась уже красивая лысина, окаймленная шелковыми кудрями.

— Вотъ кстати собрались вы, mesdames! промолвилъ онъ, здороваясь съ дамами

какъ-бы мимоходомъ.—Я сегодня свободенъ и предлагаю вамъ отправиться къ намъ на дачу... Тамъ мы пообѣдаемъ и поплаваемъ въ лодкѣ... Кстати выпьемъ шампанскаго по случаю чудеснаго спасенія Лили.

— А вотъ и спаситель на лицо!—Позволь тебя представить!.. Это мой мужъ! пояснила Лидія Михайловна Гуляеву.

Гуляевъ опять всталъ, чтобы пожать протянутую руку и выслушать что-нибудь въ благодарственномъ родѣ. Но господинъ Раисовъ выразился скромно.

— Никогда не забуду вашей услуги! сказалъ онъ, какъ-то пытливо осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, какъ-бы сомнѣваясь, чтобы этотъ господинъ могъ, какимъ-бы то ни было образомъ, оказать ему услугу.

— Такъ ѣдемте? предложилъ онъ, обращаясь къ дамамъ; вы, mesdames, возьмите себѣ каждая по Пьеру, или по Сержу... А то вѣдь вамъ будетъ скучно!.. А вы, m-r Гуляевъ, конечно, съ нами?!

Гуляевъ поклонился.—Я черезъ десять минутъ буду къ вашимъ услугамъ, mesdames! прибавилъ г. Раисовъ и удалился къ себѣ.

— Это очень мило придумалъ Сергѣй, не правда-ли? Мы прелестно проведемъ денекъ на дачѣ! промолвила Лидія Михайловна.

— А какъ-же больница? вспомнила тетушка.

— Ахъ, да! Въ самомъ дѣлѣ!.. Какъже это будетъ?.. Вѣдь мы не успѣемъ....

— Вотъ что, Лидочка, я думаю, ему можно послать... Это, вѣдь, все-равно? предложила Зизи.

— Да, да! Это правда! Отъ нашего посѣщенія ему ничего не прибавится... Я распоряжусь отослать...

Часа въ два того же дня двѣ коляски, переполненныя веселой публикой, мчались на дачу. Тутъ были и Пьеръ, и Сержъ, которые очень мало отличались другъ отъ друга; достали даже старичка изъ палаты. Денекъ былъ проведенъ очень весело. Катались на яликѣ по морю (у г. Рапсова былъ собственный яликъ-игрушечка), пили шампанское и слушали пѣніе Лидіи Михайловны, у которой былъ прелестнѣйшій контральто...

Сильно тревожился нашъ Еремѣй, проводя дни въ больницѣ.

Жилось тамъ ему недурно: кормили хорошо, ухаживали, никто не бранилъ его; рука тоже не очень безпокоила его, товарищи по больницѣ были народъ веселый— сказки разсказывали, прибаутки. Какой-то отставной солдатикъ разсказывалъ занимательныя исторіи про турецкую войну, а Еремѣй только головой покачивалъ, по-

тому-что самъ былъ солдатомъ и хорошо зналъ эти исторіи; нашлись даже мастера пѣсни пѣть и, хотя этого больничное начальство не дозволяло, однако умудрялись и тянули въ полголоса. Народъ здѣсь былъ все больше рабочій — свой братъ. Настоящихъ больныхъ не было, а все съ переломами, да съ разными изъянами. И жилось-бы Еремѣю хорошо, да вотъ одно горе—ничего онъ не знаетъ про домашнихъ, про свою бабу и про дѣтокъ. Каково-то имъ теперь живется? Съ голоду они, положимъ, не мрутъ, потому—всетаки коечто тамъ припасено, а что они о немъ думаютъ? Авдотья, (это — его баба) должно быть, убивается, всѣ глаза проплакала, весь городъ обѣгала, думаетъ—его ужъ на свѣтѣ нѣтъ. Вотъ это угнетало Еремѣя. И, главное, какъ оповѣстить ихъ? Къ товарищамъ въ палату приходила родня, да все изъ другихъ мѣстъ города, и ни души—съ слободки; но вотъ, на третій день его пребыванія въ больницѣ, въ палату привезли рабочаго съ желѣзной дороги. Бѣдняга стоналъ отъ боли: ему оторвало нижнюю часть ноги: товарный поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, несчастій, какъ говорили, не было, а только вотъ одному рабочему часть ноги оторвало, другого на мѣстѣ оставило. На другой день къ этому рабочему пришла жена, которая такъ и ахнула, увидѣвъ въ больницѣ Ере-

мѣя. Она была слобожанка и Еремѣева кума.

— Ахти, свѣты Господи! А онъ тутъ, голубчикъ ты мой! А Авдотьюшка, кажись, ужъ и панафидку служитъ! воскликнула кума.—Сначала это все молебны нанимала,—думала, Господь смилуется, возвратитъ... Ну, день, другой... На третій день ужъ она будто сама не своя стала, словнобы дурь на нее нашла... Бѣгаетъ это по слободкѣ, да плачемъ разливается... Нѣту, говоритъ, моего Еремки!.. Должно, говоритъ, этою проклятою чугункой его придавило, и стала это она панафидки служить... И такая она горемычная... такая горемычная! Вотъ радости-то будетъ, какъ я ей скажу про тебя... — И, говоря объ этихъ предстоящихъ радостяхъ, баба плакала навзрыдъ, потому-что передъ нею лежалъ ея собственный мужъ съ оторванной частью ноги...

И дѣйствительно, когда на другой день въ палату ввалилась сама Авдотья съ Васькой и Машуткой, то это было настоящее ликованье. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ великое счастье заключалось въ томъ, что Еремѣю раздробило руку и что онъ лежалъ теперь въ больницѣ. Всѣ четверо они плакали, но это были слезы скорѣе радости, чѣмъ печали.

— Господи! Царица небесная! Угодники святые! — воскликнула Авдотья, стоя

на колѣняхъ передъ кроватью Еремѣя и воздѣвая руки кверху.—А я-то грѣшница, я-то окаянная!—Панафидку вдругъ!.. Ахъ-ахъ-ахъ!.. Что же это мнѣ будетъ? Какой же это грѣхъ! Мужа родного заживо похоронила!.. Ой-ой-ой!..

— Ничего, ничего, баба! Это къ добру!—утѣшалъ ее какой-то отставной солдатикъ:—сказываютъ, ежели котораго человѣка заживо отпѣваютъ, то ему долго жить!..

— Не кручинься, баба! Поправимся!—утѣшалъ ее и Еремѣй.

— Охъ, Еремѣй! Еремѣй! Наплакались мы, то-есть такъ наплакались...

— Ну, наплакались, и будетъ, довольно! Оно и грѣхъ, знаешь, плакаться попустому!.. Да и слезъ жаль; побереги-ка, пригодятся! Жизнь еще долга...

— А мы, тятька, думали, что тебя чугункой скрутило!—громко, на всю палату отчеканилъ Васька.

— О-охъ,—простоналъ въ отдаленномъ углу рабочій съ оторванной частью ноги.

— Тише, пострѣлъ, тише!—вполголоса пригрозилъ Еремѣй сыну: — вишь, человѣка взмутилъ!.. Чугунка то ему дорого пришлась! Фершалъ сказалъ, завтра всю ногу отымутъ!

Васька присмирѣлъ, да и вся палата какъ-то мгновенно и будто пугливо умолкла, точно у всѣхъ разомъ въ воображеніи

пронеслось это страшное чудовище — чугунка, безнаказанно отрывающее людямъ ноги и головы. Всѣхъ какъ-то внезапно тронула судьба несчастнаго товарища, которому завтра предстояло совсѣмъ потерять ногу. Въ больничной палатѣ всѣхъ охватываетъ мрачное настроеніе, когда кому-нибудь скоро грозитъ тяжелая опасная операція. Такъ точно наканунѣ исполненія смертнаго приговора надъ однимъ изъ преступниковъ всѣхъ обитателей тюрьмы охватываетъ невыразимая тоска. Среди водворившейся на минуту тишины, послышался скрипъ двери, въ палату вошелъ служитель, а вслѣдъ за нимъ господинъ, довольно прилично одѣтый, съ гладко выбритымъ лицомъ. Господинъ шелъ не безъ важности, съ нѣкоторымъ какъ-бы соболѣзнованіемъ глядя по сторонамъ на лежащихъ на койкахъ больныхъ. Въ рукахъ онъ держалъ небольшой узелокъ въ красномъ шелковомъ платкѣ. Служитель указалъ ему на кровать № 24. Онъ остановился.

— Это тебя, что-ли, придавило тогда экипажемъ? спросилъ онъ, обратившись къ Еремѣю.

Еремѣй сдѣлалъ усиліе и почтительно приподнялся на кровати.

— Должно-быть, что меня, ваша милость, только не экипажемъ, какъ вы изволите... а этакъ... промежъ лошадей за-

терло! отвѣтилъ онъ среди глубокой тишины, потому-что вся палата, въ виду присутствія приличнаго господина, слилась въ почтительное молчаніе.

— Ну, это все равно! Вотъ госпожа прислала тебѣ...

— Госпожа?! Это, которая въ коляскѣ тогда?! Ахъ, а я все думалъ... Живы-ли онѣ?.. Значитъ, онѣ благополучны?..

Господинъ нѣсколько удивился такому вопросу.

— Совершенно благополучны! не совсѣмъ охотно отвѣчалъ онъ.—Ты возьми вотъ это, а платокъ возврати!..

— Ну, бери-ка, Авдотья! Что глядишь? Видишь, вспомнили!.. Барыня, видно, добрая; пошли ей, Господь, счастья!.. А я, признаться, безпокойствовалъ... Какъ тогда скрутило это меня, такъ я ужъ ихъ не видѣлъ... Такъ, говорите, благополучно, ваша милость?

— Ну, да, да, благополучно!

Въ это время Авдотья развернула узелъ и передала платокъ господину. Господинъ повернулся, чтобъ уйти.

— А вы кто-жъ будете, добрый господинъ? спросилъ его Еремѣй.

Господинъ остановился и не сразу отвѣтилъ. Казалось даже, что онъ былъ недоволенъ вопросомъ Еремѣя.

— Я... при нихъ... при ихнемъ домѣ

состою... камердинеромъ! сказалъ онъ и съ минуту подождалъ.

— Ну, покорно благодаримъ васъ. Очень вамъ благодарны! разсыпался Еремѣй,—а извините, господинъ кармандиръ, кто-жъ такія будутъ сами госпожа?

— Г-жа Раисова! Ее весь городъ знаетъ! съ гордостью отвѣтилъ камердинеръ г-жи Раисовой и вышелъ изъ палаты.

Сейчасъ-же вокругъ кровати Еремѣя собралась кучка любопытныхъ. Авдотья распаковывала дары. Оказалось, что въ узелкѣ были: двѣ французскихъ булки, связка баранокъ, три фунта сахару, осьмушка чаю и два десятка кондитерскихъ пирожковъ; ко всему этому между пирожками отыскалась еще рублевая бумажка. Еремѣй былъ въ восторгѣ.

— Добрая барыня! Сейчасъ видно, что добрая! Вспомнила, вспомнила! повторялъ онъ. Машутка и Васька немедленно принялись уплетать пирожки, находя ихъ невѣроятно вкусными. Еремѣй и Авдотья тоже съѣли по пирожку; ѣли кое-кто изъ публики, кому хватило. Въ три минуты пирожковъ какъ не бывало. Пирожки, правда, были далеко не первой свѣжести. Ихъ купили дня три тому назадъ, да за недосугомъ прислали только сегодня. Все было некогда.

— Кармандинъ, что-ли? Такъ онъ сказалъ? спрашивалъ кто-то изъ больныхъ—

носильщикъ угольевъ изъ гавани. Это что-же такое будетъ?

— Кармандинеръ—это все одно, что лакей,—пояснилъ другой, человѣкъ свѣдущій, изъ фабричныхъ.

— Только-то? А, поди, какъ одѣвается! Я думалъ сначала, ужъ не самъ-ли баринъ... Нынче ихъ и не отличишь...

— Ну, видишь, баба, чего плакала? говорилъ Еремѣй Авдотьѣ,—вонъ барыня вспомнила, значитъ и награжденіе будетъ. Я думаю, что безпремѣнно мнѣ награжденіе будетъ...

— Дожидайся, братъ! возразилъ фабричный, съ изуродованной кистью руки—я тоже одинъ разъ ради одного этакого важнаго господина чуть себѣ шею не свернулъ... Понимаешь ты, рубъ серебра подарилъ... Ха-ха! Не больно-то они охочи до награжденіевъ.

— Э, господинъ господину розь! увѣренно возражалъ Еремѣй,—она добрая; самъ видишь, вспомнила. Никто не тянулъ ее!.. Нѣтъ, ужъ безпремѣнно награжденіе будетъ!

— Да дай Богъ, дай Богъ!.. Только сомнительно мнѣ. Потому господа—народъ на деньгу трудный, ежели это не для удовольствія ихняго...

— Дай Богъ, дай Богъ!.. говорили всѣ ѣвшіе и не ѣвшіе пироговъ.

III.

Меблированный домъ „дворецъ Люксембургъ“, въ которомъ Гуляевъ занималъ одну комнату съ маленькой передней, не пользовался репутаціей приличнаго замка. Здѣсь отдавались комнаты „помѣсячно и посуточно“, останавливались проѣзжіе на нѣсколько дней, жили пѣхотные офицеры, одинокія дамы, холостые чиновники не крупнаго калибра. Гуляевъ занималъ мѣсто въ желѣзнодорожной конторѣ, получая рублей семьдесятъ въ мѣсяцъ—сумма, назначенная для того, чтобы приличный молодой человѣкъ не сводилъ концы съ концами. Въ его комнатѣ стояла довольно уже потертая мебель, валялись старыя газеты, какія-то конторскія книги и царилъ полнѣйшій безпорядокъ.

Онъ всталъ въ этотъ день часовъ въ десять и рѣшилъ не пойти въ должность. Вотъ уже нѣсколько дней онъ обдумывалъ одинъ очень важный вопросъ. Гуляевъ былъ человѣкъ основательный, никогда ничего не рѣшалъ съ плеча, а ужъ если что предпринималъ, то лишь тогда, когда имѣлъ всѣ шансы на успѣхъ. На этотъ разъ его разсужденія резюмировались слѣдующимъ образомъ: „благородное чувство благодарности остываетъ такъ же быстро и

легко, какъ и другія благородныя чувства. Что изъ этого эпизода можно извлечь много пріятныхъ вещей—это не подлежитъ сомнѣнію. До сихъ поръ—я получилъ доступъ въ нѣкоторые дома, которыхъ мнѣ прежде не видать-бы, какъ своихъ ушей. Все это очень пріятно. Не лишено пріятности также наклевывающееся сближеніе съ этой пикантной, траурной вдовушкой. Изъ всего этого могутъ выйти очень хорошія вещи, если у меня будетъ положеніе. Теперешнее-же мое положеніе никуда не годится. Г-жѣ Раисовой ничего не стоитъ оказать давленіе на господина Раисова, а господинъ Раисовъ въ банкѣ—все. Отсюда выводъ: необходимо ковать желѣзо, пока оно горячо!"

Въ этотъ день Гуляевъ занимался своимъ туалетомъ больше обыкновеннаго, зашелъ даже къ парикмахеру, который завилъ ему усы и устроилъ изящную прическу. Отсюда онъ пошелъ прямо къ Раисовымъ. Онъ пришелъ очень кстати, такъ какъ г-жа Раисова была одна. Это было за полчаса передъ завтракомъ, и онъ это зналъ; онъ пришелъ именно въ такой часъ, когда у директора банка былъ пріемъ въ самомъ банкѣ, и когда жена директора банка скучала. Это было вдвойнѣ выгодно. Во-первыхъ, онъ можетъ переговорить съ ней о своемъ дѣлѣ, а во-вторыхъ, за завтракомъ она успѣетъ переговорить о

его дѣлѣ съ мужемъ, и, такимъ образомъ, въ какихъ-нибудь два часа его дѣло будетъ покончено.

— Вы насъ совсѣмъ позабыли, m-r Гуляевъ, какъ вамъ не стыдно! привѣтливо встрѣтила его Лидія Михайловна.

— У меня служба, Лидія Михайловна! Я и то сегодня, чтобы навѣстить васъ, манкировалъ...

— Merci... Вы очень любезны!..

Присѣли.

— Какъ-же ваши дѣла, m-r Гуляевъ? Вы никогда не похвалитесь своими дѣлами! занимала гостя Лидія Михайловна.

— Мои дѣла, Лидія Михайловна, всегда плохи, въ этомъ надо сознаться!..

Хозяйка сдѣлала удивленное лицо. Она не ожидала такого печальнаго отвѣта. Во-первыхъ, она спросила вовсе не затѣмъ, чтобы онъ откровенно разсказывалъ ей о своихъ дѣлахъ, она просто „занимала“ его, а во-вторыхъ, это даже не совсѣмъ приличный отвѣтъ. Когда въ гостиной спрашиваютъ о дѣлахъ, обыкновенно отвѣчаютъ „merci“ и—только!

— Неужели? Я совсѣмъ не подозрѣвала!.. Отчего-же вы никогда не говорили о своемъ горѣ?.. Ахъ, m-r Гуляевъ! Это даже грѣшно!..

— О горѣ—это слишкомъ сильно сказано! Горя нѣтъ, а есть плохія дѣла, Лидія Михайловна! Да притомъ, я не люблю

навязывать свои непріятности другимъ, хотя-бы и искренно расположеннымъ ко мнѣ людямъ... Но такъ какъ вы уже пожелали знать...

— О, пожалуйста, говорите!.. Я вся — слухъ!..

„Великолѣпно, великолѣпно“, подумалъ Гуляевъ.

— Я служу на желѣзной дорогѣ и получаю 70 р. въ мѣсяцъ...

— Только 70 рублей? Мой Богъ! Но, вѣдь, этого не хватитъ на сигары!.. на этотъ разъ искренно ужаснулась хозяйка.

— И при этомъ, у меня нѣтъ никакой протекціи, а, слѣдовательно, никакой надежды получать больше...

— Это ужасно, это ужасно! твердила Лидія Михайловна.

„Не догадывается“, подумалъ Гуляевъ: „надо натолкнуть“.

— Я всегда думалъ, что банковская служба гораздо благодарнѣе... Не правда-ли?

— О, да; я думаю!.. Знаете-ли, мнѣ ужасно хотѣлось-бы... Я скажу мужу... Вотъ еслибы васъ перетянуть къ намъ въ банкъ!..

— О, я ничего не имѣлъ-бы противъ этого! какъ нельзя болѣе искренно отвѣтилъ Гуляевъ,—мнѣ было-бы безконечно пріятно служить подъ вашимъ начальствомъ, ха-ха-ха!..

Разсмѣялась и Лидія Михайловна. Шутка была сказана очень кстати, такъ какъ дѣловой тонъ во время визита не считается приличнымъ.

— Скажите, вы, кажется, почти не живете на дачѣ? спросилъ Гуляевъ.

— О, да, какъ придется!.. Но больше здѣсь! Знаете, у мужа—дѣла. Куда-же вы, m-r Гуляевъ? Развѣ вы не позавтракаете съ нами?

— Я долженъ еще побывать на службѣ, благодарю васъ!

— Ахъ, бѣдный, бѣдный! Однако, можете надѣяться на меня! Я почти ручаюсь!..

— Буду очень, очень вамъ благодаренъ!

И Гуляевъ, совершенно довольный своимъ визитомъ, вышелъ.

„Если г-жа Раисова захочетъ, то г-нъ Раисовъ сдѣлаетъ. Это ужъ вѣрно!“ весело разсуждалъ онъ, направляясь во „дворецъ Люксембургъ“.

Тотчасъ-же послѣ его ухода, изъ банка вернулся Сергѣй Львовичъ. За завтракомъ, между прочимъ, произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Я хотѣла просить тебя, Сержъ!.. начала Лидія Михайловна.

— Ты можешь приказывать, мой дружокъ! перебилъ ее Сергѣй Львовичъ.

— У меня только что былъ m-r Гуляевъ... Знаешь, у него ужасно плохія дѣла!.. Онъ служитъ на желѣзной дорогѣ и

получаетъ всего 70 р. въ мѣсяцъ... Всего 70 рублей!..

— Ну, это, мой дружокъ, еще не такъ ужасно, какъ ты думаешь!..

М-г Гуляевъ—молодой человѣкъ!.. Я въ его годы получалъ тридцать рублей; ты, вѣдь, знаешь...

— Да, но у него нѣтъ никакой протекціи...

— Ха-ха-ха! Но если ты ему протежируешь, то какой-же ему еще надо протекціи?..

— Да, если я протежирую... Я вотъ именно и хотѣла... просить тебя дать ему мѣсто въ банкѣ...

— Мой дружокъ!.. У насъ, въ банкѣ, всѣ мѣста заняты... Это очень трудно сдѣлать теперь... Пусть подождетъ!..

— А я хотѣла-бы теперь, Сержъ!.. Вѣдь онъ спасъ мнѣ жизнь, ты знаешь!—я надѣюсь, что ты сдѣлаешь это для меня!

„Для меня!“ — Противъ этихъ двухъ словъ Сергѣй Львовичъ обыкновенно не находилъ возраженій. Лидія Михайловна такъ много сдѣлала для него, что онъ долженъ былъ все сдѣлать для нея. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нѣкогда онъ былъ ничто иное, какъ маленькій репортеръ, хлопотливо собиравшій свѣдѣнія для газеты, гдѣ ему платили по 2 к. за строчку... Правда, онъ былъ изъ хорошей, но обѣднѣвшей фамиліи; правда также, что онъ былъ

очень красивъ, и у него изъ глубокаго дѣтства сохранились хорошія манеры; правда, наконецъ, и то, что она прежде, чѣмъ отдать ему свое состояніе, полюбила его страстно, и что онъ отвѣчалъ ей такой-же страстной любовью, и что въ продолженіе всей дальнѣйшей жизни онъ былъ съ нею нѣженъ, честенъ и правдивъ. Но все-же ей одной онъ обязанъ всѣмъ своимъ благополучіемъ, и когда она говоритъ: „для меня",—онъ безсиленъ. Однако, онъ промолчалъ и потому Лидія Михайловна выпустила еще одинъ рессурсъ, кажется, послѣдній.

— Ну, Сержъ, такъ какъ ты мнѣ позволилъ приказывать, то я—приказываю!

Это было сказано съ очаровательнѣйшей улыбкой; Сергѣю Львовичу оставалось только поцѣловать хорошенькую ручку своей жены и прибавить: „быть по сему!"

На той-же недѣлѣ Гуляевъ оставилъ свою прежнюю должность и получилъ мѣсто „оцѣнщика" въ коммерческомъ банкѣ. Мѣсто это оплачивалось двумя тысячами рублей и, такъ какъ оно было возвышенное, то съ него для Гуляева открывались обширные горизонты... Гуляевъ былъ совершенно доволенъ.

Прошло дня три. Часовъ около двухъ дня, когда Лидія Михайловна выѣхала кататься на своихъ коварныхъ, но тѣмъ не менѣе любимыхъ рысакахъ, на Садо-

вой улицѣ появился человѣкъ огромнаго роста, съ рыжей бородой, въ рубахѣ изъ толстой парусины, подпоясанной краснымъ шарфомъ. Онъ шелъ медленно, неувѣренно и постоянно смотрѣлъ по сторонамъ, какъ-бы что отыскивая. Одна рука у него была обвязана чернымъ платкомъ, прикрѣпленнымъ къ шеѣ, другая ее поддерживала. Онъ остановился у дома Раисовыхъ и несмѣло спросилъ у швейцара.

— Не здѣсь-ли, извините, живетъ господинъ генералъ Раисовъ?

Швейцаръ осмотрѣлъ и улыбнулся.

— Здѣсь, только они не генералъ, а директоръ! отвѣтилъ онъ.—А тебѣ что надо?

— Мнѣ ихъ-то и надо! Дѣло къ нимъ имѣю.

— Какое такое дѣло? Ты что же заемщикъ въ банкѣ будешь, что-ли? Ха-ха!..

Швейцаръ острилъ, впрочемъ, безъ всякой злости и насмѣшки, такъ-какъ онъ былъ швейцаръ добродушный и любилъ острить единственно по влеченію своего ума.

— Я этого не понимаю, что вы говорите, господинъ... Только мнѣ нужно видѣть господина Раисова! Я къ нимъ съ просьбой...

— Еще бы! Къ господину Раисову всѣ съ просьбой ходятъ! Никто съ одолженіемъ! Хе-хе!.. Какая-же твоя просьба?

— Да вотъ...—Онъ указалъ на пере-

вязанную руку:—когда тось, можетъ изволите помнить—барыню, супругу, значитъ ихнюю, лошади понесли, а я промежду нихъ... Вотъ и раздробило... Такъ, можетъ, отъ нихъ какія милости будутъ!..

— А! Ты этотъ самый?! Ну, тебя, пожалуй, примутъ! Вотъ я доложу!..

Швейцаръ поднялся наверхъ, а Еремѣй подумалъ про себя: „вишь, и этотъ знаетъ!.. Не забыто, значитъ! Я-же говорилъ, что милости будутъ. Нѣтъ, ужъ я сейчасъ видѣлъ, что господа они добрые!. А живутъ-то какъ! И домъ собственный, и ковры, и всякая штука!.. Должно-быть, хорошее будетъ награжденіе!..“

— Ну, иди, молодецъ! Приказано звать тебя! произнесъ вернувшійся швейцаръ!—только ты возьми вотъ этотъ коверчикъ, да вытри хорошенько сапоги!

Еремѣй исполнилъ послѣднее съ сердечнымъ сокрушеніемъ. Больно ужъ хорошъ показался ему коверчикъ, и жаль было ему портить эту вещицу своими сапогами. Потомъ онъ поднялся наверхъ и былъ препровожденъ въ переднюю. Препроводилъ его тотъ самый господинъ, который приносилъ въ больницу пирожки. Раисовъ тотчасъ-же вышелъ. Онъ, повидимому, спѣшилъ, и имѣлъ видъ человѣка, нежелающаго оставаться дольше одной минуты.

— Что тебѣ?.. прямо спросилъ онъ Еремѣя. Тотъ поклонился.

— Я къ вашей милости, потому, какъ лошади понесли вашу супругу, сами изволите видѣть...

— Я знаю, знаю, мой милый!.. Я слышалъ!.. Вотъ тебѣ отъ меня!.. Возьми на здоровье!..

Господинъ Раисовъ вынулъ изъ бумажника десятирублевку и подалъ ее Еремѣю.

— Ваше превосходительство! Васъ Богъ наградитъ за эти милости!.. только у меня жена и двое дѣтей... Работать я теперича не въ силахъ, потому какъ прежде я былъ артельщикомъ, а теперь не гожусь... Можетъ, ваша милость дадите мнѣ какое мѣсто сторожа, либо на посылки... Ноги у меня, слава Тебѣ, Господи, цѣлы, а рука не дѣйствуетъ...

— Ну, мой милый, ты, кажется, многаго хочешь!.. Вотъ, пожалуй, возьми еще (еще одна десятирублевка)... Не виноватъ-же я, что ты неосторожно ходишь по улицамъ и попадаешь подъ экипажи!..

— Ваше превосходительство! Я не попалъ... Я когда видѣлъ, что лошадки, значитъ, понесли вашу супругу, такъ я самъ навстрѣчу пошелъ и остановилъ... Остановилъ, ваше превосходительство, ваша супруга вышла тогда, а лошадки дальше понесли...

— Мой милый, ты это ужъ басни мнѣ

разсказываешь! Неужто кто-нибудь повѣритъ, что ты могъ остановить моихъ рысаковъ?.. Ха-ха!..

— Никто не повѣритъ, это вѣрно, а только остановилъ, истинно остановилъ... Потому, какъ я былъ въ солдатахъ, и на войнѣ съ турками сражался... Раны имѣю, ваше превосходительство... Такъ не будетъ ли милости насчетъ сторожа, либо чего... Семья у меня!..

— Вотъ тебѣ, любезный, еще пять рублей и, я думаю, этого довольно! — на этотъ разъ уже нетерпѣливо промолвилъ господинъ Раисовъ и ушелъ въ кабинетъ.

Постоялъ съ минуту Еремѣй и обратился къ камердинеру:—„а барыню можно видѣть?—барыня добрѣе! Барыни завсегда добрѣе бываютъ“, подумалъ онъ.

— Барыни нѣту дома, изволятъ кататься! отвѣтилъ камердинеръ.

— А подождать?

— Нѣтъ, братъ, лучше и не жди! Больше ничего не получишь! такимъ безнадежно увѣреннымъ тономъ сказалъ камердинеръ, что Еремѣй, уже больше не раздумывая, повернулъ вонъ.

— Э-ге-ге, братецъ, да съ тебя могарычъ! Вишь сколько награды получилъ! пошутилъ добродушный швейцаръ, пропуская его въ выходъ. Еремѣй держалъ свою добычу въ рукахъ и тутъ только сообразилъ, что нужно спрятать деньги. Онъ

вышелъ и надѣлъ шапку.

— Былъ на войнѣ, раны получалъ, а все было слава Богу... А теперь, послѣ этого прямо хоть въ богадѣльню! мелькнуло у него въ головѣ.

Едва онъ отошелъ десять шаговъ, какъ у подъѣзда остановилась коляска, изъ которой выпрыгнула г-жа Раисова. Въ это-же время къ ней подошелъ молодой человѣкъ.

— Вы къ намъ, конечно? спросила г-жа Раисова.

— Явился лично поблагодарить васъ, Лидія Михайловна, за услугу!.. разсыпался молодой человѣкъ.

— Помилуйте, послѣ того, что вы для меня сдѣлали!.. Я не умѣю забывать услугъ!..

Еремѣй сообразилъ, что это, должно-быть, и есть его барыня, и уже вернулся было, чтобы подойти къ ней, но въ это самое время распахнувшаяся дверь подъѣзда поглотила и барыню, и молодого человѣка!

Еремѣй махнулъ рукой. „Въ богадѣльню", прошептали его губы.

Узналъ онъ и рысаковъ и одобрилъ ихъ, глядя на ихъ змѣиную осанку, на пышную поступь.

— Въ богадѣльню! еще разъ прошепталъ онъ и тихо побрелъ домой къ своей семьѣ.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГНИ.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГНИ.

I.

Никогда еще въ Малошлемскомъ городскомъ театрѣ не было такъ холодно, какъ въ этотъ день, во время репетиціи. Комикъ Ноздричъ-Африканскій, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ антрепренера Ошпарина, вслухъ говорилъ, что при такомъ холодѣ можетъ въ актерской груди вымерзнуть какой угодно талантъ.

— Что дѣлать, голубушка моя, что дѣлать!—утѣшалъ его Ошпаринъ,—сами видѣли, какіе были сборы... Колбасы для завтрака купить не на что, а не то, чтобы театръ отапливать. Повѣрите ли, голубушка, сегодня послалъ сторожа въ колбасную полфунта обрѣзковъ купить и то въ долгъ...

Ноздричъ-Африканскій даже не возразилъ, просто отвернулся и сказалъ въ умѣ своемъ:

— „Дрянь-человѣкъ и болѣе ничего!“

Онъ вообще былъ въ жизни мраченъ, а сегодня мрачнѣе чѣмъ когда бы то ни было. Эта жирная, лоснящаяся физіономія антрепренера переворачивала всю его душу.— „Вѣдь все вретъ, лицемѣръ, Тартюфъ малошлемскій: самъ видѣлъ нынче утромъ, какъ онъ на рынкѣ покупалъ прежирныхъ карасей. Непремѣнно, когда буду играть въ свой бенифисъ Тартюфа, загримируюсь Ошпаринымъ...“

Дѣло въ томъ, что комикъ тоже былъ сегодня на рынкѣ, но совершенно платонически. Онъ разъ десять прошелся между рядами разнообразныхъ съѣстныхъ припасовъ, поглядывая на нихъ съ величайшимъ вожделѣніемъ. Все раздражало его вкусовые нервы, все казалось ему съѣдобнымъ и именно сейчасъ, сію минуту, безъ всякихъ приспособленій, въ томъ видѣ, какъ лежитъ на лоткѣ, будь то кочанъ капусты, клюква, бычачья печенка, коровій хвостъ. Онъ дошелъ до того, что, увидѣвъ на выставкѣ пару новыхъ сапогъ изъ свѣжей, еще ненаваксенной кожи, остановился и въ какомъ-то забытьи промолвилъ: „Экіе, должно быть, вкусные сапоги, Хорошо бы ими позавтракать!“ Но онъ тотчасъ одумался и схватился обѣими ру-

ками за голову. — „Ужъ не сошелъ ли я съ ума, чортъ возьми! Вотъ, что значитъ 24 часа ничего не ѣсть!“

Драматическій любовникъ Огонь-Пламенѣевъ читалъ на сценѣ предсмертный монологъ Холмина, но такъ какъ челюсти его стучали отъ холода, а въ горлѣ и въ желудкѣ были спазмы отъ голода, то онъ имѣлъ такой видъ, словно уже умеръ прежде времени, указаннаго въ авторской ремаркѣ.

Вчера вся труппа, занимавшая половину гостиницы „Бухарестъ“, получила отъ ресторатора свой послѣдній завтракъ. Хозяинъ объявилъ, что больше господамъ актерамъ ѣсть не дастъ. Они не платили за квартиру и за столъ уже около двухъ мѣсяцевъ, т.-е. ровно столько времени, сколько имъ не платилъ жалованья Ошпаринъ. И нужно же было такъ случиться, чтобы эта несчастная мысль пришла въ голову хозяину гостиницы передъ самыми праздниками...

— Чортъ возьми!—гнѣвно восклицалъ драматическій резонеръ, онъ же и драматическій герой, Рыкаловъ:—семнадцать лѣтъ служилъ на сценѣ, и первые праздники приходится быть трезвымъ! Это даже оскорбительно! И какая тутъ можетъ быть игра, позвольте васъ спросить? Никакой игры тутъ не выйдетъ.

Послѣ репетиціи вся труппа окружила Ошпарина.

— Какъ же это будетъ, Мемнонъ Протасовичъ? Вѣдь мы со вчерашняго утра не ѣли!.. Нынче сочельникъ, завтра праздникъ!..

— Голубушки мои, повремените! Ради Господа, повремените, голубушки! Послѣзавтра начнутся сборы... Все заплачу, все!..

— Да вѣдь мы помремъ до послѣ-завтра! Съ голоду помремъ...

— Погодите, я поговорю съ кассиромъ...

Онъ юркнулъ куда-то въ темную дверцу и исчезъ. Только его и видѣли. Труппа въ мрачномъ настроеніи пошла въ гостиницу „Бухарестъ". Въ номерахъ было такъ же холодно, какъ въ театрѣ. Хозяинъ не выдавалъ дровъ.

— Проклятый городишко! — оралъ на всю гостиницу Рыкаловъ. — Ни одной кассы ссудъ нѣтъ! Хоть бы какой-нибудь партикулярный еврей отыскался, я бы у него сапоги заложилъ, а Диковскаго послѣзавтра игралъ бы въ калошахъ... Пусть бы Ошпаринъ полюбовался...

—————

II.

Помощникъ режисера, онъ же сценаріусъ, онъ же и декораторъ, и бутафоръ, Иванъ Антонычъ (такъ какъ онъ на афишѣ никогда не появлялся, то фамилія ему вовсе не была нужна, и ее всѣ забыли) ходилъ по артистическимъ номерамъ и сзывалъ всю труппу въ самый просторный номеръ драматической героини Гогоцкой. Всѣ безмолвно принимали приглашеніе, потому что знали, какое важное дѣло предстоитъ рѣшить труппѣ. Еще вчера былъ поставленъ роковой вопросъ, что за человѣкъ Ошпаринъ и чего можно отъ него ждать?

— Вотъ, сказала Гогоцкая: — до чего я дошла. Меня звали въ Тифлисъ, пятьсотъ рублей и бенефисъ на масленицѣ... А я сюда предпочла, потому что соблазнилась купцомъ Перемыкинымъ, — всѣ видѣли, какъ онъ за мной ухаживалъ. Думала, что толкъ будетъ, а онъ взялъ да и умеръ... Имѣй послѣ этого дѣло съ мужчинами...

— А вы бы къ наслѣдникамъ обратились! — сострилъ Рыкаловъ.

Но въ комнатѣ было такъ холодно, что никто не засмѣялся.

— Чортъ возьми!—рѣшительно сказалъ Рыкаловъ:—ежели онъ дровъ не даетъ, такъ мы будемъ столы и стулья жечь! Par exemple! Онъ схватилъ стулъ и въ ту же минуту въ его могучихъ рукахъ онъ превратился въ щепки.

— Это пойдетъ на растопку!—объяснилъ онъ при всеобщемъ одобреніи.—А это будутъ дрова!

При этихъ словахъ онъ освободилъ отъ скатерти круглый передиванный столъ и безъ особеннаго труда превратилъ его въ дрова.

— Сумасшедшій, что онъ дѣлаетъ? Я должна буду платить по счету!—кричала Гогоцкая.

— Вся труппа отвѣчаетъ! Вся труппа!

— Чѣмъ?—спросилъ кто-то изъ выходныхъ.

— Талантами, чортъ возьми! Талантами!

Скоро въ каминѣ зажглись дрова. Всѣ толпились поближе къ огню и грѣлись.

— И такъ, господа, какъ же насчетъ Ошпарина? спросилъ Огонь-Пламенѣевъ, который, несмотря на свою горячую фамилію, старался ближе всѣхъ протискаться къ камину.

— Дрянь-человѣкъ! отвѣтилъ Ноздричъ-Африканскій.—Это уже по всему видно!..

— Надуетъ?

— Обязательно. На праздникахъ сборы

будутъ, только намъ отъ нихъ ничего нэ достанется...

— Значитъ, въ дорогу?

— Въ путь-дороженьку, ребята!

— Тридцать верстъ пѣшкомъ?

— Ну, можетъ-быть, кто нибудь подвезетъ...

— О-го-го! Двадцать три человѣка! Это—цѣлый караванъ!

— А гдѣ исходный пунктъ?

— А вотъ онъ!—промолвилъ Ноздричъ-Африканскій, величественнымъ жестомъ указывая на окно, выходившее въ садъ.— Ровно въ полночь, когда весь уѣздный городъ Малый-Шлемъ будетъ спать... Рыкаловъ вышибетъ раму... До земли всего два аршина—плевое дѣло...

— Я не въ состояніи прыгать такую высь! — тоненкимъ голоскомъ пропищала истощенная отъ голода инженю Ландышева.

— Ничего, я простру къ вамъ руки и подхвачу васъ, мой бѣдный, увядающій ландышъ!—отозвался Рыкаловъ.

— Увядающій? Это что значитъ? Какъ вы смѣете?

— Отъ голода, отъ голода, дитя мое! Иванъ Антоновичъ, отправляйтесь на телеграфъ и пошлите въ уѣздный городъ Большой-Шлемъ антрепренеру Спинозову-Амстердамскому депешу слѣдующаго содержанія: „Сегодня въ полночь исходъ

изъ Египта. Сутки въ пустынѣ. Манну кушаемъ у васъ. Приготовьте выпивку и закуски. Объявите „Блуждающіе огни".“

— Да гдѣ же я денегъ возьму на такую длинную телеграмму?—спросилъ Иванъ Антоновичъ.—У меня имѣется всего двѣнадцать копеекъ.

— Возьми у буфетчицы. Она къ тебѣ расположеніе питаетъ... Скажи, что когда получишь свои полъ-бенефиса, отдашь... Ну, маршъ!.. Дѣло не терпитъ!

Иванъ Антоновичъ, привыкшій повиноваться первымъ персонажамъ, потому что онъ уважалъ таланты, не прекословилъ. Неизвѣстно, была ли толстая буфетчица замѣшана въ эту таинственную исторію, но депеша антрепренеру Спинозову-Амстердамскому была отправлена въ той самой редакціи, какую продиктовалъ Рыкаловъ.

Столъ догоралъ въ каминѣ. Комната наполнилась пріятнымъ тепломъ. Труппа могла бы блаженствовать, еслибы Рыкаловъ нашелъ способъ превратить диванъ въ жаренаго быка, какъ превратилъ онъ столъ въ дрова.

III.

Ровно въ полночь комната драматической героини Гогоцкой представляла странное зрѣлище. Посрединѣ ея были свалены въ кучу узлы и чемоданы. Правда, все это было тощее, своею тяжестью никоимъ образомъ не могшее обременить чью-либо спину. По комнатѣ бродили на цыпочкахъ какія-то тѣни и раздавался шопотъ.

— А суфлеръ гдѣ? Суфлера забыли?!

— Здѣсь, здѣсь...

— Господа! Кто же понесетъ мой гардеробъ?—спрашивала драматическая героиня Гогоцкая.—Я сама не въ оостояніи...

— А гдѣ онъ?

— Вотъ...

Она указала на чахоточный чемоданчикъ съ впалыми боками. Вѣсу въ немъ было фунтовъ пятнадцать.

— Ну, знаете, его сперва надо бы отправить на кумысъ, а то онъ ужъ на ладонъ дышитъ!

Выходной актеръ Неждановъ 2-й, умѣвшій также отлично лаять по-собачьи, когда это полагалось по пьесѣ, взвалилъ гардеробъ Гогоцкой на лѣвое плечо. Рыкаловъ въ это время осторожно выставлялъ вторую раму, такъ какъ съ первой онъ

уже покончилъ. Вдругъ въ комнату ворвалась струя довольно ощутительнаго холода, всѣ плотнѣе застегнули пальто и шубы и нахлобучили шапки. Рыкаловъ спрыгнулъ въ садъ и простеръ руки кверху, чтобы подхватывать малодушныхъ. Дамы становились на подоконникъ, трижды крестились и затѣмъ довѣрчиво летѣли въ его объятія. Чемоданы и узлы были уже внизу. Въ комнатѣ погасили свѣтъ. Вся гостиница, плотно отужинавъ, спала глубокимъ сномъ.

Ночь стояла по-зимнему теплая. Градуса два холода не представляли значительной разницы съ температурой комнаты. Весь небольшой садъ былъ покрытъ бѣлымъ снѣгомъ. Сквозь рѣдкія облака виденъ былъ плывущій по небу мѣсяцъ. Городъ спалъ, сторожей въ немъ не водилось. Городовые въ этомъ городѣ принадлежали къ породѣ смертныхъ и потому, послѣ плотнаго ужина, подчиняясь закону природы, они спали крѣпче всѣхъ другихъ обывателей.

— Вотъ такъ ночка!—сказалъ кто-то, когда караванъ, нагруженный узлами и чемоданами, прошелъ черезъ садъ и всѣ поодиночкѣ пролѣзли черезъ дыру въ каменномъ заборѣ на улицу.

— Вотъ такъ Рождество!—воскликнулъ другой.

— Вотъ такъ ночь подъ Рождество!

— Такъ неужели же еще цѣлыя сутки голодать? Господа, мы не выдержимъ! Инженю упадетъ въ обморокъ. Взгляните на нее! При свѣтѣ луны она похожа на душу праведника...

— Ничего. Въ первой деревнѣ, на разсвѣтѣ, насъ накормятъ. Русскій мужикъ добрѣе антрепренера!..

— А что какъ Спинозовъ-Амстердамскій надуетъ и манну не приготовитъ?

— Тогда мы его самого зажаримъ и съѣдимъ!.. О, чортъ возьми! Никогда не пробовалъ, какой вкусъ у антрепренера!..

— Прескверный! Тухлой треской пахнетъ... А вы, братцы, какъ только животы станетъ подводить, читайте вслухъ монологи. Это помогаетъ!..

Городъ кончился. Начиналось безконечное поле. Вдали на горизонтѣ чернѣлъ лѣсокъ. До разсвѣта было еще далеко. Широкая дорога была занесена снѣгомъ, но путь обозначался телеграфными столбами. Кто-то читалъ: „Быть или не быть“, изъ чего можно было заключить, что у него сильно подвело животъ.

IV.

На другой день антрепренеръ Ошпаринъ былъ въ церкви и усердно молился, потомъ пришелъ домой и разговѣлся ветчиной и гусемъ, затѣмъ сдѣлалъ визиты исправнику, какъ начальству вообще, и городскому головѣ, какъ представителю учрежденія, выдающаго театру субсидію.

Послѣ этого ему пришла въ голову необыкновенно гуманная мысль навѣстить гостиницу „Бухарестъ" и выдать актерамъ, въ счетъ жалованья, первымъ персонажамъ по три рубля, вторымъ—по два, а остальнымъ—по рублю. Съ одной стороны, безъ пищи они въ самомъ дѣлѣ могутъ зачахнуть и не будутъ въ состояніи играть по два раза въ день, а съ другой стороны — эти трехъ - двухъ- и одно - рублевки, послѣ двухмѣсячнаго безденежья, произведутъ на нихъ впечатлѣніе тысячей. Это онъ зналъ навѣрно, какъ старый театральный психологъ.

Онъ пришелъ въ „Бухарестъ" и поднялся наверхъ.

— Ну, что, голубушка?—спросилъ онъ у хозяина гостиницы:—встали мои птенцы?

— Нѣтъ, спятъ еще, Мемнонъ Прота-

совичъ. Никто не вставалъ... Даже на что —Иванъ Антоновичъ, помощникъ режиссера, всегда, бывало, съ курами подымется,—и тотъ спитъ.

— Неужто? Вѣдь уже второй часъ!..

— Второй и есть. Надо полагать, съ голоду... Потому я имъ третій день уже какъ отказалъ въ пищѣ...

— Что-о вы, что вы, голубушка!.. Развѣ можно? Вѣдь это безчеловѣчно...

— И тоже отъ холода: потому дровъ не давалъ.

— Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! Да вѣдь этакъ они замерзнутъ!..

— А вы бы заплатили имъ жалованье, Мемнонъ Протасовичъ...

— Гм. . гм... Какъ же у васъ вообще торговля идетъ, голубушка, а? Должно быть хорошо...а? Это—хорошо!—Такъ я постучусь къ Ивану Антонычу...

Онъ подошелъ къ № 39 и началъ стучаться. Отвѣта, конечно, не получилось.

— Иванъ Антонычъ! И-ванъ Ан-тонычъ! Второй часъ! Голубушка, второй часъ!.. Не умерли-ль вы, Иванъ Антонычъ? Да что это съ нимъ? Такой деликатный и исполнительный человѣкъ и вдругъ—ни слова... Пойти попробовать Ноздричъ - Африканскаго. Онъ, кажется, чутко спитъ...

Стучалъ онъ у Ноздрича-Африканскаго, у Рыкалова, у Огонь-Пламенѣева, нако-

нецъ, рѣшился обезпокоить Гогоцкую, невзирая на то, что она была дама.

— Гм... Но... послушайте... Господинъ... какъ васъ...—обратился онъ, наконецъ, къ хозяину гостиницы, при этомъ лицо его было блѣдно и нижняя челюсть дрожала.— Это непонятно!.. Можетъ-быть, всѣ они умерли?... а? Какъ вы думаете?

— Ну, тогда вы отвѣчать будете, а не я!—отвѣтилъ хозяинъ „Бухареста", — я два мѣсяца кормилъ и отапливалъ ихъ въ долгъ, наконецъ, силъ моихъ не хватило...

— Ахъ, не разстраивайте меня, голубушка... У меня нервы!.. Вы знаете, когда я былъ на сценѣ драматическимъ героемъ, я всякій разъ плакалъ въ чувствительныхъ мѣстахъ... Да!.. Что-жъ, позовите полицію!

— Зачѣмъ же дѣлать скандалъ?—Эй, Иванъ! Выломай двери въ 36-мъ номерѣ...

36-й номеръ былъ тотъ самый, который занимала Гогоцкая. Когда дверь выломали, и они вошли, то глазамъ ихъ представилась невѣроятная картина. На полу валялись щепки, оставшіяся отъ четырехъ стульевъ и двухъ столовъ, превращенныхъ Рыкаловымъ въ дрова и сожженныхъ въ каминѣ... Окно было выставлено и въ комнатѣ стояла зимняя стужа.

Въ первую минуту Ошпаринъ остолбенѣлъ и ничего не могъ понять. Но вдругъ онъ увидѣлъ на каминѣ запечатанный

чернымъ сургучемъ конвертъ. Онъ схватилъ его и прочиталъ: „Мемнону Ошпарину“. Въ конвертѣ было письмо, подписанное всей труппой. Тамъ значилось:

„Послѣзавтра, 26-го декабря, въ уѣздномъ городѣ Большой-Шлемъ, въ городскомъ театрѣ, труппою русскихъ актеровъ, подъ управленіемъ Спинозова-Амстердамскаго, съ участіемъ г-жъ Гогоцкой и Ландышевой и гг. Огонь-Пламенѣева, Ноздричъ-Африканскаго, Рыкалова и др., будетъ представлено: „Блуждающіе огни“. Начало въ 8 часовъ“.

— Спинозовъ-Амстердамскій!—воскликнулъ Ошпаринъ, конвульсивно комкая письмо.—А, теперь я понялъ! я понялъ! я понялъ! Пропали мои праздничные сборы! Такъ это они пѣшкомъ тридцать верстъ отмахали!.. Вотъ такъ труппа!

— А я къ вамъ счетецъ предъявлю, Мемнонъ Протасовичъ!—заявилъ хозяинъ „Бухареста“, видя, какому разрушенію подверглась его гостиница.

— Нѣтъ, ужъ этотъ счетъ вы предъявляйте Спинозову-Амстердамскому! Онъ, подлецъ, скушаетъ мои праздничные сборы! Онъ—подлецъ, этотъ Спинозовъ-Амстердамскій, онъ—подлецъ, голубушка!..

Мы еще можемъ сообщить, что караванъ былъ задержанъ въ дорогѣ метелью. Къ счастью, по пути случилась деревня и они провели ночь въ земскомъ хлѣбномъ

магазинѣ, который былъ пустъ. Въ Большой-Шлемъ труппа вступила въ шесть часовъ вечера, 26-го числа, и съ гардеробомъ направилась къ театру. Посреди сцены стоялъ столъ съ закусками и выпивкой, труппа разговѣлась и прямо перешла къ гриму. Публика въ это время уже брала билеты въ кассѣ. Спинозовъ-Амстердамскій былъ очень доволенъ.

Что касается Ошпарина, то про него мы знаемъ только, что онъ не былъ доволенъ. А дальнѣйшій ходъ этой исторіи намъ не извѣстенъ.

СЛЕЗЫ.

СЛЕЗЫ.

(повѣсть).

I.

Марья Григорьевна уже раза три подходила къ окну и выглядывала изъ него. Невысокій, но очень длинный одноэтажный домикъ выходилъ окнами на улицу и въ узенькій переулокъ. Она занимала ту часть его, которая выходила въ переулокъ. Окна возвышались надъ землей не больше, какъ на полъ-аршина. Когда проѣзжала мимо извозчичья пролетка или ломовая телѣга, то стекла въ окнахъ дрожали и издавали дребезжащій звукъ, а маленькія фарфоровыя вещицы на комодѣ легонько подпрыгивали. Этимъ старымъ вазочкамъ и флакончикамъ, этой дѣвочкѣ, съ букетомъ розъ въ миніатюрной рукѣ, и мальчику, играю-

щему на флейтѣ,—приходилось прыгать ежеминутно, потому что переулокъ былъ прямой и ближайшей дорогой къ пароходной пристани, и ломовики то и дѣло тащились черезъ него, то нагруженные поклажей, то порожніе.

Выглядывая въ окно сквозь помутнѣвшее и запотѣлое стекло, Марья Григорьевна думала:

„Отчего это Сережи до сихъ поръ нѣтъ? Сегодня среда, послѣдній урокъ у нихъ французскій, а онъ, вѣдь, учитъ нѣмецкій и всегда по средамъ раньше приходилъ. А уже три часа“.

Въ комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, съ нѣсколькими старинными портретами на стѣнахъ, съ большимъ образомъ Спасителя въ углу, круглый столъ былъ накрытъ сѣрой скатертью, нѣсколько измятой и съ большимъ овальнымъ пятномъ сбоку отъ пролитаго кофе. Стояли два прибора, тарелка съ хлѣбомъ, соль, горчица въ чайномъ стаканѣ, прикрытомъ бумажнымъ кружкомъ, и графинъ съ водой.

Направо—маленькая комнатка, гдѣ стояла кровать, столъ, два стула и этажерка съ книгами, налѣво—такая-же комнатка и въ ней тоже стояла кровать, но тутъ былъ еще огромный старинный шкапъ, занимавшій половину комнаты, столикъ съ какими-то ситцевыми лоскутками, нитками и иголками и въ углу низенькій треуголь-

ный столикъ, обтянутый розовой кисеей. На немъ было установлено нѣсколько иконъ, большихъ и маленькихъ, и теплилась лампадка.

Изъ узкихъ и темныхъ сѣней низенькая дверь вела въ кухню. Тамъ неторопливо возилась у плиты Аксинья. Она не разъ уже заявляла, что обѣдъ готовъ, и предупреждала, что голубцы перепрѣютъ, и что она въ этомъ не будетъ виновата.

Въ сѣняхъ послышались шаги, и въ комнату, наклоняясь въ дверяхъ, вошелъ высокій юноша въ гимназическомъ пальто. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на Марью Григорьевну, которая стояла лицомъ къ нему у комода, а прямо прошелъ направо въ свою комнату. Онъ швырнулъ ранецъ на этажерку, содралъ съ себя пальто, оставилъ его въ безпорядкѣ на кровати и быстро началъ переодѣваться. На желѣзной вѣшалкѣ, прибитой къ стѣнѣ, висѣлъ темно-сѣрый пиджакъ, такіе-же жилетъ и брюки. Онъ скинулъ все форменное и надѣлъ это.

Въ комнату, гдѣ былъ накрытъ обѣденный столъ, вошла Аксинья съ дымящимся супникомъ въ рукахъ.

— Иди обѣдать, Сережа, — крикнула Марья Григорьевна.

— Я не буду!—грубоватымъ, басистымъ голосомъ отвѣтилъ юноша, торопливо застегивая пиджакъ.

— Какъ же это не будешь? Надо же пообѣдать?

— Не буду и только!..

— Странно! Куда же ты торопишься?

— Туда, куда мнѣ надо!

Покончивъ съ туалетомъ, онъ взялъ въ одну руку круглую барашковую шапочку, а въ другую тоненькую тросточку и вышелъ изъ своей комнаты.

— Но, вѣдь, вотъ супъ на столѣ! какъ-то нерѣшительно сказала Марья Григорьевна.

Она пристально посмотрѣла ему въ лицо и только теперь замѣтила, что въ его глазахъ есть какое-то не совсѣмъ обычное оживленіе. Его большіе маловыразительные глаза обыкновенно смотрѣли равнодушно, сонно и даже уныло. Теперь въ нихъ играла какая-то веселая черточка.

— Право, ужъ пообѣдалъ-бы! — прибавила она все тѣмъ-же нерѣшительнымъ тономъ.

— Супъ съ лапшей?—спросилъ онъ, и его крупныя, выдавшіяся впередъ губы скривились въ насмѣшливую улыбку.

— Ну, да... Ты же любишь лапшу!..

— А потомъ котлеты или голубцы?— еще болѣе насмѣшливо продолжалъ онъ.

— Голубцы!—совсѣмъ тихо промолвила Марья Петровна.

— Ну и кушайте ихъ себѣ на здоровье.

Онъ махнулъ рукой и вышелъ въ сѣни.

Тутъ онъ поспѣшно накинулъ на плечи висѣвшее на гвоздѣ темно-коричневое пальто, влѣзъ въ резиновыя калоши, и черезъ минуту Марья Григорьевна видѣла его уже идущимъ мимо оконъ по переулку. Его большія ступни оставляли тяжелые слѣды въ неглубокомъ, слегка таявшемъ снѣгу. Онъ держался прямо, кажется, что-то насвистывалъ и какъ-то особенно игриво похлопывалъ себя по ногѣ тросточкой.

Марья Григорьевна долго не отходила отъ окна. Молодой человѣкъ давно уже исчезъ, цѣлая вереница ломовыхъ телѣгъ промелькнула передъ ея глазами, а она все смотрѣла задумчиво въ окно, и, видѣла-ли что-нибудь, Богъ знаетъ. На ея блѣдномъ исхудаломъ и словно помертвѣвшемъ лицѣ выражалось какое-то подавленное, невысказанное горе и страданіе оттого, что нельзя или некому его высказать.

Опять вошла Аксинья. Она поставила на столъ тарелку съ голубцами и съ суровымъ недоумѣніемъ оглядѣла нетронутый и простывшій супъ и хозяйку, стоявшую къ ней спиной и, повидимому, не слышавшую, какъ она вошла.

— Да что-же это, барыня? Супъ простылъ, а вы въ окно глядите... И баринъ ушелъ, не обѣдавши!..

Марья Григорьевна вздрогнула и обернулась къ ней.

— Да, Сережа ушелъ!.. У него дѣло!—

сказала она, стараясь придать своему голосу ровность, но голосъ не слушался ея и колебался.

— Дѣло!.. Экое дѣло, что и пообѣдать нельзя!.. Дѣло! — ворчливо проговорила Аксинья, идя обратно къ двери.—Тоже... Дѣла завелись!..

— Аксинья, не разсуждайте, пожалуйста! — промолвила Марья Григорьевна строго.

Аксинья хлопнула дверью, но изъ сѣней еще слышно было ея ворчанье.

Марья Григорьевна присѣла къ столу, налила въ тарелку супу и машинально стала ѣсть, но послѣ трехъ глотковъ оставила ложку, подперла голову одной рукой и застыла въ этой позѣ. Глаза ея наполнились слезами, вѣки покраснѣли, и отъ этого щеки казались еще блѣднѣе. Она смотрѣла въ уголъ, гдѣ висѣлъ образъ Спасителя, и въ головѣ ея неотступно повторялась одна мысль, одинъ неотступный вопросъ:

„За что? За что? За что Ты такъ жестоко наказалъ меня сыномъ?“

Сережа изъ переулка выбрался на широкую площадь, густо обсаженную по краямъ деревьями. Онъ шелъ поближе къ деревьямъ, какъ-бы разсчитывая, что они прикроютъ его отъ наблюдательнаго чужого взора. Съ площади онъ не вышелъ на широкую „главную“ улицу губернскаго

города, гдѣ были сосредоточены всѣ магазины, аптека, первый портной, первая модистка, клубъ и вообще все, что было лучшаго въ городѣ,—а повернулъ въ узенькій проулокъ и тутъ вошелъ въ довольно грязный, обширный дворъ. Со двора онъ взошелъ на крылечко, поднялся во второй этажъ и какими-то узкими и извилистыми, но, очевидно, ему хорошо извѣстными ходами, пробрался въ заднюю комнату ресторана. Ресторанъ фасадомъ выходилъ на главную улицу. Тамъ былъ большой, свѣтлый залъ, множество маленькихъ столиковъ, а по рединѣ длинный столъ, на которомъ красовались высокія вазы съ искусственными букетами и всегда готовые приборы. У одной стѣны былъ буфетъ со стойкой, уставленный аппетитными закусками, рюмками, графинами и бутылками.

Но въ этомъ залѣ Сережа никогда не былъ. Онъ только видалъ внутренность его, проходя мимо большихъ оконъ, выходившихъ на главную улицу. И этотъ видъ ярко освѣщеннаго зала, гдѣ хорошо одѣтые люди такъ аппетитно ѣли вкусныя дымящіяся блюда и запивали пивомъ или виномъ, страшно соблазнялъ его. Иногда онъ видѣлъ, какъ въ ресторанъ торопливо вбѣгали двое или трое, направлялись къ буфету, выпивали по рюмкѣ водки, наскоро закусывали и опять куда-то спѣши-

ли. Очевидно, это были дѣловые люди, дорожившіе своимъ временемъ, а кошельки у нихъ были туго набиты деньгами. Сережа находилъ, что это прелестно—обладать такимъ кошелькомъ и имѣть возможность забѣжать въ ресторанъ и на-лету перехватить что-нибудь. Ему, для котораго дома всегда къ услугамъ былъ обѣдъ, правда—не какой-нибудь изысканный, а совершенно простой — изъ супа и куска жаренаго мяса, въ томъ или другомъ видѣ, обѣдъ, во всякомъ случаѣ дававшій ему возможность всегда быть сытымъ,— казалось, что эти блюда, подаваемыя лакеями во фракахъ, необыкновенно вкусны, а его домашній обѣдъ въ сравненіи съ ними просто жалокъ. Да и какая разница— сидѣть въ маленькой, тускло освѣщенной комнаткѣ, гдѣ и стѣны-то сыроваты и потолки низки, за столомъ, на которомъ скатерть мѣняется разъ въ недѣлю, принимать кушанья отъ угрюмой, некрасивой и невзрачно одѣтой Аксиньи, или здѣсь въ этомъ залѣ, гдѣ такъ много воздуха, свѣта, движенія, гдѣ все такъ изысканно, прилично и красиво.

Но пробраться сюда ему не удавалось. Прежде всего мѣшалъ гимназическій мундиръ, но, если-бы даже онъ и не мѣшалъ, то было другое препятствіе, еще болѣе неотразимое: у него никогда не было денегъ, рѣшительно никогда. Мать его бѣд-

на, она живетъ шитьемъ, дающимъ ей жалкій заработокъ, да еще два раза въ недѣлю ходитъ въ одинъ домъ и даетъ тамъ уроки французскаго языка. Этимъ она содержитъ себя и его, платитъ въ гимназію за ученье, одѣваетъ его, покупаетъ книги. Понятно,—откуда-же могутъ взяться лишнія деньги?

И всякій разъ, когда онъ проходилъ мимо большихъ оконъ ресторана и видѣлъ, какъ счастливые люди ѣли и пили, его разбирало бѣшенство. Почему? Съ какой стати? Другіе могутъ это дѣлать, а онъ нѣтъ. Развѣ онъ не такой-же человѣкъ, какъ и другіе? Онъ не мальчикъ, слава Богу—ему девятнадцать лѣтъ, и онъ сумѣлъ-бы съ такимъ-же достоинствомъ, какъ и вонъ тотъ господинъ съ брилліантовой булавкой въ галстукѣ, занять мѣсто за столикомъ и заказать обѣдъ.

И въ эти минуты онъ негодовалъ на свою мать за то, что она бѣдна и не можетъ давать ему карманныхъ денегъ. Вѣдь онъ очень хорошо помнитъ то время, когда отецъ его былъ живъ. Онъ занималъ мѣсто директора какого-то промышленнаго предпріятія, и у нихъ была большая квартира, хорошая обстановка и своя лошадь. Странно, что послѣ смерти отца, лѣтъ десять тому назадъ, они сразу сдѣлались бѣдны. Странно, что отецъ ничего не нажилъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ можно было

сдѣлать состояніе. И вотъ теперь онъ во всемъ терпитъ недостатокъ и не можетъ позволить себѣ даже такого невиннаго удовольствія, какъ зайти въ ресторанъ.

Онъ долго приставалъ къ матери, чтобы сдѣлала ему пиджачную пару, но мать только глубоко вздыхала.

— Гдѣ я тебѣ возьму? Боже мой, развѣ ты не видишь, какъ мы живемъ, какъ мнѣ трудно доставать средства!.. Да и зачѣмъ это? Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Вотъ вопросъ! Рѣшительно нигдѣ нельзя показаться, никуда зайти!.. Неужели я не имѣю права, напримѣръ, зайти иногда въ ресторанъ?!.

Марья Григорьевна вскидывала на него испуганные глаза.

— Въ ресторанъ?! Зачѣмъ-же тебѣ, Сережа, въ ресторанъ? Развѣ тебѣ дома ѣсть нечего?

— Ха! Дома, дома! Вотъ сравнили! Это совсѣмъ не то, это совсѣмъ другое дѣло! Нѣтъ, я не понимаю, почему другіе могутъ, а я не могу... Кажется, и ничего тутъ такого и нѣтъ особеннаго.

— Придетъ время, Сережа, и ты станешь дѣлать, что хочешь... Кончишь гимназію, потомъ университетъ кончишь, будешь хорошо зарабатывать...

— О-го-го! Когда это будетъ? Нечего сказать, посулили!.. Ха, ха!.. И подумаешь, какъ много я хочу! Пиджачную па-

ру и какой-нибудь полтинникъ въ карманѣ!.. Цѣлое состоянiе!..

Онъ говорилъ это грубымъ голосомъ, угловато и какъ-то обидно размахивая руками, съ явнымъ раздраженiемъ, даже съ презрѣнiемъ. И видѣлъ онъ, конечно,—потому что нельзя-же было этого не видѣть,—что лицо Марьи Григорьевны въ это время туманилось выраженiемъ какой-то безысходной тоски, а вѣки краснѣли и начинали мигать, и она, чтобы не заплакать при немъ и чтобы такимъ образомъ не разстроить его, поспѣшно уходила въ свою комнату и тамъ вздыхала, и плакала, и шептала:

— Боже! Гдѣ-же я возьму? Неужели онъ не видитъ? Неужели онъ такой безсердечный... Онъ, мой сынъ, Сережа, мой милый мальчикъ?..

А онъ злобно нахлобучивалъ на лобъ кэпи и уходилъ „шляться", не являлся къ вечернему чаю, не садился за уроки, чѣмъ выражалъ свое негодованiе.

Но вотъ однажды съ него сняли мѣрку. Приходилъ портной и очень долго разсуждалъ о покроѣ платья, а еще больше запрашивалъ и торговался. Ему сшили пиджачную пару и пальто. Онъ былъ въ восторгѣ, онъ ликовалъ и прыгалъ, какъ пятилѣтнiй мальчуганъ, онъ съ ума сходилъ отъ радости, когда, вдобавокъ ко всему, мать еще сунула ему въ карманъ

нѣсколько мелочи. Ни на одну минуту не пришелъ въ его голову вопросъ: какъ она достала эти деньги? Сколько ночей она не спала, работая надъ шитьемъ черезъ силу, чтобы исполнить его жестокій капризъ? Да и какъ могло это придти ему въ голову, когда она осматривала его съ улыбкой и такъ весело говорила, что ему очень идетъ новый костюмъ.

Она говорила:

— Только ты, Сережа, будь остороженъ... Ахъ, очень остороженъ будь! Ты знаешь... Ты, вѣдь, у начальства не на очень хорошемъ счету... Какъ-нибудь замѣтятъ тебя въ этомъ ресторанѣ... Ахъ, я боюсь этого!.. Вѣдь и то... Самъ знаешь, какъ трудно было тебѣ остаться въ гимназіи.

Это было дружеское предостереженіе, сказанное мягкимъ, осторожнымъ, почти робкимъ голосомъ. Но онъ пропустилъ это мимо ушей. До того-ли было ему?

И онъ съ восторгомъ прошелся по улицамъ города, стараясь, однако-жъ, держаться подальше отъ гимназіи. Собственно говоря, онъ не могъ зайти ни въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя казались ему обольстительными, ни въ театръ, ни въ концертный залъ въ загородномъ саду, — для этого у него было слишкомъ мало денегъ. Но его тѣшило сознаніе, что онъ, при извѣстной осторожности, могъ бы по-

бывать тамъ, могъ-бы, если-бы были деньги. А все-таки онъ зашелъ въ ресторанъ, зашелъ именно въ главную дверь съ главной улицы, и, когда онъ уже подходилъ къ столику, у него вдругъ закружилась голова, такъ что онъ поспѣшилъ сѣсть на стулъ. Это произошло оттого, что онъ достигъ своего давняго желанія,—это сильно взволновало его. Притомъ-же ему все казалось, что онъ дѣлаетъ что-то непозволенное; онъ еще не привыкъ къ своему новому костюму и все оглядывалъ себя. Онъ никакъ не могъ избавиться отъ мучительнаго ощущенія, что онъ здѣсь очень замѣтенъ, что всѣ на него обращаютъ вниманіе и всѣ понимаютъ, что ему сюда нельзя ходить.

Онъ взялъ карточку, которую предупредительно подалъ ему лакей и долго, внимательно читалъ ее. И это тоже было мучительно, что лакей не отходилъ отъ него, „стоялъ надъ душой“ и слѣдилъ за его глазами. Но мучительнѣе всего было то, что цѣны на всѣ кушанья были ужасны и превышали ту жалкую сумму, которая была у него въ карманѣ. Напрасно онъ торопливо перебѣгалъ взглядомъ отъ одного кушанья къ другому. Одинъ только супъ былъ для него доступенъ, и онъ съ отчаяньемъ въ душѣ заказалъ себѣ супъ.

— Больше ничего? — спросилъ лакей,

какъ ему показалось, удивленнымъ голосомъ.

Онъ отрицательно кивнулъ головой и, хотя не смотрѣлъ въ это время на лакея, но почему-то былъ увѣренъ, что тотъ пожалъ плечами и сдѣлалъ презрительную мину.

Этотъ супъ и все это первое посѣщеніе ресторана были для него мученьемъ. Когда онъ отдалъ лакею всѣ свои деньги и вышелъ на улицу, то чувствовалъ себя такъ, какъ будто только что получилъ кровное и незаслуженное оскорбленіе. Онъ казался себѣ самымъ жалкимъ и самымъ несчастнымъ человѣкомъ во всемъ городѣ.

И Марья Григорьевна никакъ не могла понять, почему Сережа въ этотъ день, когда ему, какъ получившему желанный костюмъ, слѣдовало радоваться, вечеромъ пришелъ домой угрюмый и сердитый, отказался отъ чаю, залегъ въ своей комнатѣ и грубо отвѣчалъ на всѣ ея вопросы. Это доставило ей много горькихъ минутъ. А на другой день Сережа пришелъ изъ гимназіи поздно, около шести часовъ. Онъ сидѣлъ въ карцерѣ. Вчера надзиратель видалъ его выходящимъ изъ ресторана и узналъ, несмотря на коричневое пальто и барашковую шапку.

Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Съ тѣхъ поръ прошелъ уже годъ. Онъ узналъ, что въ ресторанѣ есть другой

ходъ, со двора, и что есть задняя комната, куда заходятъ нѣкоторые изъ его товарищей и еще кое-кто. Отсюда велъ прямой ходъ въ билліардную, и онъ познакомился съ этимъ ходомъ. Тутъ онъ сдѣлалъ даже одно открытіе: онъ научился играть на билліардѣ и оказался страстнымъ игрокомъ. Его постоянно тянуло сюда, въ эту заднюю комнату ресторана, и какъ только въ карманѣ у него заводились кой-какія деньги, онъ сейчасъ-же бѣжалъ туда и возбужденнымъ взоромъ высматривалъ, нѣтъ-ли партнера. Если не было товарищей, онъ приставалъ къ незнакомому:

— Не сыграете-ли со мною партію?

Если партнера совсѣмъ не оказывалось, онъ уходилъ домой въ самомъ мрачномъ настроеніи духа.

Но вообще это случалось рѣдко, потому что мать не могла часто давать ему денегъ. Но, если очень ужъ долго денегъ у него не бывало, онъ все-таки заходилъ въ билліардную и молча, съ мучительной завистью въ сердцѣ, смотрѣлъ, какъ играютъ другіе.

Теперь онъ весело сѣлъ за столикъ и протянулъ руку къ карточкѣ.

Онъ заказалъ себѣ какой-то супъ съ мудренымъ французскимъ названіемъ, рыбу, цыпленка и пудингъ и, кромѣ того, потребовалъ себѣ рюмку водки и полбутылки столоваго вина.

Онъ замѣтилъ за другимъ столикомъ знакомаго чиновника, который тоже обѣдалъ.

— А, вы нынче кутите, господинъ Надеждинъ? А?—добродушно сказалъ чиновникъ, который зналъ, что мать Сережи бѣдна и что у него никогда лишнихъ денегъ не бываетъ.

— Н-да!.. Отчего же? Ну, и какой-же это кутежъ? Развѣ такъ кутятъ?—съ нѣкоторой дѣланной важностью отвѣтилъ Сережа.—Такъ, просто, пообѣдать хочу... А вы не хотите-ли потомъ со мной сразиться?

— Съ вами? Да вѣдь вы играете *такъ*, а я не люблю *такъ* играть. Это не интересно. Въ игрѣ долженъ быть интересъ.

— Почему-же непремѣнно такъ? Я могу и на интересъ играть. Я согласенъ...

— Вотъ какъ? Значитъ, у васъ не на шутку деньги завелись!...

— Ну, что тамъ!?. Мы получили небольшой старый долгъ... Мать получила... Однимъ словомъ, сыграемъ?..

— Сыграемъ, только мнѣ васъ жаль... Вѣдь я васъ обыграю...

— Это почему?

Сережа вспыхнулъ. Это показалось ему оскорбленіемъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что вы азартный игрокъ. Вы

горячитесь, а я играю спокойно. Кто горячится, тотъ всегда проигрываетъ...

— Ну, это мы еще увидимъ... Мы еще увидимъ это!..

Тутъ Сережѣ подали супъ съ французскимъ названіемъ. Онъ зацѣпилъ за воротникъ рубахи салфетку и сталъ ѣсть. Но у него пропалъ весь аппетитъ. Ему нетерпѣливо хотѣлось поскорѣе показать чиновнику, что онъ ошибается. Ахъ, да! Вѣдь надо выпить водку. Вотъ почему у него нѣтъ аппетита. У него не было привычки пить передъ обѣдомъ водку, поэтому онъ совсѣмъ забылъ объ ней. И теперь онъ взялъ себѣ рюмку и залпомъ опрокинулъ ее всю въ ротъ. Водка ему совсѣмъ не нравилась, но, тѣмъ не менѣе, онъ пилъ ее съ наслажденіемъ. Потомъ онъ принялся за рыбу и цыпленка и запивалъ ихъ виномъ, а чиновникъ смотрѣлъ на него, на то, какъ онъ торопился, и думалъ:

„Какой онъ азартный! Онъ непремѣнно проиграетъ! Непремѣнно!“

Но въ то время, когда Сережѣ подали пудингъ, въ задней комнатѣ ресторана появилось еще нѣсколько посѣтителей: два его товарища и одинъ реалистъ, всѣ въ партикулярныхъ одеждахъ. Планъ перемѣнился. Составилась партія „à la guerre“, потому что всѣ хотѣли играть и всѣ были знакомы.

Сережа заторопился, пудингъ уже не интересовалъ его; тамъ, въ билліардной, кто-то стучалъ шарами. Онъ не любилъ, когда кто-нибудь изъ участвующихъ въ игрѣ предварительно изловчается и такимъ образомъ увеличиваетъ свои шансы. Въ игрѣ онъ былъ строгъ, серьезенъ и придирчивъ. Онъ оставилъ свой пудингъ, захватилъ съ собой вина и перешелъ въ билліардную. Началась игра.

Товарищи и реалистъ не хотѣли играть на деньги, но чиновникъ и Сережа настаивали на этомъ, а такъ какъ билліардъ былъ только одинъ, то они согласились. Деньги у нихъ были, потому что всѣ они были состоятельные люди.

Сережа никогда еще такъ не горячился, какъ въ этотъ день. Должно быть, это оттого, что онъ никогда не игралъ на деньги, это—въ первый разъ.

Партію назначили по полтиннику. Чиновникъ смотрѣлъ на него съ ироническимъ сочувствіемъ и часто говорилъ:

— Эй, не горячитесь, Надеждинъ! Говорю вамъ, что вы проиграете! Кто горячится, всегда проигрываетъ!..

Сережа сначала молчалъ, но, наконецъ, это ему надоѣло, и онъ грубо замѣтилъ:

— Это не ваше дѣло, и я прошу васъ прекратить эти замѣчанія!..

— Вы не понимаете шутокъ!—отвѣтилъ чиновникъ,—вѣдь я шучу!

— Нѣтъ, но я признаю только умныя шутки!—заносчиво сказалъ Сережа.

Чиновникъ свистнулъ, желая показать, что онъ не придаетъ значенія этой грубости. Но онъ былъ правъ, и это скоро обнаружилось. Сережа проигрывалъ партію за партіей, но платилъ исправно. Онъ уже вынулъ изъ кармана шестой рубль, и по всему видно было, что у него еще есть. Это удивило его товарищей, которые знали его за круглаго бѣдняка. Откуда у Надеждина вдругъ столько денегъ?

Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Что это ты такъ разбогатѣлъ, Надеждинъ?

— Разбогатѣлъ да и только!—отвѣтилъ Сережа.

— Но, однако-жъ... Ты... ты еще сегодня утромъ просилъ у меня взаймы двугривенный и вдругъ...

— Ахъ, да... Я тебѣ долженъ двугривенный! Извини, пожалуйста... Вотъ онъ. Получи!..

Онъ досталъ изъ кармана монету и выбросилъ ее на сукно билліарда.

— Я вовсе не къ тому!—съ смущеніемъ промолвилъ товарищъ.—Я просто не привыкъ, чтобы у тебя было такъ много денегъ, вотъ и все...

— А это очень просто! — рѣзко объяснилъ Сережа.—Мать моя получила небольшой старый долгъ и дала мнѣ часть!..

Ты думаешь, что у одного тебя могутъ быть деньги!

Уже зажгли лампу. Игрокамъ было жарко, и они сняли сюртуки.

Сережа все проигрывалъ. Это бѣсило его, но онъ сдерживалъ себя и не высказывалъ бѣшенства. Оно выражалось только въ томъ, что лицо его все больше и больше краснѣло, руки судорожно сжимали кій, онъ часто натиралъ его мѣломъ, хотя въ этомъ не было надобности, а удары его были сильные и звонкіе, шары встрѣчались и разбѣгались съ такимъ трескомъ, что, казалось, они вотъ-вотъ разлетятся въ дребезги.

Счастье рѣшительно отказывалось улыбнуться ему. Въ десять часовъ вечера онъ вынулъ изъ кармана уже четырнадцатый рубль и, когда вынималъ его, то партнеры видѣли, что тамъ было еще нѣсколько разноцвѣтныхъ бумажекъ.

Но вотъ онъ, наконецъ, выигралъ партію, лицо его засіяло, и онъ ощутилъ въ рукахъ новую энергію. Слѣдующую партію онъ тоже выигралъ и послѣ этого почувствовалъ въ груди какое-то вдохновеніе. Ему казалось, что весь его проигрышъ былъ какимъ-то недоразумѣніемъ и что теперь онъ способенъ обыграть любого игрока. Ему захотѣлось поскорѣе вернуть все.

— Знаете что?—сказалъ онъ, ловко кла-

дя въ лузу послѣдній шаръ. — Это скучно по полтиннику. Давайте ставить по рублю!

— Я бо́льше не играю!—отвѣтилъ на это реалистъ.

— Это почему?

— Потому что уже поздно. Я долженъ еще учить уроки и дома будутъ безпокоиться!..

Сережа ѣдко засмѣялся.

— Ну, тогда нечего было и начинать игру, коли ты такая барышня, что объ тебѣ будутъ безпокоиться! А по моему одно изъ двухъ: или играть, или уроки учить!.. Не такъ-ли? — обратился онъ къ двумъ товарищамъ.

Тѣ какъ-то неопредѣленно промолчали. У нихъ тоже была эта мысль, что надо еще уроки учить.

И Сережа это сейчасъ-же понялъ.

— Я вижу, господа, что вы любите только выигрывать,—насмѣшливо сказалъ онъ,—а когда замѣтили, что мнѣ везетъ, сейчасъ на попятный. Вы тру́сы!

— Нисколько! Я согласенъ играть и пусть даже по рублю!—сказалъ подзадоренный товарищъ.

Другой тоже согласился, а реалистъ, обладавшій болѣе сильнымъ характеромъ, не поддался на эту уловку, молча надѣлъ пальто и вышелъ.

Игра продолжалась до двѣнадцати часовъ.

Сережа возвратилъ свой проигрышъ, но потомъ сталъ играть небрежно и проигралъ больше, чѣмъ въ первый разъ.

Съ сердитымъ лицомъ и мрачно сверкающими глазами расплачивался онъ за обѣдъ, вино и пиво. Руки его были въ мѣлу, на жилеткѣ, брюкахъ и сапогахъ тоже бѣлѣлась мѣловая пыль. Онъ заглянулъ въ кошелекъ и злобно стиснулъ его. Тамъ осталась какая-то мелочь.

Онъ пришелъ домой въ первомъ часу и сильно постучался въ дверь, потому что звонка у нихъ не было. Аксинья ворча отперла ему и при свѣтѣ коптѣвшей лампы взглянула на него съ ужасомъ. Когда онъ проходилъ черезъ общую комнату, Марья Григорьевна высунула голову въ полураскрытую дверь и тревожными глазами посмотрѣла на него.

— Тутъ есть закусить тебѣ, Сережа! — дрожащимъ боязливымъ голосомъ промолвила она, указавъ взглядомъ на столъ, гдѣ дѣйствительно стояло что-то, накрытое тарелкой.

Но Сережа не взглянулъ ни на столъ, ни на нее. Онъ прошелъ къ себѣ въ комнату, со злостью скинулъ съ себя всю одежду и бросился на кровать, которая жалобно затрещала подъ нимъ.

Черезъ минуту онъ услышалъ изъ ком-

наты Марьи Григорьевны слабо доносившіяся сдержанныя всхлипыванья. Онъ сердито повернулся на бокъ и сразу крѣпко заснулъ.

На другой день, часовъ въ девять, Марья Григорьевна осторожно подошла къ двери, которая вела въ комнату Сережи и тихонько постучала. Онъ крѣпко спалъ и не слышалъ этого стука. Она повторила, но такъ какъ и это не помогло, то она пріотворила дверь и сказала:

— Сережа, ты опоздалъ въ гимназію! Поторопись!

Сережа схватился и сталъ протирать глаза. Съ минуту онъ просидѣлъ неподвижно, какъ бы что-то припоминая, потомъ всталъ и началъ одѣваться. Онъ вышелъ въ общую комнату и, не сказавъ матери ни слова, торопливо выпилъ стаканъ чаю, схватилъ ранецъ съ книгами и ускореннымъ шагомъ пошелъ въ гимназію.

Было уже десять часовъ, одинъ урокъ отошелъ. Когда онъ вошелъ въ классъ, никто не встрѣтилъ его веселымъ шутливымъ возгласомъ, какимъ обыкновенно встрѣчаютъ школьники запоздавшаго товарища. Напротивъ, ему показалось, что всѣ посмотрѣли на него слишкомъ серьезно, какъ-то искоса, и никто не заговорилъ съ нимъ. Скоро пришелъ учитель исторіи и вызвалъ его. Онъ не зналъ изъ урока

ни однаго слова, лицо у него было заспанное, и смотрѣлъ онъ исподлобья. Добродушный учитель былъ выведенъ изъ терпѣнія его видомъ.

— Что это вы, Надеждинъ, такъ смотрите, будто убили человѣка, либо ограбили кого-нибудь на большой дорогѣ?— брезгливо сказалъ онъ.

Сережа поблѣднѣлъ, и ему показалось, что весь классъ на него смотритъ. Онъ промолчалъ.

— Садитесь!— сказалъ учитель и открыто поставилъ ему н о л ь такъ, что всѣ видѣли.

Сережа сѣлъ, опустилъ голову и злобно смотрѣлъ въ парту. Сердце у него сильно билось, а ощущенiе, будто на него всѣ смотрятъ, не покидало его въ продолженiе всего урока. Учитель вызывалъ другихъ, потомъ объяснялъ слѣдующiй урокъ и, конечно, забылъ о немъ, но Сережѣ казалось, что все это такъ себѣ, для виду, а въ сущности, всѣ на него смотрятъ и о немъ только думаютъ.

Когда кончился урокъ и товарищи вышли въ коридоръ и въ залъ, Сережа сталъ около окна и, какъ казалось, задумчиво смотрѣлъ на дворъ. Дворъ былъ расчищенъ, невысокiя кучки снѣга лежали по краямъ его. День стоялъ теплый, школьники бѣгали по двору въ однѣхъ блузахъ безъ пальто, какъ лѣтомъ.

Но если Сережа въ эти минуты и думалъ о чемъ-нибудь, такъ это о томъ, какъ-бы кто-нибудь изъ товарищей не заговорилъ съ нимъ. Ему почему-то казалось, что всякій, кто ни заговоритъ съ нимъ, непремѣнно скажетъ ему какое-нибудь оскорбленіе. Такъ-ли настроило его замѣчаніе учителя исторіи, говорило-ли въ немъ раздраженіе по поводу вчерашней неудачи, или, можетъ быть, тутъ было что-нибудь третье?

— Надеждинъ! — произнесъ кто-то негромко, надъ самымъ его ухомъ.

Онъ вздрогнулъ и, было, порывисто обернулъ голову, но, волненіе тотчасъ-же прошло, когда онъ увидалъ предъ собой Волчанскаго.

Это былъ высокій юноша, крѣпкаго сложенія, съ румяными щеками и быстрымъ проницательнымъ взглядомъ. Сережа съ нимъ дружилъ. Волчанскій былъ также бѣденъ, какъ и онъ, и у нихъ были одинаковые вкусы. Оба они не понимали удовольствія сидѣть надъ книгой и зубрить, а еще менѣе того—добровольно забираться въ читательный залъ и просиживать цѣлые часы надъ какимъ-нибудь описаніемъ путешествія въ Африку или романовъ Майнъ-Рида. Оба они любили поталкаться по городу, какъ-нибудь незамѣтно пробраться въ театръ на галлерею, а когда у одного изъ нихъ заводились деньги, то зай-

ти въ заднюю комнату ресторана, распить бутылку пива и сыграть въ пирамидку. Учились они оба плохо, и за обоими въ гимназіи числилось немало недоразумѣній.

— Что тебѣ?—спросилъ Сережа.

— Ты вчера игралъ на билліардѣ? Вотъ свинство!

— А тебѣ кто сказалъ?

— Петровъ и Колянскинъ. Вѣдь они играли съ тобой... А меня не позвалъ. Вотъ свинья!..

— Не успѣлъ... Просто не видалъ тебя!..

— Ну, вотъ за это ты и продулся!.. За это самое! Послушай, да гдѣ-же ты такую пропасть денегъ добылъ? Колянскинъ говоритъ, что у тебя было рублей восемнадцать.

— А, онъ, видно, считалъ мои деньги!— сквозь зубы отвѣтилъ Сережа.

Въ глазахъ его замелькалъ безпокойный огонекъ.

— Этого не знаю, считалъ-ли. Только удивительно, откуда ты взялъ такую пропасть?

Сережа почему-то началъ дышать какъ-то тяжело носомъ, и ноздри его неровно раздувались.

— Очень просто!—сказалъ онъ, далеко, однако-жъ. не простымъ и спокойнымъ голосомъ. — Моя мать получила старый

долгъ и дала мнѣ часть на... на покупку книгъ. Ну, а я вмѣсто книгъ взялъ да и проигралъ ихъ...

Волчанскій нѣсколько секундъ подумалъ, а потомъ спросилъ:

— Правда?

— Какой глупый вопросъ! Я говорю, значитъ—правда...

— Но чего-жъ ты сердишься? Должно быть, ты разстроенъ, что проигрался?!. Это хорошо, что такъ... Что мать дала тебѣ... Это слава Богу...

Сережа вскинулъ на него вопросительный взглядъ.

— Почему это такъ?—поспѣшно спросилъ онъ.

— Да видишь-ли, тутъ глупая исторія... Сегодня на первомъ урокѣ Щербиненко заявилъ, будто... Да что это ты такъ измѣнился въ лицѣ? Поблѣднѣлъ и дрожишь...

— Что заявилъ Щербиненко?—охрипшимъ голосомъ спросилъ Сережа и съ усиліемъ откашлялся.

— Будто вчера у него изъ ящика парты кто-то вытащилъ восемнадцать рублей... Послушай, ты ужасно нехорошо смотришь... Такъ, словно собираешься вцѣпиться мнѣ въ горло! . Фу-ты!..

— Ну, и что-жъ!? Ты, конечно, думаешь, что это я вытащилъ деньги у Щер-

биненко? а?—задыхаясь, какъ казалось, отъ бѣшенства, спросилъ Сережа.

Волчанскій отступилъ отъ него на шагъ. Ему было извѣстно, что Сережа страшно вспыльчивъ и въ бѣшенствѣ способенъ забыться и, Богъ знаетъ, чего надѣлать.

— Нѣтъ, я вовсе этого не думаю!—отвѣтилъ онъ,—но... я говорю то, что есть... Щербиненко заявилъ такъ, тутъ былъ воспитатель и слышалъ, и донесъ инспектору, а инспекторъ директору сказалъ, и уже кое-кого изъ класса призывали... Но никто не сказалъ на тебя...

— Еще-бы! Посмѣлъ-бы кто!—глухо произнесъ Сережа и брови его съ страшнымъ напряженіемъ сдвинулись.

— Да... Но вотъ пришелъ Коляскинъ и разсказалъ, что ты вчера игралъ на билліардѣ и какъ разъ эти восемнадцать рублей...

— Гдѣ Коляскинъ? Гдѣ Коляскинъ? — задыхаясь проговорилъ Сережа.

Лицо его сдѣлалось багровымъ, глаза налились кровью, брови прыгали надъ глазами. У него былъ такой видъ, словно онъ хотѣлъ убить Коляскина.

Волчанскій схватилъ его за руку и крѣпко стиснулъ ее.

— Погоди!.. Опомнись.. Это скверно... Могутъ худо подумать... Лучше ты сдержи себя! — сказалъ онъ тихо, но внушительно.

Они оглядѣли классъ. Школьники были уже на мѣстахъ, въ дверяхъ показался учитель греческаго языка, всѣ встали, потомъ опять сѣли. Сережа пошелъ на свое мѣсто. Урокъ греческаго языка прошелъ для него безъ приключеній.

Когда учитель вышелъ изъ класса, къ Сережѣ подошелъ Щербиненко.

Это былъ болѣзненный малый съ блѣднымъ, совсѣмъ еще дѣтскимъ лицомъ. Учился онъ прилежно, посвящая занятіямъ все время, но усваивалъ науку туго, двигаясь изъ класса въ классъ безъ задержекъ, но не бойко. Въ лицѣ его было что-то болѣзненно-желчное, его не любили товарищи.

— Послушай, Надеждинъ, что за исторія такая?.. У меня изъ ящика куда-то дѣвались восемнадцать рублей... А у тебя вчера были деньги... Ты, можетъ быть, нашелъ ихъ?..

Но Сережа послѣдней фразы, которая могла-бы примирить его съ этимъ обращеніемъ, даже не слышалъ. Онъ вскочилъ съ мѣста, какъ обозленная кошка, и, казалось, готовъ былъ броситься на Щербиненко.

Тотъ въ величайшемъ страхѣ отскочилъ отъ него къ двери и сказалъ:

— Онъ еще убьетъ меня... Я лучше скажу инспектору!..

И побѣжалъ черезъ коридоръ. Сережа

двинулся было за нимъ, но какъ-то сразу остановился и опять угрюмо сѣлъ на свое мѣсто. Недалеко отъ него прошелъ Волчанскій, но подойти къ нему не рѣшился. Минуты черезъ двѣ въ классъ вошелъ служитель и заявилъ, что инспекторъ требуетъ къ себѣ Надеждина.

Сережа всталъ и, повидимому, спокойно пошелъ за нимъ. Онъ старался не глядѣть по сторонамъ, но все-таки замѣтилъ, что школьники стояли въ коридорѣ кучками и, когда онъ проходилъ мимо нихъ, какъ-то подозрительно смотрѣли на него

Но онъ шелъ твердо и смотрѣлъ на все это съ презрѣніемъ. На лицѣ его играла даже улыбка, но какая-то странная — дѣланная, придававшая ему жалкій видъ.

Когда онъ вошелъ въ первую комнату, гдѣ всегда принималъ инспекторъ, дверь въ слѣдующую комнату, въ которой обыкновенно засѣдалъ самъ директоръ, была полупритворена. Инспекторъ сидѣлъ одинъ за столомъ и разсматривалъ ученическій журналъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, широкотѣлый, сутуловатый. Его смугло-блѣдное лицо носило всѣ признаки болѣзни печени и нервной раздражительности. Въ черной, круглой бородѣ, широкимъ кружевомъ обрамлявшей его щеки, не было сѣдинъ, а на головѣ блестѣла большая лысина.

Инспекторъ, не подымая головы, испод-

лобья посмотрѣлъ на него, и Сережѣ показалось, что этотъ взглядъ былъ полонъ злобнаго презрѣнія. Ему было очень хорошо извѣстно, что инспекторъ ненавидитъ его и всегда относится къ нему враждебно и почелъ-бы для себя счастьемъ выгнать его изъ гимназіи. Инспекторъ былъ того мнѣнія, что Надеждинъ — самый испорченный изъ всѣхъ воспитанниковъ, и смотрѣлъ на него, какъ на заразу. Сережа переносилъ это равнодушно, но презрѣніе, выражавшееся во взглядѣ инспектора, глубоко задѣло его за живое.

Онъ тутъ-же рѣшилъ, что на первое его рѣзкое слово отвѣтить дерзостью.

Но инспекторъ всегда избѣгалъ говорить съ нимъ. Дѣло въ томъ, что Надеждину сильно покровительствовалъ директоръ, и онъ не хотѣлъ доставлять ему огорченіе.

— Пройдите къ директору, Надеждинъ!—сказалъ инспекторъ и сейчасъ-же опустилъ взоръ, какъ-бы продолжая разсматривать журналъ.

Сережа прошелъ въ слѣдующую комнату.

— Ага, это ты, Надеждинъ! Очень хорошо! Я тебя звалъ!—сказалъ директоръ, откинувшись на спинку кресла и поправляя очки.

Онъ сидѣлъ за небольшимъ письменнымъ столомъ. Высокій, плотный здоровякъ, съ

яснымъ взглядомъ, хорошо выбритымъ лицомъ, онъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, смотрѣлъ вполнѣ бодро. Глядя на него, каждый сказалъ-бы, что онъ — счастливый человѣкъ, что онъ не золъ, но въ лицѣ его не было мягкости, оно скорѣе выражало холодность, сдержанность.

— Тутъ скверное дѣло, мой другъ, скверное дѣло!.. Ты знаешь?—продолжалъ директоръ, въ то время, какъ Сережа стоялъ по другую сторону стола.

— Я здѣсь не при чемъ, Михаилъ Родіонычъ!—угрюмо отвѣчалъ Сережа.

— Ты здѣсь не при чемъ? Очень хорошо! Ты самъ знаешь, какъ я буду радъ этому, если будетъ доказано, что ты не при чемъ. Но это мы увидимъ, увидимъ! Мы это сейчасъ-же увидимъ. Во-первыхъ, ты дурно ведешь себя, Надеждинъ, ты очень, очень дурно ведешь себя, и это мнѣ непріятно...

— Въ чемъ-же, Михаилъ Родіонычъ? Я... ничего!

— Ага, ничего! Во-первыхъ, ты пропускаешь уроки, мой другъ, а этого не должно дѣлать, ученикъ не долженъ пропускать уроковъ...

— Я по болѣзни...

— Ага, очень хорошо, по болѣзни!.. Это—причина, конечно, если она есть въ дѣйствительности... Но ты здоровъ по виду. Но хорошо. А почему ты не учишь

уроковъ? У тебя единицы, двойки и ноли... а? Вѣдь ты второй годъ въ классѣ и не перейдешь, значитъ, придется выйти, а это мнѣ непріятно... И ведешь себя ты скверно...

Сережа промолчалъ, а директоръ продолжалъ:

— Во-первыхъ, ты бываешь въ недозволенныхъ мѣстахъ... Ты въ рестораны ходишь, а это воспрещается, и за это исключаютъ... Но еще хуже: ты играешь на билліардѣ... Да, это мнѣ извѣстно!..

Сережа угрюмо молчалъ. Онъ зналъ, что директоръ любитъ, когда молчатъ.

— Да, это скверно, и, если повторится, придется тебя исключить. Я тебѣ желаю добра, мой другъ, мы съ твоимъ отцомъ были хорошіе пріятели, ты знаешь, но я не имѣю права, я долженъ исполнять правила... Замѣть это. Но не въ этомъ дѣло. У Щербиненка изъ ящика исчезли восемнадцать рублей, а у тебя вчера видѣли деньги и какъ разъ восемнадцать рублей? Что ты на это скажешь?

— Кто это видѣлъ, Михаилъ Родіонычъ?

— Это все-равно и, во-первыхъ, — ты знаешь, кто... Они будутъ наказаны и очень строго за то, что бываютъ въ мѣстахъ недозволенныхъ. Но видали... Ты это отрицаешь? а?

— Нѣтъ, у меня были деньги! — отвѣтилъ

Сережа, и въ голосѣ его слышалось злобное раздраженіе.

— Ага, очень хорошо! Были деньги! Цѣлыхъ восемнадцать рублей!.. Ну и откуда-же ты взялъ эти деньги?

— Моя мать получила небольшой старый долгъ и дала мнѣ часть на покупку книгъ,—твердо сказалъ Сережа.

— Ага, а ты прокутилъ! Очень хорошо! Но, во-первыхъ, какой это долгъ? Я очень подробно знаю дѣла Марьи Григорьевны, потому что я былъ душеприказчикомъ твоего отца... Какой долгъ? Какая сумма?

— Я не знаю точно...

— А отъ кого Марья Григорьевна получила долгъ.

— Этого я тоже не знаю...

Послѣ этихъ словъ Сережа вдругъ возвысилъ голосъ. Раздраженіе, которое въ немъ кипѣло, прорвалось наружу. Его бѣсило, что директоръ старается путемъ этого допроса вывѣдать отъ него что-то.

Онъ сказалъ грубымъ и дерзкимъ тономъ:

— Я не знаю, чего вы отъ меня хотите! Я больше ничего не могу вамъ сказать!...

Директоръ нахмурилъ брови.

— Видишь, если-бы это былъ не ты, не сынъ моего друга, я тебя просто прогналъ-бы!—сказалъ онъ строго.—Но ты помни, что уже однажды тебя выгнали изъ гим-

назіи, и мнѣ это очень дорого стоило, что я тебя опять принялъ... Я не долженъ былъ этого дѣлать, но я для тебя нарушилъ правила... Второй разъ этого я не смогу сдѣлать, даже ради памяти твоего отца. А ты говоришь мнѣ грубости... Значитъ, ты не чувствуешь... И вотъ сейчасъ лицо у тебя перекосилось отъ злости... Это скверно. Такъ ты говоришь, что деньги дала тебѣ мать?

— Да, мать!..

— Очень хорошо! Такъ вотъ что: мы это и провѣримъ. Попроси Марью Григорьевну пожаловать сюда, ко мнѣ, завтра утромъ. Твоя мать—прекрасная женщина, она труженица, а ты ее огорчаешь, это скверно. Вообще, дрянной юноша, это мнѣ очень непріятно, потому что твой отецъ былъ честный человѣкъ и мой другъ... Такъ мать тебѣ дала? Очень хорошо. Завтра это выяснится; Марья Григорьевна всегда скажетъ правду. А теперь я прошу тебя идти домой. Ты не можешь сегодня оставаться въ классѣ, потому что ты на подозрѣніи, ты подозрѣваешься. Завтра оправдаешься и опять станешь ходить... Ступай!

Сережа круто повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Инспекторъ опять съ тѣмъ-же выраженіемъ презрѣнія взглянулъ на него исподлобья. Было очевидно, что онъ ни на ми-

нуту не сомнѣвался въ виновности Надеждина и только удивлялся, какъ еще у директора хватаетъ терпѣнія разговаривать съ такимъ негодяемъ.

Сережа опять замѣтилъ это взглядъ и отвѣтилъ ему съ своей стороны взглядомъ выражавшимъ все бѣшенство, какое кипѣло у него въ груди.

Онъ не вышелъ, а выскочилъ изъ этой комнаты и побѣжалъ прямо внизъ, гдѣ помѣщался вестибюль. Наверху остался его ранецъ съ книгами, но онъ о немъ даже не подумалъ. Собственно говоря, ему слѣдовало-бы помчаться въ классъ и избить до смерти Коляскина, Петрова и Щербиненка, въ особенности — Щербиненка, котораго онъ въ душѣ называлъ доносчикомъ. Но что-то его толкало вонъ, домой, поскорѣй домой.

Ему непремѣнно надо было видѣть мать и, какъ можно, скорѣе. Онъ это почувствовалъ и рѣшилъ еще тогда, когда говорилъ съ директоромъ.

И онъ почти бѣжалъ по улицѣ, чтобъ во что-бы то ни стало застать мать дома. Въ этотъ день у нея былъ урокъ, она уходила изъ дому послѣ двѣнадцати. Онъ это зналъ и торопился.

Дома онъ прежде всего встрѣтилъ Аксинью, которая спокойно и медлительно нарѣзывала картофель на кухонномъ сто-

лѣ, а дверь изъ кухни въ сѣни была открыта.

— Мама еще дома?—нетерпѣливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ушли! Онѣ нынче раньше ушли!—отвѣтила Аксинья и очень удивилась, когда ея простой отвѣтъ какъ-то всего его передернулъ.

Онъ вбѣжалъ въ свою комнату и сказалъ вслухъ:

— Это всегда такъ бываетъ! Вотъ мнѣ нужно, и ея нѣтъ, а когда не надо, она пристаетъ и надоѣдаетъ!...

Онъ думалъ о томъ, гдѣ мать, и не пойти-ли туда, гдѣ она даетъ урокъ. Ему непремѣнно, непремѣнно надо было повидать ее. Но онъ не рѣшался идти туда. Тамъ она будетъ не одна, а если ее вызвать, то придется говорить на улицѣ. Но вѣдь, конечно, она будетъ плакать, укорять и проклинать. Ужъ это навѣрное, безъ этого не обойдется. На улицѣ это—не хорошо.

Онъ рѣшилъ подождать и ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ все съ одной и той-же мыслью, что ему надо видѣть мать и что отъ этого все зависитъ. Онъ ходилъ такъ часа полтора и не замѣтилъ, какъ прошло время. Когда онъ случайно, на минуту, остановился у окна, то увидалъ Марью Григорьевну, возвращавшуюся домой. Онъ обрадовался и хотѣлъ по-

бѣжать въ сѣни, потому что его мучило нетерпѣніе.

Но въ это время онъ замѣтилъ, что съ другой стороны къ дому приближается и привѣтливо киваетъ головой Марьѣ Григорьевнѣ высокая дама въ сизой шапочкѣ подъ барашекъ, съ зонтикомъ въ рукѣ, въ кофточкѣ съ мѣховой опушкой, съ молодымъ еще, но очень некрасивымъ, слишкомъ длиннымъ лицомъ. Онъ узналъ свою двоюродную тетку, Наталью Максимовну.

Ее онъ, вообще, терпѣть не могъ, потому что она вѣчно надоѣдала своими наставленіями. Положимъ, она была классной дамой въ прогимназіи, и читать наставленія было ея спеціальностью, но она съ особеннымъ удовольствіемъ надоѣдала Сережѣ, постоянно доказывая, что онъ стоитъ на скользкомъ пути и непремѣнно погибнетъ. Но въ эту минуту онъ ее ненавидѣлъ, и, какъ только обѣ дамы скрылись въ воротахъ, онъ плотно притворилъ дверь, злобно защелкнулъ задвижку и легъ на кровать, протянувъ во весь ростъ свои длинныя ноги.

„И что ей нужно? Что ей нужно? Непремѣнно теперь! И вотъ это всегда такъ, всегда!"—съ невыразимой досадой думалъ онъ и рѣшилъ, что не выйдетъ изъ комнаты, пока она не уйдетъ.

Очевидно, Аксинья ничего имъ не ска-

зала о его приходѣ, иначе мать сейчасъ-же постучалась-бы къ нему.

Онъ слышалъ, что онѣ остались въ первой комнатѣ, и до его ушей отъ слова до слова долетаетъ ихъ разговоръ.

— Я, Маша, къ тебѣ по дѣлу, — говоритъ Наталья Максимовна сокрушеннымъ голосомъ. — Ты не сердись и не обижайся!.. Это мой долгъ сказать тебѣ...

— Что такое? Что такое? — тревожно спрашиваетъ Марья Григорьевна. — Зачѣмъ ты меня пугаешь?

У Сережи сердце начинаетъ сильно стучать. Онъ прислушивается, боясь проронить хоть одну букву.

— А вотъ что... Только ты не тревожься... Въ гимназіи непріятность произошла. Ахъ, большая непріятность...

— Въ какой гимназіи? Ты совсѣмъ меня съ ума сведешь!

Сережа вскакиваетъ и садится на постели. Постель трещитъ, и ему за это хочется разломать ее въ дребезги.

— Въ гимназіи, гдѣ Сережа...

— Боже мой! Зачѣмъ ты меня мучаешь? Говори-же!..

— Ахъ, милая, ты волнуешься! Ты не повѣришь, какъ это тяжело сказать... Объ этомъ уже говорятъ въ городѣ... У одного гимназиста въ седьмомъ классѣ пропали деньги, восемнадцать рублей... Ну и всѣ подозрѣваютъ Сережу...

— Господи, Господи, Господи! Царица небесная!—съ ужасомъ восклицаетъ Марья Григорьевна. — Этого не можетъ быть... Нѣтъ, нѣтъ!..

— Милая моя, я всегда говорила, что онъ стоитъ на скользкомъ пути... Эти трактиры до всего доведутъ! Онъ на все способенъ...

Но не успѣла еще классная дама произнести этихъ словъ, какъ дверь изъ Сережиной комнаты съ трескомъ и грохотомъ растворилась, и Сережа вылетѣлъ изъ нея. Лицо его было мертвенно-блѣдное и конвульсивно подергивалось. Классной дамѣ онъ показался страшнымъ.

— Вонъ!.. Вонъ!.. Вонъ отсюда! Вонъ!— кричалъ онъ ей, задыхаясь и дрожа.

Тетушка вскрикнула, поблѣднѣла и, какъ-то мгновенно, толкаемая страхомъ, выбѣжала въ сѣни.

Марья Григорьевна всплеснула руками, да такъ и застыла въ этой позѣ.

— Что ты сдѣлалъ? За что ты обидѣлъ женщину?—голосомъ, исполненнымъ муки, промолвила она.

Онъ и на нее перенесъ враждебный взглядъ.

— Пусть не говоритъ такъ! Она мнѣ невыносима! — отвѣтилъ онъ, но уже болѣе спокойнымъ голосомъ.

Повидимому, онъ уже сознаsлъ, что этого не слѣдовало дѣлать.

Онъ сѣлъ въ кресло, потомъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, опять сѣлъ. Марья Григорьевна видѣла, что онъ страшно взволнованъ и ничего у него не спрашивала. Сообщеніе Натальи Максимовны потрясло ее, но она хотѣла дать Сережѣ время успокоиться. Она вошла въ свою комнату и присѣла на кровати.

Она слышала, какъ Сережа опять всталъ и снова началъ шагать по комнатѣ, раза два зашелъ къ себѣ и опять вернулся.

„У него что-то страшное на душѣ“! — подумала она.—„Господи, за что ты меня наказалъ такъ? Сереженька, какую еще чашу испить меня заставишь“?!

Но вотъ онъ вошелъ къ ней и остановился неподалеку отъ порога.

Онъ совсѣмъ уже не тотъ, что былъ сейчасъ, и глаза его смотрятъ иначе. Въ нихъ выражается какая-то нерѣшительность, неувѣренность. Ему тяжело сказать то, что у него на душѣ, и это доставляетъ ей новую муку.

„Что-же онъ скажетъ? Что онъ скажетъ? Неужели-же... Боже мой, неужели это можетъ быть правдой“?

— Мама, я... хотѣлъ просить васъ, — началъ онъ упавшимъ и прерывающимся голосомъ.—Я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ такой просьбѣ...

— Сережа, развѣ я могу отказать тебѣ,

если въ силахъ? — промолвила она, продолжая сидѣть на кровати съ поникшей головой.

— Разумѣется, вы въ силахъ, если захотите. Это вамъ ничего не будетъ стоить... Всего нѣсколько словъ...

— Какихъ словъ, Сережа?

— Я... сейчасъ скажу вамъ... Конечно... конечно, вы будете проклинать меня, бранить, но...

— Я—проклинать тебя? Сережа, Сережа!

Она произнесла эти слова тихо, покачивая головой, но въ нихъ не слышалось ничего, кромѣ сердечной муки.

Сережа подошелъ къ креслу и сѣлъ. Съ виду онъ казался спокойнымъ, но внутреннее волненіе томило его, у него дрожали ноги.

— Ну, да, проклинать и бранить, какъ всѣ... Всѣ вѣдь меня бранятъ: и товарищи, и инспекторъ, и директоръ, всѣ чертомъ смотрятъ на меня... И даже вотъ эта тетка... Ну и браните! Что-жъ, я пропащій человѣкъ... Ладно... А только не захотите-же вы погубить меня окончательно! Отъ васъ все зависитъ.

Марья Григорьевна смутно чувствовала по его словамъ и по тону, что онъ скажетъ что-нибудь страшное, и уже болѣе не допытывала и молчала, какъ бы боясь услышать роковыя слова раньше, хоть на секунду.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери и плотно притворилъ ее, потомъ прошелся къ окну, остановился и глядѣлъ на улицу, ничего не видя. Слова, изъ-за которыхъ онъ искалъ мать, были у него готовы, но у него словно не хватало голосу, чтобы сказать ихъ.

А она испуганными глазами слѣдила за его движеніями.

III.

Наконецъ, онъ рѣшительно обернулся къ ней, и во взглядѣ, который онъ бросилъ на нее, выражалось отчаяніе.

— Михаилъ Родіонычъ просилъ васъ явиться къ нему завтра утромъ,—промолвилъ онъ скороговоркой. — Онъ будетъ спрашивать васъ, такъ вы скажите, что такъ и было... Отъ васъ все зависитъ... Онъ сказалъ, что отъ васъ все зависитъ!

— Что-же было?

— Ахъ, вы непремѣнно хотите, чтобы я сказалъ!.. Ну, извольте, извольте... Скажите, что деньги, восемнадцать рублей, вы мнѣ дали на книги... Вы получили старый долгъ... Вотъ это скажите... Ну, теперь можете бранить и проклинать!..

Онъ слегка повернулъ лицо всторону и тупымъ взглядомъ смотрѣлъ на стѣну съ видомъ человѣка, рѣшившагося выслушать все.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ послѣ своихъ словъ ждалъ бурнаго потока слезъ, укоровъ, проклятій. Будетъ вспомянута вся жизнь, будутъ перечислены всѣ ея благодѣянія и всѣ обиды, которыя онъ нанесъ ей, тысяча попрековъ... Ахъ, но ему это все-равно, рѣшительно все-равно, лишь-бы она сказала директору, что было такъ.

Ему ничего на свѣтѣ такъ не хочется, какъ посрамить всѣхъ этихъ господъ — и начальниковъ, и товарищей, такъ прозрачно намекающихъ на то, что онъ укралъ деньги. Ради этого онъ все готовъ перенести...

Марья Григорьевна поднялась и, сложивъ руки такъ, будто собиралась молиться, подошла къ нему близко.

— Сережа!.. Сереженька! — промолвила она, глядя ему въ лицо. — Что-же мы теперь будемъ дѣлать?

Крупныя слезы катились изъ ея глазъ, но она этого не замѣчала, не вытирала ихъ, а все смотрѣла ему въ лицо, какъ-бы желая проникнуть въ самое его сердце.

Онъ какъ-то угловато пожалъ плечами и пробормоталъ.

— Отъ васъ все зависитъ!

Она отрицательно покачала головой.

— Разумѣется, вамъ только стоитъ сказать... Михаилъ Родіонычъ вамъ повѣритъ. Онъ сказалъ, что повѣритъ... Вы можете спасти мою карьеру!..

Говоря это, онъ все продолжалъ смотрѣть всторону, избѣгая встрѣчи съ ея взглядомъ. А она стояла передъ нимъ, ломая руки, безмолвная, и лицо ея выражало безконечную муку.

Но для него все это прошло безслѣдно. Все его существо было охвачено, поглощено одной мыслью, однимъ желаніемъ, доказать имъ всѣмъ, что они не правы, унизить ихъ настолько-же, насколько они его унизили, получить право посмотрѣть на нихъ такимъ-же презрительнымъ взглядомъ, какимъ они на него смотрѣли.

Но она молчитъ.

Почему она молчитъ? Вѣдь она только-что сама сказала, что не можетъ ни въ чемъ отказать ему. Она прибавила: „если въ силахъ“!.. Ну, да, конечно, если въ силахъ. Но не станетъ-же она утверждать, что не въ силахъ сказать простое „да“!..

Онъ глядитъ всторону и ждетъ. Въ груди его кипитъ нетерпѣніе. Онъ не знаетъ, что еще сказать ей, но молчаніе ему невыносимо, и онъ тупо повторяетъ то, что уже сказалъ:

— Директоръ вамъ повѣритъ... Вамъ это ничего не стоитъ... Отъ одного вашего слова зависитъ... моя карьера...

Но почему это она вдругъ вся заметалась, словно каждое слово его рѣзало ее по сердцу?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Сережа... Не говори такъ; ради Бога, не говори? Лучше молчи, совсѣмъ молчи!...

— Вы только отвѣтьте мнѣ, мама, согласны-ли вы...

— На что? На что?

— Сказать директору...

— Что сказать?

— Ну, вотъ, я опять повторять долженъ... Что вы мнѣ дали деньги на книги... Что вы получили старый долгъ...

— Глупый ты мальчикъ! Глупый ты мальчикъ!.. И ты думаешь, что этому кто-нибудь можетъ повѣрить? Ты только подумай: у тебя дурная репутація, деньги пропали у твоего сосѣда, у тебя видѣли восемнадцать рублей, и пропало восемнадцать... Ты только подумай, Сережа!...

— Все-равно, все-таки скажите... Они не посмѣютъ вамъ не повѣрить...

— Не посмѣютъ?! Кто это? Михаилъ Родіонычъ, который знаетъ всѣ мои дѣла лучше, чѣмъ я сама, знаетъ, что никто мнѣ ничего не долженъ и не могъ быть долженъ, потому что никогда ни копейки лишней у меня не было и не изъ чего было давать взаймы... Да и зачѣмъ, зачѣмъ это?

— Какъ зачѣмъ? Вотъ странный вопросъ! Вѣдь иначе я не кончу гимназіи...

— Ахъ, все это ни къ чему! Все ни къ чему!—говорила Марья Григорьевна, медленно качая головой.

— Я просто не понимаю васъ, мама...

— Да, да! Это правда, Сережа... Въ этомъ все наше несчастье—что ты меня не понимаешь!.. О, если-бъ ты понялъ меня, мою душу, хоть невзначай, хоть на одну секунду, ты ужъ и всегда понималъ-бы... Да, это все ни къ чему, ни къ чему...

И она при этомъ смотрѣла какимъ-то убитымъ, безпомощнымъ взглядомъ.

Его нетерпѣніе становилось невыносимымъ. Ему казалось, что, если онъ сейчасъ, сію минуту, не услышитъ отъ нея отвѣта, то съ нимъ произойдетъ что-то страшное,— сердце разорвется, или земля подъ нимъ провалится, или упадутъ съ трескомъ и шумомъ вотъ эти стѣны, и его подхватитъ ураганъ и унесетъ въ безпредѣльное пространство...

— Такъ вы не можете сказать одно слово, одно только слово, чтобо спасти меня?— сказалъ онъ, и въ его голосѣ слышалось что-то грубое, рѣшительное, дерзкое.

— Тебя спасти?—возразила она.—Нѣтъ, этимъ я тебя не спасу! Ахъ, нѣтъ нѣтъ... Сережа! Сереженька! Вспомни своего отца! У него въ рукахъ перебывало множество большихъ суммъ, ему довѣряли, какъ свя-

тому, онъ могъ-бы, если-бы хотѣлъ, безнаказанно нажить состояніе, но онъ ничего не нажилъ... Ты знаешь, что послѣ его смерти ничего не осталось...

— Да!—злобно произнесъ Сережа,—ровно ничего... Я не вижу, чему тутъ радоваться... Если-бы отецъ оставилъ что-нибудь, то я не былъ-бы поставленъ въ положеніе нищаго, на котораго всякій можетъ смотрѣть съ сожалѣніемъ и презирать...

— Неправда! Неправда! Только презрѣнные люди могутъ такъ смотрѣть на тебя! Ты не нищій! Нищій проситъ, а мы съ тобой никогда не просили. У насъ многаго не хватаетъ, но зато все до послѣдней нитки — заработанное собственнымъ трудомъ, все—свое... И ты не долженъ такъ говорить объ отцѣ. Онъ былъ честенъ и думалъ, что ты это оцѣнишь... Онъ безумно любилъ тебя, Сережа! Онъ, когда умиралъ, все о тебѣ говорилъ мнѣ, все говорилъ...

— Да, вотъ въ томъ-то и дѣло, что говорилъ только...

— Сережа!...

— Мама! я прошу васъ послѣдній разъ... Послѣдній разъ, мама! Мнѣ невыносимо!.. Скажите директору такъ...

— Эго невозможно, Сережа, невозможно...

— Ну,—промолвилъ онъ какимъ-то от-

чаянно-рѣшительнымъ тономъ и при этомъ судорожно схватилъ свою фуражку.—Если невозможно, такъ я знаю, что сдѣлаю...

И онъ, круто повернувъ къ двери, хотѣлъ уйти. Она схватила его за рукавъ.

— Что ты хочешь дѣлать?

— То, что дѣлаютъ порядочные люди, когда они опозорены! — отвѣтилъ онъ такимъ голосомъ и съ такими глазами, что она допустила все, и ей сдѣлалось страшно.

— Нѣтъ, постой... Ну, хорошо... Пойдемъ, по... пробуемъ!..

— Къ директору?—поспѣшно спросилъ онъ.

— Ну, да, пойдемъ къ Михаилу Родіонычу... Я сдѣлаю все, на что у меня хватитъ силъ... Все, чтобы онъ пощадилъ...

— Что вы ему скажете?

— Не знаю!.. Пойдемъ, Сережа!.. Ужъ я не скажу того, что тебя погубитъ... Постой, я вытру слезы и промою глаза... Вѣдь будемъ идти по улицѣ... Теперь занятія кончились? Пойдемъ къ нему... Онъ меня всегда приметъ...

Она быстро вымыла холодной водой свое лицо, накинула свое поношенное, порыжѣвшее манто, надѣла шляпку и тотчасъ вышла на улицу.

Сережа шелъ слѣдомъ за нею. У него явилась надежда.

Гимназія была отъ нихъ недалеко, но

имъ пришлось идти минутъ двадцать. Марья Григорьевна выбирала окольные пути. На главной улицѣ будутъ на каждомъ шагу попадаться гимназисты, возвращающіеся домой. И они, навѣрно, будутъ кидать на нихъ двусмысленные взоры. Марья Григорьевна не хотѣла этого ни для себя, ни для Сережи. Она хотѣла щадить его больное самолюбіе.

Не доходя зданія гимназіи, они встрѣтили двухъ мальчиковъ изъ младшихъ классовъ. Сережа зналъ ихъ только въ лицо, но не зналъ даже ихъ фамилій. Они просто посторонились и дали имъ дорогу, по всей вѣроятности, потому, что Сережа шелъ съ старой дамой.

Но онъ объяснилъ это иначе. Ему показалось то, чего не было, — будто они какъ-то преднамѣренно шарахнулись въ сторону, будто у нихъ на губахъ играли какія-то насмѣшливыя улыбки.

Онъ сверкнулъ на нихъ исподлобья огненнымъ взглядомъ и сказалъ себѣ:

„О, негодяи! Они всѣ знаютъ! Они не пропускаютъ случая показать это... Я всѣмъ имъ отомщу!“

Онъ былъ въ томъ состояніи, когда человѣку весь міръ представляется враждебно настроеннымъ противъ него, и, благодаря этому, онъ самъ проникается ненавистью противъ всего, что попадается ему на глаза. Все надъ нимъ издѣвается,

все призираетъ его, даже этотъ кучеръ, который, ѣдучи съ пустой коляской, безъ сѣдока, не захотѣлъ переждать, пока они перейдутъ черезъ дорогу, а пронесся мимо ихъ стрѣлою, этотъ торговецъ, вышедшій изъ своей лавченки на улицу, чтобъ постоять съ минуту и подышать свѣжимъ воздухомъ,—всѣ должны думать только о немъ, о его позорѣ, и посылать ему враждебные взгляды.

И съ каждымъ шагомъ, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ гимназіи, ненависть все больше и больше закипала въ его груди, шаги его становились шире и тверже, ноги какъ-то злобно стучали по мостовой съ торчащими кверху острыми камнями, и онъ, не будучи въ состояніи держать внутри себя свое чувство, сжималъ кулаки и бормоталъ себѣ подъ носъ какія-то отрывочныя угрозы.

Марья Григорьевна шла за нимъ, стараясь не отстать; но для нея это было очень трудно. Онъ не обращалъ вниманія на то, что у нея были слабыя ноги, что она не могла дѣлать такихъ широкихъ шаговъ, какъ онъ. Ему теперь было дѣло только до самого себя.

— Сережа... Не торопись!.. Мнѣ за тобой не поспѣть! — умоляющимъ голосомъ говорила она, боясь пробудить въ немъ какой-нибудь гнѣвный порывъ.

„Да“,—думала она,—„его состояніе должно быть ужасно! Эго надо понять!“

Она забывала, что это понять могло только сердце матери.

Но онъ едва-ли даже слышалъ ея мольбу. Онъ еще прибавилъ шагу, подгоняемый своими мыслями.

Марья Григорьевна задыхалась, и, когда они дошли до зданія гимназіи, она опустилась на гранитную ступеньку лѣстницы, которая вела къ главному подъѣзду, и не могла итти.

— Я не чувствую ногъ!—говорила она.— Погоди одну минутку... Я только переведу духъ...

Онъ посмотрѣлъ на нее искоса, и что-то злобное сверкнуло въ этомъ взглядѣ.

— Это для того, чтобъ всѣ видѣли насъ и показали пальцами!—проворчалъ онъ.

Она покорно поднялась.

— Не думай этого, Сережа!.. Это неправда!—убитымъ голосомъ отвѣтила она.— Развѣ я когда-нибудь лгала тебѣ? Куда надо идти? Пойдемъ ужъ...

— Здѣсь намъ нечего дѣлать... Надо идти со двора!

— Пойдемъ со двора.

Она усталыми ногами пошла къ воротамъ, гдѣ стоялъ привратникъ. Она обратилась къ нему:

— Михаилъ Родіонычъ не выѣхалъ со двора?

— Нѣтъ, не выѣзжали!—отвѣтилъ тотъ.

Потомъ онъ посмотрѣлъ на Сережу и, понявъ, что это пришли не по частному, а по школьному дѣлу, прибавилъ:

— Только они теперь не принимаютъ...

— Почему не принимаютъ? — сердито спросилъ Сережа.

— У нихъ есть часы... Они принимаютъ утромъ отъ десяти до двѣнадцати,—отвѣтилъ привратникъ.

— Ну, это не твое дѣло!—грубо сказалъ ему Сережа и сдѣлалъ шагъ во дворъ.

Привратникъ преградилъ ему дорогу.

— Нѣтъ-съ, мое-съ! На то я здѣсь поставленъ!

Сережа съ силой оттолкнулъ его, такъ что тотъ отскочилъ на нѣсколько шаговъ.

— Врешь,—сказалъ онъ,—ты поставленъ стеречь дворъ. А я гимназистъ, ты видишь?.. Убирайся съ дороги. Пойдемъ!—обратился онъ къ Марьѣ Григорьевнѣ.

Привратникъ опѣшилъ. Никакъ не ожидалъ онъ отъ молодого человѣка такого натиска.

— Не сердитесь на него... Онъ очень разстроенъ!—сказала ему Марья Григорьевна, желая смягчить обиду.—Директоръ меня знаетъ и приметъ... Вы не безпокойтесь!..

Привратникъ такъ былъ смущенъ, что даже на эти успокоительныя слова ничего

не отвѣтилъ. Онъ отошелъ въ сторону и отвернулся отъ нихъ.

— Ахъ Сережа, можно-ли такъ обращаться съ человѣкомъ!—укоризненно говорила сыну Марья Григорьевна.—Вѣдь это его обязанность...

Сережа молчалъ.

Они подошли къ подъѣзду, который велъ въ квартиру директора. Надо было позвонить, это сдѣлала Марья Григорьевна. Она даже поспѣшила это сдѣлать, боясь, что Сережа слишкомъ порывисто дернетъ.

Вышла горничная и взглянула на нихъ крайне недружелюбно. Она служила у директора недавно и не знала еще его отношеній къ Надеждинымъ.

— Доложите Михаилу Родіонычу,—начала Марья Григорьевна.

— Они не принимаютъ!—бойко перебила ее горничная.—Это надо утромъ, въ пріемной, а на квартирѣ у нихъ пріему нѣту...

Сережа посмотрѣлъ на нее сверкающими глазами, но Марья Григорьевна тихонько отстранила его и промолвила, какъ можно мягче:

— Милая, вы только доложите, что пришла Надеждина, Марья Григорьевна—скажите...

— Никакъ нельзя, сударыня!—отвѣтила

горничная.—Они приказали не докладывать, ежели по учебному дѣлу...

— Вы не разсуждайте, а дѣлайте то, что вамъ приказываютъ!—сдержанно-звѣрски прорычалъ Сережа, почти оттолкнувъ мать и наступая на горничную.

Та посмотрѣла на него испуганными глазами и побѣжала наверхъ, по деревянной лѣстницѣ, ворча по дорогѣ:

— Это какой-то сумасшедшій, должно быть, изъ больницы сорвался!..

— Вотъ что ты надѣлалъ, Сережа!—мягко укоряла его Марья Григорьевна,—теперь она не выйдетъ, и мы ничего не добьемся...

— Я имъ звонокъ оборву и стекла всѣ вышибу... Пусть-ка не выйдетъ!

И онъ протянулъ руку къ звонку.

Она съ ужасомъ схватила его за руку.

— Боже тебя сохрани! Что ты хочешь дѣлать?—воскликнула она.—Подождемъ... Можетъ быть, она раздумаетъ и доложитъ...

Въ это время горничная опять спускалась по лѣстницѣ, на этотъ разъ торопливо и съ лицомъ болѣе любезнымъ. Видя передъ собой взбѣшеннаго человѣка, она испугалась и побоялась, чтобы не вышло какой-нибудь непріятности, и потому рѣшилась доложить. Она была очень изумлена, когда директоръ, при имени Марьи Григорьевы, быстро поднялся и сказалъ:

— Ахъ, я просилъ ее завтра, но это ничего... Проси, проси... Ко мнѣ въ кабинетъ, прямо въ кабинетъ!..

И онъ самъ тотчасъ-же направился въ кабинетъ. Горничная поняла изъ этого, что Надежина—желанная гостья, и вышла теперь съ виноватымъ видомъ.

— Извините-съ... Пожалуйте-съ! Они просятъ... Прямо въ кабинетъ...

Надеждины поднялись наверхъ и знакомымъ ходомъ пошли въ кабинетъ директора.

Директоръ поднялся и радушно протянулъ руку Марьѣ Григорьевнѣ, а Сережа сейчасъ-же прошелъ къ окну и стоялъ полуотвернувшись. Онъ даже не поклонился директору, но тотъ не обратилъ на это вниманія. Репутація Сережи была установлена. Отъ него не требовали и не ждали ничего хорошаго.

— Садитесь, садитесь. Марья Григорьевна! — привѣтливо говорилъ ей директоръ.—Мы съ вами давненько не видались... Жаль вотъ только по такому поводу...

— Ахъ, Михаилъ Родіонычъ!.. Горько это! Такъ горько, такъ горько!—промолвила Марья Григорьевна и едва-едва удержалась отъ слезъ.

— Ну, объ этомъ послѣ... Вы успокойтесь-ка! Устали должно быть? Пѣшкомъ шли? а?

— Я всегда пѣшкомъ хожу, Михаилъ Родіонычъ! Я привыкла!

— Ну, отдохните... Какъ-же вы поживаете, Марья Григорьевна? Я все собираюсь заѣхать къ вамъ. Я и теперь-бы самъ пріѣхалъ, да дѣло вѣдь служебное, неловко... Ну, какъ дѣла?

— Какія-же у меня дѣла, Михаилъ Родіонычъ? Работаю да и только всего... Работа, слава Богу, есть... Я не жалуюсь. А только-что вотъ огорченія. Что работа? Отъ нея даже здоровѣй дѣлаешься, а горе изсушаетъ...

„Пойдутъ канитель разводить! — подумалъ Сережа и нетерпѣливо пожалъ плечами.

Онъ не понималъ, какъ можно говорить о чемъ-бы то ни было другомъ, когда на картѣ стояла его судьба.

— Да, ваша правда!—сказалъ директоръ. — У васъ одинъ сынъ, и тотъ не хочетъ утѣшить васъ... А могъ-бы, могъ-бы, еслибъ захотѣлъ! У него натура не дурная...

— Нѣтъ, не дурная, Михаилъ Родіонычъ... Нѣтъ, недурная!—согласилась Марья Григорьевна.—У него всегда было хорошее сердце... И не знаю, отчего на него эта грубость нашла. Не знаю, отчего...

Сережа съ крайнимъ нетерпѣніемъ стучалъ пальцами въ оконное стекло. Его возмущали эти переговоры, неотносящіеся

прямо къ дѣлу. Будутъ полчаса вздыхать и говорить общія мѣста, а онъ долженъ стоять здѣсь и мучиться, какъ будто его со всѣхъ сторонъ поджариваютъ на кострѣ. Кромѣ того, онъ былъ недоволенъ тономъ, какой приняла Марья Григорьевна. Этими вздохами и жалобами она могла испортить все дѣло. Конечно, когда она здѣсь достаточно наплачется, директоръ даже ей не повѣритъ. Съ какой стати она плакала-бы, если-бы была увѣрена, что обвиненіе, которое на него взводятъ,—клевета?

— Да,—говорилъ между тѣмъ директоръ,—все это такъ, все это такъ, а между тѣмъ вотъ какое непріятное дѣло вышло у насъ... Послушай, Сережа, ты хорошо сдѣлалъ-бы, если-бы вышелъ и посидѣлъ въ гостиной... Мы поговорили-бы съ твоей матерью...

Сережа повернулъ къ нему лицо.

— Позвольте мнѣ остаться! Я хочу здѣсь остаться—довольно настойчиво сказалъ онъ.

— Ну, а если я прошу тебя выйти?

— Вы, значитъ, прогоняете меня?—промолвилъ Сережа, и брови его сдвинулись, а дыханіе сдѣлалось чаще.

— Но вовсе-же нѣтъ!.. Я хочу только поговорить съ твоей матерью...

— Это дѣло меня касается!

— Сережа! Михаилъ Родіонычъ проситъ

тебя! Развѣ тебѣ трудно выйти? Потомъ... Потомъ ты опять войдешь,— сказала просящимъ голосомъ Марья Григорьевна.

— Нѣтъ, позвольте, Марья Григорьевна,—остановилъ ее директоръ.—Если ему такъ хочется, я ничего не имѣю... Пускай остается. У меня нѣтъ секретовъ. Я думалъ, что ему это будетъ пріятнѣе... Да, такъ я говорю: вотъ у насъ случилось такое скверное дѣло... Ну, да вы, вѣроятно, знаете!.. Онъ вамъ разсказалъ...

— Онъ разсказалъ мнѣ, Михаилъ Родіоновичъ! Я знаю!—отвѣтила Марья Григорьевна, и въ голосѣ ея уже слышались слезы.

— Ну, да, такъ вотъ!... Обстоятельство скверное. И еще такъ неблагопріятно сложилось... Репутація у него плохая. Отвратительная репутація!.. Нѣтъ такого дурного дѣла, которое не могли-бы ему приписать... И вдобавокъ, какъ разъ въ этотъ вечеръ онъ игралъ, и у него видѣли деньги... И именно такую сумму, какая... ну, вотъ какая пропала у этого мальчика... Да!.. конечно, тутъ возможно совпаденіе... Бываютъ такія печальныя совпаденія... Но все-же это непріятно, это крайне непріятно, что въ гимназіи, гдѣ я директоромъ, могутъ случаться такія вещи... Да!... Очень непріятно! И онъ, вашъ сынъ, Марья Григорьевна, заявилъ мнѣ вчера, что деньги эти дали ему вы... Вы

получили какой-то старый долгъ... Такъ онъ сказалъ... И дали ему на покупку книгъ... Я, конечно, по дружбѣ моей съ вашимъ покойнымъ мужемъ, достаточно хорошо знаю ваши дѣла, но этого могу и не знать... Я могу допустить это... Вѣдь, ты такъ говоришь? Я не ошибаюсь?—обратился онъ къ Сережѣ,—старый долгъ, ты говоришь? а?

Сережа опять повернулъ къ нимъ лицо и, глядя пристально на Марью Григорьевну, отвѣтилъ:

— Да, старый долгъ! Я говорилъ, что мама получила старый долгъ и мнѣ дала на книги, а я ихъ проигралъ... Вотъ и все!..

— Такъ!—сказалъ директоръ,—на книги, а ты проигралъ... Очень хорошо! Ты это повторяешь при своей матери и при этомъ такъ прямо смотришь ей въ глаза. Такъ лгать нельзя! И это меня радуетъ... Остается только, чтобъ Марья Григорьевна подтвердила это. Ей я не могу не повѣрить. Если она скажетъ; да, это такъ было—ты будешь чистъ... Да, ты будешь чистъ!..

Сережа еще пристальнѣе, еще упорнѣе глядѣлъ на мать. А она больше не могла выдержать. То страшное усиліе, которое она надъ собой сдѣлала, чтобы удержать слезы, больше не могло служить ей. Горе оказалось сильнѣе его. Она замигала вѣ-

ками, и глаза ея наполнились слезами. А между тѣмъ отъ нея ждали отвѣта—и директоръ, и Сережа—съ одинаковымъ нетерпѣніемъ.

Она поднесла платокъ къ глазамъ и закрыла имъ лицо.

— Я не могу... Не могу говорить... Это... это свыше моихъ силъ,—произнесла она сквозь слезы совершенно надорваннымъ голосомъ.

— Но вы успокойтесь... Вы успокойтесь, Марья Григорьевна, — говорилъ директоръ.—Надо владѣть собой... Вы знаете, что отъ этого зависитъ многое въ жизни Сережи...

— Я не знаю, мама... что вамъ стоитъ сказать... какъ было, — промолвилъ съ своей стороны Сережа, но уже не глядѣлъ на нее, а куда-то выше ея головы.

— Ахъ! Да вѣдь не знаю-же я, какъ было... Не знаю, не знаю, не знаю,—какимъ-то, какъ бы невольно вырвавшимся изъ груди, голосомъ воскликнула Марья Григорьевна.—Чего отъ меня хотятъ? За что это? За что?

— Вы не знаете, мама? Такъ, значитъ, вы не знаете?—опять гипнотизирующимъ голосомъ спросилъ Сережа.

— Нѣтъ, Сережа...

— Значитъ, вы не давали мнѣ денегъ?

— Сережа! Не надо такъ... Не надо... Михаилъ Родіонычъ... Вы-же сами ска-

зали, что натура у него хорошая... Ну, это съ нимъ случилось несчастье... Онъ одумается... Онъ... онъ исправится... Не губите его, Михаилъ Родіонычъ... Ради памяти вашего друга... Михаилъ Родіонычъ...

Сережа пошатнулся и ухватился за подоконникъ. Лицо его сдѣлалось блѣднымъ, а взоръ блуждалъ. Онъ понялъ, что все уже погибло, и у него даже прошла бѣшеная злоба, которая еще нѣсколько минутъ передъ тѣмъ наполняла его грудь.

— Нѣтъ ужъ...—какимъ-то прерывающимся голосомъ сказалъ онъ.—Нѣтъ ужъ... Вы, пожалуйста не просите... Ничего не надо... Мнѣ рѣшительно ничего не надо... Пожалуйста... Все-равно, если и оставятъ въ гимназіи, я самъ не останусь... Я не хочу, чтобы всѣ на меня показывали пальцемъ, чтобы всякій негодяй имѣлъ право сказать: „онъ... онъ укралъ...“ Мнѣ больше ничего не нужно...

И онъ нетвердой, шатающейся поступью вышелъ вонъ изъ комнаты.

Марья Григорьевна съ невыразимой тревогой поднялась съ своего мѣста.

— Останьтесь... Успокойтесь, Марья Григорьевна! Давайте думать... Что-нибудь придумаемъ,—сказалъ директоръ.

— Нѣтъ... Я боюсь... Онъ что нибудь надъ собой сдѣлаетъ... Онъ способенъ...

Она вся дрожала и рвалась туда, за нимъ.

Директоръ говорилъ ей, что это все пустое, что ничего онъ надъ собой не сдѣлаетъ, но она не слушала.

— Ну, погодите-же... Надо-же вамъ унести съ собой хоть что нибудь утѣшительное,—сказалъ онъ, насильно удерживая ее за руку.—Послѣ этого онъ, конечно, у насъ въ гимназіи не можетъ оставаться. Онъ правъ: если-бы даже оставили его, ему было-бы невыносимо. Товарищи затравили-бы его, въ особенности потому, что онъ не сдержанъ и грубъ со всѣми... Но мы устроимъ все какъ можно снисходительнѣй. Губить его мы не будемъ. Потомъ можно будетъ опредѣлить его въ гимназію въ другомъ городѣ... О средствахъ не безпокойтесь... Старый другъ имѣетъ право оказать маленькую дружескую услугу. Ну, а теперь идите домой и успокойтесь...

Она выбѣжала въ гостиную, потомъ въ переднюю, сбѣжала, какъ могла, съ лѣстницы и тревожными взглядами обвела весь дворъ. Сережи тутъ не было. Она почти бѣгомъ пустилась къ калиткѣ и очутилась на улицѣ. Ея старые глаза были плохи. Она смотрѣла въ обѣ стороны улицы, и передъ ея заплаканными глазами носились какіе-то темные круги. Но вотъ ей показалось, что вдали движется знако-

мая фигура. Она быстро пошла въ томъже направленіи.

Это была вмѣстѣ съ тѣмъ и дорога къ ея квартирѣ.

Но она пришла къ дому, не нагнавъ его. Въ передней она спросила Аксинью:

— Не пришелъ Сережа?

— Пришелъ! Такой злой, какимъ еще никогда не былъ. . Пришелъ это, вошелъ въ свою комнату и, ни съ того, ни съ сего, схватилъ стулъ, поднялъ его, да со всего размаху объ полъ хвать! Стулъ такъ въ дребезги и разлетѣлся...

— О, Господи! — воскликнула Марья Григорьевна.

— Да ужъ, именно! Просто понять невозможно, что съ нимъ дѣлается? Я, было, сунулась туда... Смотрю: сидитъ на кровати, пальцы въ волосы запустилъ и глядитъ, какъ волкъ... Я тогда поджала хвостъ да въ кухню... Ну тебя, думаю! Жизнь-то и мнѣ дорога, даромъ что кухарка я только всего... Охъ, барыня, милая!.. Жалко мнѣ васъ... Просто сердце разрывается, глядючи, какъ вы мучаетесь...

Но Марья Григорьевна уже не слушала ее, а поспѣшно прошла.

„Слава Богу,—думала она,—что онъ хотя домой пошелъ, а не въ другое мѣсто. Можетъ быть, Богъ поможетъ мнѣ смягчить его сердце“.

И она такъ этому радовалась, какъ будто горе уже все смыло какой-то невидимой благодѣтельной волной.

Она осторожно, какъ-бы боясь разбудить кого-нибудь, поставила въ уголъ зонтикъ и сняла свою накидку. Она не рѣшилась сразу войти къ нему, а сѣла на диванъ и довольно долго просидѣла такъ.

Онъ теперь долженъ быть страшно взволнованъ: пусть это у него уляжется. Теперь онъ еще не можетъ ничего понять. Онъ перенесъ столько тяжелыхъ ощущеній. Какъ онъ долженъ быть несчастливъ... И какъ хорошо, что онъ не одинокъ, что у него есть мать... Одинокій человѣкъ въ такія минуты неизбѣжно погибаетъ...

Такъ она думала, прислушиваясь къ его дыханію, къ малѣйшему шуму въ его комнатѣ. Но вотъ кровать, на которой онъ сидѣлъ, слегка затрещала, онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, потомъ подошелъ къ двери и остановился на порогѣ. Лицо его было блѣдно и какъ-то перекошено.

— Ну-съ! — сказалъ онъ отвратительнымъ тономъ какой-то насмѣшливой почтительности.—Я долженъ поблагодарить васъ... Вы сдѣлали все, чтобы спасти меня, какъ обѣщали... Вы отлично это сдѣлали!.. Ха-ха-ха! Отлично!..

Она подняла на него глаза и тихо промолвила:

— Сережа!

— Да,—продолжалъ онъ, — только для этого не стоило ходить къ директору... Ну, что-жъ, теперь вы можете называть меня воромъ... Сколько угодно! Можете бранить, упрекать, проклинать...

Она молча отрицательно покачала головой. Онъ пожалъ плечами.

— Что-жъ вы молчите? Тогда, у директора, говорили, а теперь вдругъ замолчали!.. Странно!...

Говоря это, онъ не глядѣлъ на нее. Взглядъ его блуждалъ по комнатѣ, перебѣгая съ одного предмета на другой. Но самъ онъ, какъ-то случайно, мелькомъ взглянулъ на нее, и его поразило ея лицо. Блѣдное, исхудалое, оно выражало тихую муку, а въ глазахъ ея не было ни тѣни упрека, негодованія, обиды. Глаза эти смотрѣли на него съ мольбой и выразительно, точно невысказанными словами просили у него чего-то. Онъ на мгновеніе потупился, но потомъ опять поднялъ на нее глаза, уже невольно, не будучи въ силахъ противостоять этому влеченію. И ему показалось, что онъ еще никогда не видалъ этого лица. И правда, вѣдь онъ всегда избѣгалъ долгихъ разговоровъ съ матерью, говорилъ съ нею кратко, отрывочно, стараясь не глядѣть на нее, большею частью отвѣчая на ея вопросы изъ другой комнаты, потому что терпѣть не могъ слезъ,

вздоховъ и упрековъ, хотя-бы и нѣжныхъ, и исполненныхъ любви.

Почему-же она молчитъ, а не упрекаетъ его, не говоритъ о напрасно потраченныхъ на него трудахъ, объ опозоренномъ имени, почему она не негодуетъ, не проклинаетъ? О, она знаетъ, что своимъ молчаніемъ доставляетъ ему наибольшую муку и потому молчитъ. Она наказываетъ его.

Онъ чувствуетъ какую-то неловкость и говоритъ, какъ-бы стараясь заглушить это чувство;

— Да скажите-же что-нибудь!.. Ну, вотъ, опять слезы! Опять слезы!.. Боже мой! Ужъ лучше-бы проклинали...

— Сережа! Сереженька!—съ тихой мольбой произнесла она и поднялась съ дивана.

Онъ все смотрѣлъ на нее, и то новое, что онъ увидѣлъ въ ея лицѣ, раскрывалось передъ нимъ все шире и шире. Въ этомъ лицѣ, вмѣсто укоровъ и проклятій, свѣтилась одна безконечная любовь. И вдругъ какое-то странное, никогда еще не испытанное имъ или забытое чувство теплой струей проникло ему въ сердце. А она подошла къ нему близко-близко, взяла его обѣ руки своими горячими, дрожащими руками и приблизила къ своей груди. Онъ ощущалъ біеніе ея сердца. Но вотъ она выпустила его руки, порывисто охватила его всего и крѣпко стиснула въ сво-

ихъ объятіяхъ. Изъ груди ея вмѣстѣ съ частымъ, прерывистымъ дыханіемъ вылетѣли слова:

— Мой милый мальчикъ!.. Ты одинъ у меня! Одна надежда, одно утѣшеніе! Нѣтъ! нѣтъ! Ты—не воръ! Сереженька, ты не воръ! Это какъ-нибудь... нечаянно!.. Это—несчастье! Ты забылся, на тебя нашло!.. Тебя испортили, ты огрубѣлъ... Но сердце... сердце у тебя, Сереженька, славное... У тебя честное сердце... Мы отдадимъ эти деньги... Сережа... Сереженька мой!..

Она обхватила его голову обѣими руками и заглянула ему въ лицо, и вдругъ лицо ея освѣтилось какимъ-то невыразимымъ торжествомъ. Она замѣтила на глазахъ его слезы, а на дрожащихъ губахъ, вмѣсто прежней грубой, суровопрезрительной складки, съ которой онъ отвѣчалъ на всѣ ея вопросы, выраженіе почти дѣтской мягкости и какой-то покорности.

— Сереженька... Мой мальчикъ! — восторженно говорила она съ улыбкой, которая сіяла сквозь слезы, и цѣловала его руки.

— Мама! Что-же это? Что-же это такое? Мама! Мамочка!..

Онъ весь задрожалъ, и слезы потокомъ хлынули изъ его глазъ. Онъ наклонился и прижалъ ея руку съ своимъ губамъ. Рыданія душили его, но онъ не старался

ихъ сдерживать и рыдалъ на ея груди громко, какъ ребенокъ.

Онъ шатался, потому что у него кружилась голова. Новое чувство, нѣжное, теплое, трогательное, восторженное, переполнило его грудь. Ему показалось, что онъ его ощущаетъ, какъ что-то явственно наростающее въ его сердцѣ, какъ что-то сильное и могучее. Марья Григорьевна заботливо усадила его въ кресло и, опустившись на колѣни, стояла передъ нимъ и поддерживала его голову.

Мало-по-малу рыданія затихли, но онъ не выпускалъ ея рукъ и все цѣловалъ ихъ.

— Что-же это я съ тобой сдѣлалъ? Что я дѣлаю съ тобой всегда, всѣ послѣдніе годы?—вдругъ проговорилъ онъ, поднявъ голову.

Онъ какъ-то, незамѣтно для себя самого, началъ говорить ей „ты", и это его не удивляло, не поражало. Онъ иначе уже не могъ называть ее.

— Ничего, ничего дурного, Сережа,— отвѣчала она, — все прошло, ничего изъ того не осталось! Ахъ, я говорила, я говорила, что у тебя чудное сердце!..

— Да... Когда подумаю... Какъ это могло быть? — началъ онъ, какъ-бы разсуждая самъ съ собой. — Какъ я могъ вести себя такимъ негодяемъ по отношенію къ тебѣ, мама?.. Какъ, и не понимаю этого?.. Это

оттого, что я никогда не смотрѣлъ тебѣ въ глаза... Я не могъ смотрѣть, потому что былъ не правъ!.. Постой!.. Но вѣдь и погубилъ все... Это послѣднее... Послѣдняя гадость... Ужъ меня, должно быть, выгнали изъ гимназіи... Неужели это непоправимо? Неужели?.. А я такъ хочу теперь, такъ жажду учиться, чтобы поскорѣе умѣть работать и освободить тебя отъ трудовъ .. Да, чтобы ты ничего не дѣлала, а все отдыхала, отдыхала отъ жизни этой, отъ моихъ оскорбленій, отъ горя, какое я тебѣ причинилъ...

— О, я уже отдохнула!.. Одна эта минута исцѣлила всѣ мои раны!..

Онъ всталъ и съ какой-то невѣроятной энергіей прошелся по комнатѣ.

— Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы директоръ, увидавъ меня такимъ, какъ я теперь, какимъ я себя чувствую, совсѣмъ другимъ, совсѣмъ новымъ,—не повѣрилъ мнѣ, чтобъ всѣ они мнѣ не повѣрили!.. Мама, я побѣгу къ нему сейчасъ... Я ему скажу... Я ему скажу, что онъ повѣритъ!..

— Постой, Сережа!.. Ты меня прости, голубчикъ... Но... можетъ быть, лучше въ другую гимназію, въ другой городъ... Ты знаешь, товарищи всѣ не могутъ понять...

— Что они будутъ на меня коситься и давать мнѣ обидное прозванье? О, это мнѣ все-равно! Теперь, мама, для меня ничто не важно, кромѣ одного: успокоить тебя.

научиться вмѣсто тебя работать!.. И я ихъ заставлю уважать себя... Они увидятъ, что я уже не тотъ. Нѣтъ, мама, ты позволь мнѣ это... Я побѣгу къ Михаилу Родіонычу. Я не могу... Я долженъ это сдѣлать...

— Иди, Сережа, иди! Ты теперь такъ хорошо думаешь и говоришь... Иди!

— Ну, вотъ! Спасибо!.. Ахъ, какъ мнѣ теперь весело, какъ хорошо на душѣ!

Онъ поцѣловалъ ея руку, схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ комнаты.

Тотчасъ послѣ его ухода, вошла Аксинья—вся радостная, улыбающаяся.

— Барыня! Голубушка! Я слышала, и сердце мое такъ и растопилось! Такъ и разошлось!—промолвила она.—Услышалъ-таки Господь! Онъ всегда услышитъ... Охъ, Господи! Какъ хорошо!

— Да, Аксиньюшка, хорошо! Ты знаешь, мнѣ какъ будто Богъ послалъ другого сына! Какіе у него добрые глаза! Сколько въ нихъ любви! Знаешь, это хорошо, что онъ заплакалъ! Онъ никогда не плакалъ... Оттого и сердце у него было черствое. Слезы размягчаютъ сердце, Аксинья...

Она пошла въ свою комнату, стала на колѣни передъ образомъ Богоматери и долго-долго съ безконечной благодарностью смотрѣла на нее.

Сережа, между тѣмъ, торопливо шелъ

по улицѣ, не замѣчая ничего, что попадалось ему на дорогѣ. Въ нѣсколько минутъ онъ уже былъ около гимназіи.

Привратникъ, замѣтившій, что они довольно долго оставались у директора, пришелъ къ заключенію, что это—„что-то особенное", и на этотъ разъ не чинилъ ему препятствій.

Онъ подошелъ къ подъѣзду и позвонилъ. Сердце у него билось сильно, но въ немъ не было ничего тяжелаго, ничего мучительнаго. Онъ чувствовалъ, что несетъ это сердце открытымъ къ директору, и вѣрилъ, что директоръ увидитъ все, что тамъ происходитъ, и пойметъ его.

Опять вышла горничная, съ удивленіемъ посмотрѣла на него и была еще больше удивлена, когда этотъ господинъ, часъ тому назадъ рычавшій на нее звѣремъ и глазами метавшій молніи, промолвилъ чрезвычайно мягкимъ, просительнымъ голосомъ:

— Будьте такъ добры... Пожалуйста, доложите Михаилу Родіоновичу, что я убѣдительно прошу его принять меня на минуту... Скажите, что очень, очень важное дѣло, гораздо̀ важнѣе того... Скажите: гимназистъ Надеждинъ...

Горничная ушла и на этотъ разъ уже безъ всякихъ колебаній рѣшилась доложить.

— Надеждинъ?—спросилъ директоръ.—

Одинъ? Это странно!.. Съ важнымъ дѣломъ? Ну, что-же, зови его...

„Что-нибудь съ Марьей Григорьевной“! — подумалъ онъ, когда горничная ушла.—„Охъ, онъ ее доконаетъ, этотъ негодяй“.

Вошелъ Сережа и остановился неподалеку отъ двери. Онъ смотрѣлъ на директора нерѣшительно и ждалъ вопроса.

— Ну, что-же ты еще скажешь, Надеждинъ? — довольно сурово спросилъ директоръ.

— Михаилъ Родіонычъ?.. Я прошу васъ... Забудьте то, что я говорилъ!—промолвилъ Сережа, запинаясь.

— Ага! Забудьте!—съ своей обычной манерой повторилъ директоръ.—Ну, хорошо, я забылъ, какой-же изъ этого будетъ толкъ?

— Позвольте мнѣ сѣсть, Михаилъ Родіонычъ... У меня ноги подкашиваются...

— Но садись, пожалуйста!.. Однако, что съ тобой? Ты совсѣмъ особенный какой-то... Твоя мать здорова?

— О, она здорова! Она теперь будетъ здорова! Я понялъ все, Михаилъ Родіонычъ...

— Ага! Но что-же ты понялъ?

— Что я былъ негодяемъ, что я мучилъ, оскорблялъ, терзалъ... Я былъ страшнымъ негодяемъ... Я не знаю... Я какъ-то вдругъ

это понялъ... Взглянулъ ей въ лицо и... понялъ...

И у него на глазахъ навернулись слезы.

Директоръ смотрѣлъ на него внимательно, какъ-бы стараясь разглядѣть, искренно-ли все это. Его нерѣдко обманывали жалкими словами. Но Сережу онъ зналъ и никогда еще не видалъ его такимъ. Да и его крайнее волненіе отгоняло всѣ сомнѣнія.

— Гм... Это возможно!.. Я очень, очень радъ и за тебя, и за Марью Григорьевну, и за память твоего отца. Очень радъ, Сережа, что это, наконецъ, такъ случилось... Давно пора! У тебя золотая мать! Ну хорошо... Какъ-же быть? Это ужасное обстоятельство...

— Михаилъ Родіонычъ, мы отдадимъ эти деньги!

— Деньги? Деньги, милый мой, я уже отдалъ... Я самъ отдалъ въ ту минуту, какъ выяснилось, что это ты сдѣлалъ, я ихъ отдалъ. Я не могу, чтобы это лежало на имени твоего отца...

— Благодарю васъ!.. Мы вамъ возвратимъ, Михаилъ Родіонычъ!

— Ну, дуракъ! Очень мнѣ это важно!— добродушно сказалъ директоръ. — Не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что совѣтъ не захочетъ оставить тебя въ гимназіи... Вотъ въ чемъ дѣло!..

— Михаилъ Родіонычъ, пусть меня накажутъ самымъ жестокимъ наказаніемъ... Пусть меня высѣкутъ, если нужно... Я перенесу! Но дайте мнѣ возможность учиться... Я хочу работать для матери!..

— Это хорошо... Это очень меня радуетъ, но... боюсь, боюсь, что совѣтъ не захочетъ...

Сережа сидѣлъ убитый, подавленный, почти въ отчаяніи.

— Неужели? Неужели это не удастся теперь, когда я понялъ?—тихо говорилъ онъ.

Директоръ въ волненіи ходилъ по кабинету и что-то обдумывалъ. Но вотъ онъ остановился передъ Сережей.

— Послушай, Надеждинъ! Ради твоей матери, я возьму тебя на свою отвѣтственность... Я скажу это совѣту... Я еще никогда не прибѣгалъ къ такому воздѣйствію... Это первый случай... Понимаешь ты? На мою личную отвѣтственность! Но смотри, Сережа, если ты меня обманешь, ты заставишь старика сыграть жалкую роль!..

Сережа всталъ.

— Неужели вы теперь можете сомнѣваться? Неужели вы не видите?—со слезами въ голосѣ проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, я вижу, вижу... Надо только, чтобы это было глубоко и серьезно...

— Да, это глубоко, Михаилъ Родіонычъ!

— Ну, ладно, ступай! Утѣшь свою мать. Пусть она знаетъ, что ради нея я ни въ чемъ тебѣ не могу отказать. Ступай...

Онъ подалъ Сережѣ руку, чего никогда не дѣлалъ съ гимназистами. Сережа поклонился и вышелъ.

Ужъ теперь онъ не шелъ, о просто бѣжалъ по улицѣ. Онъ добѣжалъ до маленькаго домика, влетѣлъ въ квартиру и, задыхаясь, упалъ въ объятія Марьи Григорьевны.

— Мама, все устроилось! Я въ гимназіи... Это ради тебя, такъ сказалъ Михаилъ Родіонычъ... Онъ понялъ, мама, понялъ!..

Въ маленькой квартиркѣ, выходившей окнами въ шумный переулокъ, въ этотъ день былъ великій праздникъ. Аксинья принимала въ семейной радости живѣйшее участіе. Марья Григорьевна сходила къ некрасивой родственницѣ, которую утромъ оскорбилъ Сережа, и объяснила ей все. Та тоже „поняла“, пришла къ нимъ и простила Сережу.

Директоръ скоро убѣдился, что Сережа не обманулъ его, да и всѣ убѣдились въ этомъ.

Сережа догналъ своихъ товарищей и пошелъ быстро впередъ.

Даже суровый инспекторъ, не признававшій въ немъ никакихъ достоинствъ, примирился съ нимъ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ВЫБОРЫ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ВЫБОРЫ.

(Очеркъ).

Село Заброшенное молчаливо повиновалось своему избраннику Климентію Верзилѣ, несмотря на то, что партія недовольныхъ съ каждымъ днемъ росла неимовѣрно. Разочарованіе наступило, впрочемъ, уже черезъ два мѣсяца послѣ избранія, такъ какъ и въ это короткое время голова достаточно доказалъ свою административную неспособность. Климентій Верзило былъ мужикъ зажиточный и почтенный. Самою высшею его добродѣтелью была безконечная сердечная доброта: извѣстно было за достовѣрное, что онъ мухи не обидитъ. Потому его всѣ любили и, что всего удивительнѣе, любили и теперь, когда его управленіе создало такъ много недовольныхъ. Правда, что въ головы онъ не

годился. Онъ былъ слишкомъ мягокъ и добръ, онъ не умѣлъ даже прикрикнуть хорошенько, не говоря уже о томъ, что объ употребленіи кулака онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Во все продолженіе его президентства „холодная“ почти стояла пуста,—этотъ фактъ достаточно краснорѣчиво говоритъ самъ за себя, чтобы его нужно было комментировать. Явленіе это представлялось заброшенскимъ обывателямъ до того ненормальнымъ, что одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ консерваторовъ, побивъ свою супругу въ пьяномъ видѣ и не дождавшись за это законной кары, самъ сѣлъ въ „холодную“ и отсидѣлъ тамъ цѣлую ночь. Верзило былъ „слабъ“, — въ этомъ были всѣ согласны, хотя съ другой стороны у него были и достоинства, которыя можно найти далеко не во всякомъ головѣ. Такъ, напримѣръ, ни одинъ еще голова въ день своего избранія не предоставлялъ громадѣ такого блестящаго угощенія, какъ Климентій Верзило. Мало того: подобное празднество повторялось каждый годъ въ годовщину избранія, и этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется то обстоятельство, что, несмотря на полную, повидимому, популярность, Климентій Верзило имѣлъ все-таки болѣе или менѣе значительное число приверженцевъ. Можетъ быть, здѣсь не малую роль игралъ также блестящій фейерверкъ, который Вер-

зило ко дню годовщины выписывалъ изъ губернскаго города и который затѣмъ торжественно сожигался среди ставка деревенскими парнями, съѣхавшимися туда на множествѣ „дубковъ“ и „душегубокъ“.

Наконецъ, и самая наружность Верзилы давала ему возможность дѣлать честь всякому учрежденію, избравшему его своимъ представителемъ. Громадный ростъ, высокія плечи, каріе умные глаза, орлиный носъ и густая круглая борода, на половину состоявшая изъ сѣдинъ...

Такого голову не стыдно хоть куда показать, не стыдно снять передъ нимъ шапку и поклониться, не стыдно и даже лестно быть потрепаннымъ отъ его руки „за чуприну“. Къ сожалѣнію, Верзило, по добротѣ своей, никому еще изъ заброшенскихъ обывателей не предоставилъ этой чести. Во всякомъ случаѣ партія недовольныхъ была значительно сильнѣе, такъ что было почти уже рѣшеннымъ дѣломъ, что Клементію Верзилѣ не быть головой.

Дѣло естественное, что надо было имѣть въ виду другого кандидата, и таковой явился въ лицѣ Ѳедота Крынки, извѣстнаго въ селѣ подъ именемъ швеця, т. е. портного, хотя онъ на вѣку своемъ не сшилъ ни одной пары шароваръ и не держалъ въ рукахъ иголки, кромѣ развѣ цыганской, которой зашивалъ мѣшки. Портняжествомъ же занимался его прадѣдъ,

который и оставилъ ему въ наслѣдство свое прозваніе.

Ѳедотъ Крынка былъ человѣкъ совсѣмъ особаго рода, и именно такого рода, что съ перваго раза его кандидатура казалась странной, невѣроятной, почти невозможной. Это былъ человѣкъ почти низкаго роста, съ рѣденькой клинообразной бородой, рябоватымъ, курносымъ лицомъ и съ вѣчно красными глазами. Онъ былъ плечистъ и широкъ, но, обладая чрезвычайно тонкими ногами, походку имѣлъ „куриную", вслѣдствіе чего на ходу былъ очень смѣшенъ. Одѣвался онъ всегда небрежно и грязновато, хотя имѣлъ полную возможность одѣваться иначе. Онъ, правда, не выдавался хозяйствомъ изъ ряда среднихъ мужиковъ, но не былъ и бѣднякомъ. Любилъ выпить Ѳедотъ Крынка и въ пьяномъ видѣ былъ буенъ. Всѣ эти недостатки, однако, не мѣшали ему стоять во главѣ большинства и конкурировать съ почтеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ Климентіемъ Верзилой. И, что всего интереснѣе, самъ Крынка во все время избирательной борьбы не промолвилъ ни одного слова о своей кандидатурѣ, а за него и безъ его вѣдома работали его приверженцы.

Ѳедотъ Крынка имѣлъ не много достоинствъ, но эти достоинства деревня весьма цѣнила. Первое и самое главное— онъ умѣлъ сказать „умное слово". Онъ

вовсе не былъ краснорѣчивъ, и его „умное слово“ состояло всегда не больше, какъ изъ двухъ-трехъ словъ, согласованныхъ грубо, просто, по-мужичьи. Но зато, какъ скажетъ Крынка эти два-три слова, такъ и перерѣшитъ весь сходъ. На сходѣ онъ обыкновенно молчитъ, и только когда уже примутъ окончательное рѣшеніе, онъ выступитъ на середину двора и скажетъ: „а я такъ вотъ какъ это дѣло понимаю!“ и тутъ-же окажется, что Ѳедотъ понимаетъ это дѣло настоящимъ образомъ. Мужики только головами покачиваютъ: „Ну Ѳедотъ! Сто головъ одинъ передумалъ“. Климентія Верзилу не долюбливалъ Ѳедотъ: „что онъ за голова, когда его становой ни разу не распекалъ?! а все потому, что онъ дѣлаетъ не по-мужицки, а по-стanовoвски!“ Въ періодъ агитаціи онъ какъ разъ запилъ и почти безвыходно сидѣлъ въ кабакѣ. Зато Климентій Верзило не дремалъ. Здѣсь надо упомянуть объ одной слабости заброшенскаго головы, слабости, впрочемъ. присущей всѣмъ великимъ людямъ. Онъ любилъ славу. Голова, что тамъ ни говори, есть во всякомъ случаѣ первый человѣкъ въ деревнѣ. Не быть головой — это еще не большая бѣда, не могутъ-же всѣ быть головами. Но, побывавши головой, вдругъ обратиться въ обыкновеннаго мужика—это для Верзилы была-бы кровная обида. О, онъ искренно жалѣлъ о сво-

емъ добросердечіи, онъ готовъ на будущее время сдѣлаться строгимъ карателемъ, готовъ даже пускать въ дѣло свой кулакъ, если это можетъ послужить общественному благоустройству. Ему страшно хочется удержать за собой немаловажный постъ, такъ хочется, что онъ готовъ отдать за это половину своихъ достатковъ. Поэтому въ обширномъ дворѣ Климентія Верзилы водка не истощается въ продолженіе вотъ уже двухъ дней; пьетъ всякій захожій безъ разбору, пьетъ всякій, кому хочется выпить, и даже тотъ, кому вовсе не хочется, проходя мимо веселаго двора Верзилы, не можетъ удержаться, чтобъ не зайти и не выпить. Было совершенно немыслимо оказывать предпочтеніе однимъ передъ другими, потому что въ селѣ Заброшенномъ практиковалась безусловно всеобщая подача голосовъ. Избирательнымъ цензомъ служило ни больше, ни меньше, какъ обладаніе человѣческой душой, въ существованіи которой ни одинъ изъ заброшенскихъ обывателей не сомнѣвался. Былъ даже такой случай, что одинъ мужикъ, съ роду и въ ротъ небравшій водки, съ этого дня сдѣлался горькимъ пьяницей. „Понравилось!“ объяснялъ онъ потомъ эту перемѣну. Зато ужъ онъ былъ самымъ рьянымъ и неизмѣннымъ приверженцемъ Климентія Верзилы.

Итакъ, агитація была въ самомъ разга-

рѣ. Климентій Верзило уже былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ, такъ какъ ему удалось перепоить всю деревню; больше всѣхъ пилъ у него Ѳедотъ Крынка, съ которымъ Верзило имѣлъ даже особый разговоръ.

— Ага! И ты, швецъ, пожаловалъ! встрѣтилъ его Верзило.

— Пожаловалъ! отвѣчалъ Ѳедотъ, уже изрядно пошатываясь.

— Такъ ты за меня, что-ли?

— Ну, нѣтъ, братъ, я за себя! серьезно отвѣчалъ Ѳедотъ, — я, братъ, всегда за себя стою!

— И тебѣ-ли съ пьяной головой въ головы лѣзть? злобствовалъ Климентій Верзило. И затѣмъ обратился къ своимъ завѣдомымъ приверженцамъ: — И смѣшно мнѣ, и досадно, что этакій соплякъ, пьянюга—мой соперникъ! Хотя-бы выставили что-нибудь порядочное! Не стыдно было-бы помѣриться!

Крынка молчалъ и пилъ.

Между тѣмъ приверженцы Верзилы ходили по деревнѣ и, останавливаясь у заваленокъ, гдѣ кучками сидѣли мужики, говорили рѣчи, приблизительно въ такомъ родѣ: „ну, что, панове казаки! лучшаго головы, какъ Верзило, и во-вѣки не найти намъ! Мужикъ онъ степенный, уважаемый и непьющій. А этотъ паршивецъ-пьянчужка, швецъ, куда-же онъ годится? Развѣ

для того, чтобъ громадѣ было чего стыдиться? Такъ тогда еще лучше выбрать въ головы Степку-дурнаго, что своихъ пяти пальцевъ сосчитать не умѣетъ! Пожалѣете, громада, помяните мое слово". Какъ видите, средства для борьбы употреблялись самыя крайнія, агитація велась почти по-американски. Слушатели обыкновенно отвѣчали: „и безъ тебя знаемъ, что дѣлать! Чего учить вздумалъ? Есть и постарше тебя!"

— А Верзилову водку небось пьете? кололъ тогда ораторъ.

— Ну, такъ Верзилову-же, а не твою, такъ ты и проваливай ко всѣмъ чертямъ.

Очевидно, оратору оставалось только уйти.

Что-же касается приверженцевъ Крынки, то они держались нѣсколько иной политаки. Они не только останавливались передъ заваленками, но и садились на нихъ рядомъ съ мужиками; уже одно это дѣлало какъ-то ихъ больше своими.

— Хе, хе! А Верзило-то нашъ водку разливаетъ! Ахъ, и хочется-же ему остаться головой!

При этомъ они безпощадно смѣялись надъ Верзилой и своимъ смѣхомъ заражали другихъ. Приведя, такимъ образомъ, всѣхъ въ веселое настроеніе, они легко уже завладѣвали симпатіями и голосами. Немедленно, они какъ-бы невзначай про-

водили параллель между старымъ головой и новымъ кандидатомъ. Оказывалось, что Крынка все молчитъ, да на усъ мотаетъ и даже къ Верзилѣ во дворъ пошелъ собственно съ той цѣлью, чтобъ кое-что намотать на усъ. Оказалось даже, что у него водится въ головѣ „какая-то мысль“ и что, того и жди, онъ выкинетъ пречудесную штуку. Все это было, разумѣется, очень неопредѣленно, тѣмъ не менѣе набрасывало на Крынку нѣкоторую тѣнь геройства. Важно было также то, что крынковцы ни слова не говорили о выборахъ, какъ-будто совсѣмъ о нихъ и не думали. Вообще здѣсь была пущена въ ходъ самая тонкая дипломатія.

Какъ-бы то ни было, а день выборовъ наступилъ. Это былъ обыкновенный зимній день съ небольшимъ морозцемъ и съ мелкимъ снѣжкомъ. Избиратели нарядились въ овечьи кожухи и собрались у расправы. Оба кандидата отсутствовали. Ѳедотъ Крынка спокойно пребывалъ въ кабакѣ, а Климентій Верзило сидѣлъ дома. Онъ тщательно убиралъ со двора всѣ слѣды избирательной агитаціи: длинныя скамьи, на которыхъ возсѣдали потчеванные имъ избиратели, боченокъ съ водкой, стаканчики и закуску; малѣйшіе слѣды агитаціи были тщательно скрыты въ виду того, что къ выборамъ ожидалось нѣкоторое лицо, которое, естественно, должно

было остановиться у него, Верзилы, какъ должностного лица. Это-же обстоятельство повліяло, быть можетъ, и на то, что въ домѣ головы господствовали небывалый порядокъ и чистота. Съ утра глиняный полъ былъ заново вымазанъ, такъ что въ комнатѣ стоялъ не совсѣмъ пріятный запахъ состава, употребляемаго съ этою цѣлью. Не забыли вымазать также и печь, причемъ на бѣломъ фонѣ при помощи синьки были выведены настоящія чудеса, искусно составленныя изъ прямыхъ и кривыхъ линій, крестиковъ, маленькихъ окружностей, треугольниковъ и другихъ геометрическихъ фигуръ. Большой дубовый столъ былъ накрытъ новой полотняной скатертью, по краямъ которой руками Ганны, старшей дочери Верзилы, были вышиты граціозные пѣтухи съ синими ножками;—на широкой тесанной кровати возвышалось неимовѣрное количество подушекъ въ красныхъ наволочкахъ, что уже прямо обозначало, что домъ пользуется несомнѣннымъ благосостояніемъ. Сама хозяйка, успѣвшая еще съ утра сготовить обѣдъ, нарядилась въ праздничное платье изъ темнаго ситцу, повязавъ голову очень искусно темно-синимъ шелковымъ платкомъ, который она держала для особенно торжественныхъ случаевъ и надѣвала въ два года разъ. Она была еще не стара, отличалась плотнымъ сложеніемъ и обладала

еще всѣми признаками той здоровой натуральной красоты, за которую богатый мужикъ Верзило взялъ ее себѣ въ жены. Тутъ же присутствовала и Ганна въ красномъ сарафанѣ, къ которому очень мало шли „городскія ботинки“ на высокихъ каблукахъ. У нея были такія же густыя черныя брови, такія же румяныя полныя щеки, такіе же красивые бѣлые зубы и густая длинная черная коса, какъ у матери. Ганна считалась на селѣ красавицей, но была недоступна для деревенскихъ кавалеровъ. Верзило предопредѣлилъ ее въ городскія мѣщанки, и она терпѣливо ждала жениха, вполнѣ сознавая свое превосходство. Остальныя дѣти въ обыкновенномъ грязномъ видѣ были переселены въ кухню и не принимали никакого участія въ торжествѣ.

Къ полудню послышался звонъ почтоваго колокольчика, и во дворъ Верзилы въѣхала изящная коляска, запряженная тройкой. Верзило съ женой и дочкой выбѣжали на дворъ встрѣчать гостя.—Климентій былъ въ европейскомъ костюмѣ, въ бѣлой некрахмаленной манишкѣ и большихъ, смазанныхъ саломъ сапогахъ, отъ которыхъ онъ, несмотря на свои достатки и очевидное вліяніе цивилизаціи, всетаки никакъ не могъ отказаться. Лицо привѣтливо улыбалось гостепріимнымъ хозяевамъ и хотѣло выпрыгнуть изъ экипажа,

но Верзило быстро подбѣжалъ къ нему и почти стащилъ его оттуда.

— Ну, что, Климентій Прохорычъ? Все-ли готово у васъ? спросило лицо, подавая головѣ свою бѣлую, чрезвычайно изящную руку, съ которой только-что была снята перчатка.

— Все, какъ есть, готово, вашей милости только дожидались! почтительно наклонивъ голову, отвѣчалъ хозяинъ.

— Ну, вотъ, и моя милость пріѣхала! небрежно замѣтило лицо.

Это былъ человѣкъ высокаго роста, стройный, плечистый, съ высокою грудью и станомъ кавалериста. У него былъ смѣлый молодецкій взглядъ, ухарскіе усы, которые онъ умѣлъ такъ граціозно закручивать, что дамы находили возможнымъ влюбляться въ одни только эти усы. Даже самая лысина, которая, впрочемъ, еще только робко обозначалась на его головѣ, придавала ему молодцеватый видъ. Движенія его были ловки, быстры, граціозны, разговоръ всегда занимательный,—словомъ, это былъ по всей справедливости уѣздный левъ, умѣвшій, кстати сказать, при случаѣ удѣлить себѣ львиную часть. Нѣкогда онъ былъ богатъ, потомъ сталъ побѣднѣе, причемъ нашелъ удобнымъ фигурировать въ качествѣ мирового посредника. Теперь-же про него извѣстно было селу, что онъ

„членъ“, хотя никто не зналъ — какого именно общества или учрежденія.

Подъ этимъ именемъ онъ и слылъ, и въ качествѣ „члена“ являлся на крестьянскіе выборы и съ ловкостью бывшаго мирового посредника орудовалъ на нихъ.

Какимъ-то чудомъ въ одну минуту закипѣлъ самоваръ, развернулась на столѣ скатерть самобранная съ свѣжей икоркой, балычкомъ и разными закусками, которыя имѣли счастіе быть фаворитами члена.

Тутъ-же оказалась бутылка хорошаго портвейну, котораго самъ Верзило отродясь не пробовалъ, появился ромъ,—словомъ, были на лицо всѣ данныя для того, чтобы членъ оставался въ прекрасномъ настроеніи духа. Самъ Верзило бѣгалъ и хлопоталъ съ легкостью двадцатилѣтняго юноши, бѣгала и жена его, только Ганна была оставлена безъ дѣла, спеціально для удовольствія гостя. Она дѣйствительно доставляла гостю истинное удовольствіе. Онъ говорилъ ей, что она „краля“, трепалъ ее по розовой щекѣ, измѣрялъ объемъ ея таліи и приводилъ въ порядокъ „намисто“ на ея груди, словомъ, выказывалъ свою заботливость о ней.

— Ну, полно тебѣ хлопотать, Климентій Прохорычъ; садись-ка, поболтаемъ, что тутъ у васъ и какъ!? ласково говорилъ членъ, пріятно облизываясь послѣ хоро-

шей закуски, прекраснаго вина и любезности хозяйской дочки.

— Да какъ-же не хлопотать, Николай Семенычъ? Этакій гость у насъ, да еще рѣдкій гость!

— Ну, полно! какой же я гость! Мы товарищи, сослуживцы! Мы съ тобой на одномъ поприщѣ работаемъ, вмѣстѣ служимъ отечеству!..

— Покорно благодаримъ, поклонился Верзило, — только куда-же намъ съ вами, чтобъ на одномъ этомъ... поприщѣ?! Какъ это можно, Николай Семенычъ!

— На одномъ, братецъ, на одномъ, это я тебѣ вѣрно говорю!.. Ну, садись-ка вотъ здѣсь, Климентій Прохорычъ!

— А ежели, какъ вашей милости угодно, и на одномъ, такъ недолго это осталось намъ быть на этомъ одномъ! тяжело вздохнувъ и махнувъ безнадежно рукой, промолвилъ Климентій Прохорычъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, что кандидатъ отыскался! Не любъ я имъ, громадѣ, хотятъ швеця произвести...

— А-а! Вотъ оно что?! произнесъ членъ, прихлебывая пуншъ.—А кто это такой—швецъ?

— Это его прозваніе. Швецъ онъ по уличному, а по настоящему онъ Крынка, Ѳедотъ Крынка! говорилъ Верзило, стоя на приличномъ разстояніи отъ стола.—А

кто онъ таковъ, то это не мнѣ говорить; скажутъ, по злобѣ наговорилъ, а хорошаго про него, ей-Богу, сказать нечего! Да всякій, кого ни спросите, скажетъ вамъ, что Крынка—пьяница, да онъ и сію минуту въ кабакѣ сидитъ. А лучше всего спросите встрѣчнаго... Эй, ты! Карпо! зайди на часъ въ хату! На часъ! Дѣло есть!

Верзило постучалъ въ окно шедшему мимо мужику съ фляжкой водки въ рукахъ. Карпо былъ однимъ изъ приверженцевъ Верзилы, и послѣдній зналъ это. Онъ былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-двухъ, что, однако, не помѣшало ему имѣть жену и четверыхъ малыхъ ребятъ. Карпо оставилъ въ сѣняхъ фляжку, прикрывъ ее черной барашковой шапкой, и, войдя въ горницу, почтительно остановился у порога.

— Вотъ баринъ желаютъ знать, кто таковъ есть нашъ Крынка! обратился къ нему Верзило.—Скажи по совѣсти, Карпо! Не для меня, а для барина!

Мужикъ улыбнулся и сдѣлалъ такую мину, какъ-будто хотѣлъ сказать: „И нашли о комъ разговаривать, объ Крынкѣ?!“

— Крынка, извѣстно, пьяный человѣкъ и больше ничего, промолвилъ онъ вслухъ; —да и теперь пьяный—дерется въ кабакѣ!

— Странно! какъ-же онъ попалъ въ кандидаты? удивился членъ.

— Хе! Какъ попалъ?! А развѣ мало у меня вороговъ? А они, вороги, чего хотятъ? Вы знаете, чего они хотятъ? Они хотятъ напакостить Климентію Верзилѣ, они готовы-бы свинью поставить въ кандидаты, только чтобы побольше ему было конфузу! Вотъ какъ они!

— Правда, правда! подтвердилъ Карпо, переминаясь съ ноги на ногу у дверей.

— Извѣстно—правда! продолжалъ Верзило,—всякій скажетъ, что это правда. А хотите знать, за что на меня такое зло? Ступай себѣ съ Богомъ, Карпо! Тебѣ, должно быть, недосугъ! обратился онъ къ Карпу. Карпо быстро поклонился и вышелъ.

— А оттого на меня такое зло, что я на нихъ палки жалѣю, что я мало кого въ холодную сажаю; да еще оттого, что вотъ ваша милость, да еще другіе хорошіе господа ко мнѣ расположеніе имѣютъ. Завидно, значитъ. Ну теперь только-бы выбрали! Не будь я Климентій Верзило, если въ одну недѣлю всю деревню не пересажаю въ холодную! Будутъ они вздыхать по верзиловой добротѣ!

— А что, Климентій Прохорычъ! Больно тебѣ хочется остаться головой? спросилъ членъ, вставая изъ-за стола.

— Да какъ сказать вамъ, Николай Семенычъ?!. Не то чтобъ я за этимъ головинствомъ гнался; я, благодаря Бога, и безъ

него всѣмъ доволенъ; корысти отъ него немного, а хлопотъ не оберешься. — Да только конфузъ, Николай Семенычъ,—вотъ что больно! — Верзило не какой нибудь Крынка, про Верзилу всякій скажетъ, что онъ мужикъ, какъ слѣдуетъ, безпорочный мужикъ. Ну, какъ-же? Былъ головой, всякій тебѣ шапку снималъ и вдругъ... сами посудите! Это хоть кому обидно! Вотъ только за этимъ однимъ я и гонюсь! Вотъ и жинка моя—всякій называлъ ее головихой, и дочка тоже... и вдругъ! обидно, Николай Семенычъ, вотъ какъ обидно!..

И Верзило печально понурилъ голову.

— Э, что тамъ!? Не печалься, Климентій Прохорычъ! успокоивалъ членъ Верзилу, подойдя къ нему и положивъ руку на его плечо.—Конечно, голосъ народа—дѣло святое; но авось, какъ-нибудь Богъ поможетъ!

Верзило не поднялъ головы, хотя очень хорошо понималъ, что подъ помощью Божіею слѣдуетъ разумѣть помощь именитаго гостя. Онъ уже торжествовалъ, соображая, что угощеніе принесетъ ему желаемый результатъ.

Близъ расправы между тѣмъ происходило движеніе. Только что пріѣхали депутаты изъ окрестныхъ деревень и хуторовъ, которые причислялись къ заброшенской волости. Агитація прекратилась еще нака-

нунѣ, такъ какъ общее мнѣніе уже до очевидности установилось.

Изъ 48 депутатовъ не больше десятка стояли за Климентія Верзилу, остальные-же безповоротно рѣшили въ пользу Крынки. Депутаты стояли во дворѣ расправы особнякомъ,—между ними и деревенской толпой какъ-то само собой образовалось никѣмъ незанятое пространство, — сейчасъ можно было угадать, что это избранники, хотя ни у одного изъ нихъ не было ни шарфа черезъ плечо, ни какого-либо другого знака депутатскаго достоинства. Это были большею частью солидные люди съ внушительными бородами, съ жирными оттопыренными усами, въ овечьихъ кожухахъ, черныхъ и сѣрыхъ бараньихъ шапкахъ. Стариковъ между ними было всего два-три, остальные принадлежали къ среднему возрасту. Большинство опиралось на толстыя дубинки, съ которыхъ еще не успѣла облѣзть зеленоватая кора. Въ воздухѣ господствовалъ запахъ овечьяго тулупа. Даже бабы, которыя не могли имѣть прямого вліянія на выборы и вышли только для компаніи,—и тѣ нарядились въ кожухи— кто въ свой, а кто въ мужнинъ. Погода вполнѣ благопріятствовала: крѣпкій морозъ смягчался лучами яркаго солнца, мѣрно плывшаго по безоблачному заброшенскому небу. Въ воздухѣ искрились, отражая въ себѣ солнечные лучи, едва замѣтныя снѣж-

ныя песчинки, а вдали радужными цвѣтами играло и переливалось ледяное зеркало ставка; надъ головами избирателей летали стаи воронъ, несказанно обрадовавшихся солнечному дню; словомъ, день былъ прекрасный и сулилъ избирателямъ полную удачу.

— А что, братцы, не пришлось-бы намъ стоять тутъ до поздней ночи, сказалъ кто-то изъ среды депутатовъ:—что-то нашъ голова не показывается!

— Должно-быть, осердился за Крынку! подалъ голосъ приземистый мужикъ въ полушубкѣ, заплатанномъ какъ-разъ посрединѣ спины.

— А можетъ, ему хочется лишній часокъ побыть головой, иронически замѣтилъ сѣдой, какъ лунь, депутатъ, опираясь на толстую, сучковатую палку.

— Членъ у него, сообщилъ кто-то, непринадлежавшій къ числу выборныхъ.

— А-а! Вотъ она причина! А что, братцы, много горилки было выпито вчера у Верзилы? продолжалъ иронизировать все тотъ-же сѣдой депутатъ.

— Много-не-много, а ведеръ шесть слопано! отвѣтилъ парень изъ толпы.

У него до сихъ поръ кружилась голова отъ верзиловскаго угощенія.

— А ты чего скалишь зубы! Тебя кто выбралъ? Небойсь самъ цѣлое ведро слопалъ у Верзилы, а теперь надъ нимъ-же

рыгочешь, злостно замѣтилъ одинъ изъ депутатовъ, приверженецъ Верзилы.

— Го-го-го го! загоготали почти всѣ разомъ, и легко было понять, что этотъ смѣхъ относится къ приверженцу Верзилы.

— А какъ будемъ, панове выборные, ежели нашъ Крынка до завтрева не проспится, или возьметъ и окочурится спьяна-то? Вѣдь онъ и сейчасъ пьянъ — голова-то вашъ, голова! въ свою очередь безпощадно иронизировалъ осмѣянный верзиловецъ.

— Ничего, не бойсь, проспится! Гляди— тебя переживетъ еще! А ежели окочурится, ну... тогда Верзило вашъ займетъ позицію, ужъ такъ и быть.

Опять послышалось гоготанье, и верзиловецъ, очевидно побѣжденный, больше ужъ не подавалъ голосу.

Толпа почтительно разступилась, и къ депутатамъ подошелъ Верзило. Онъ глядѣлъ озабоченно и пасмурно, даже сердито. Онъ даже не взглянулъ въ лицо депутатамъ, а какъ-бы мимоходомъ сказалъ:

— Сейчасъ придетъ! Будьте наготовѣ! и поспѣшно ушелъ въ расправу. Если-бы избиратели знали, какъ въ эту минуту тайно страдалъ бѣдный Верзило, они, не задумываясь, изъ сожалѣнія, единогласно избрали-бы его головой. Самъ Ѳедотъ Крынка, трезвъ-ли онъ, пьянъ-ли—немедленно положилъ-бы ему бѣлый шаръ.

Правда, Верзило смутно надѣялся на членское „авось“, но эта надежда не имѣла никакой болѣе или менѣе твердой почвы; да и самая эта толпа его односельцевъ, собирающихся собственноручно развѣнчать его, своего избранника, и кидающихъ то враждебные, то насмѣшливые взгляды,— она дѣйствовала на его нервы удручающимъ образомъ. Когда-же ему приходило на мысль, что сейчасъ, можетъ быть, онъ перестанетъ быть головой и жена его головихой, а дочка Ганна головиной дочкой, его бросало въ холодный потъ.

Явился и членъ. Выборные сняли шапки и поклонились. Снялъ шапку и членъ и отвѣсилъ имъ довольно низкій поклонъ, изъ чего сейчасъ можно было увидѣть, что онъ въ душѣ демократъ, какъ онъ часто и заявлялъ дамамъ, влюбленнымъ въ его усы, когда онѣ говорили ему: „Ахъ, какое у васъ, должно-быть, жестокое сердце!“

— Ну-съ, господа! Кого-же вы назначаете кандидатами? спросилъ членъ.

Сѣдой мужикъ выступилъ изъ кучки выборныхъ. Ему, повидимому, было поручено говорить за всѣхъ.

— А порѣшили мы громадой, чтобы изъ двухъ, значитъ, выборъ былъ: теперешній голова нашъ—Верзило Климентій и Крынка Ѳедотъ, а по прозванію Швецъ.

— Тэкъ-съ! Ну, Верзилу я знаю. А

какъ-бы это мнѣ съ Крынкой познакомиться?! Его здѣсь нѣтъ?

Членъ, безъ сомнѣнія, сказалъ это не спроста. Онъ зналъ, что Крынка въ это время пьянствовалъ и, по его соображенію, его трудно было отыскать. Выборные смущенно переглянулись. Они также знали, что Крынка пьянъ, и имъ не хотѣлось показывать своего кандидата въ такомъ видѣ.

— Да онъ, ваше высокородіе, не трезвъ! робко заявилъ недавно осмѣянный депутатъ,—и наврядъ его теперь найти...

— Чего наврядъ? А ты пробовалъ искать, продажная твоя душа? Искаріотъ! раздался голосъ изъ толпы, и предъ членомъ вдругъ вынырнулъ самъ Крынка. Онъ былъ одѣтъ, какъ всѣ, шапка немножко набекрень, смотрѣлъ онъ развязно, но на ногахъ держался крѣпко и не шатался.

— Я, ваше высокородіе, и есть этотъ самый Крынка! Онъ говоритъ, что я пьянъ?! Что-жъ, немного есть этого! Только все-жъ таки я трезвѣе его!

Толпа захохотала.

— Ты? удивленно спросилъ членъ, окативъ его взглядомъ съ ногъ до головы, и пожалъ плечами.

— Никто другой, какъ я! твердо отвѣчалъ Крынка, чрезвычайно дерзко глядя прямо въ глаза члену.

— Н-ну! Ладно! Такъ приступимъ же къ дѣлу. Господа выборные, я васъ по-

прошу за мной въ расправу! произнесъ членъ, повернувшись на каблукахъ къ выборнымъ.—Онъ вошелъ въ расправу, а выборные одинъ за другимъ послѣдовали за нимъ.

Заброшенская расправа представляла довольно помѣстительную хату, посрединѣ которой стоялъ продолговатый четыреугольный столъ, накрытый зеленой клеенкой. Вдоль стѣнъ шли лавки, въ углу надъ столомъ помѣщались двѣ иконы, на которыхъ рѣшительно ничего нельзя было разобрать. Неподалеку отъ нихъ на стѣнѣ висѣлъ портретъ Государя. Стоило только выйти въ сѣни и повернуть налѣво, чтобъ натолкнуться на „холодную", которая была не что иное, какъ обыкновенный чуланчикъ съ землянымъ поломъ и съ круглымъ отверстіемъ вмѣсто окна, куда подавались заключеннымъ „хлѣбъ и вода". Черезъ сѣни помѣщалась хата писаря, откуда въ расправу доносился пискъ и плачъ писаревыхъ дѣтей. Въ сѣняхъ поднялся шумъ, такъ-какъ депутаты переполошили писаревыхъ куръ и гусей, имѣвшихъ здѣсь зимнюю резиденцію. Заслышавъ этотъ шумъ, взбунтовался, въ свою очередь, и поросенокъ, сидѣвшій въ „холодной", словомъ, произошло совершенно неожиданное смятеніе.

Выборные размѣстились по лавкамъ. За столомъ возсѣдали — съ одной стороны

членъ, передъ которымъ стояла избирательная урна и сосудъ съ черными и бѣлыми шарами, съ другой—волостной писарь,—тонкій приземистый, бритый мужчина темнаго цвѣта, съ курчавыми волосами, черными зубами и хитрыми маленькими глазками. Передъ нимъ помѣщалась огромная чернильница и цѣлая десть бумаги съ транспарантомъ. Онъ всякій разъ почесывался и кривился, когда въ комнату доносился пискъ дѣтей или крикъ поросенка.

Верзило, какъ старшина, долженъ былъ присутствовать на засѣданіи, но ему было оказано снисхожденіе, въ виду волненія, которое онъ испытывалъ, и разрѣшено было явиться въ концѣ. Засѣданіе открылось рѣчью члена къ выборнымъ. „Господамъ выборнымъ“ были краснорѣчиво объяснены ихъ права и обязанности, а также растолковано значеніе черныхъ и бѣлыхъ шаровъ. Ораторъ не преминулъ также нарисовать передъ слушателями идеалъ головы, который они должны были имѣть въ виду.

При этомъ онъ болѣе всего напиралъ на то, что голова долженъ быть человѣкъ почтенный, уважаемый и не пьяница. Затѣмъ онъ предложилъ начать баллотировку съ Крынки. Выборные поднялись съ мѣстъ своихъ, совершили крестное знаменіе по направленію къ образамъ и стали

подходить къ урнѣ. Бѣлые шары неслышно и даже какъ-будто нѣжно вкатывались въ урну, когда-же подходили къ ней верзиловцы, то на лицахъ ихъ выражалась непритворная злоба, и черные шары стремглавъ летѣли въ урну. Писарь принялся расчеркиваться и что-то записалъ.

— Ну, господа, Ѳедоту Крынкѣ вышло! торжественно заявилъ членъ.—Г. писарь! занесите это въ протоколъ. Большинствомъ 38 противъ 10!

Писарь безжалостно расчеркнулся и занесъ въ протоколъ, что полагается. Депутаты опять сѣли на свои мѣста, откашлялись, высморкались, почесали свои затылки и ждали новаго приглашенія. На тридцати восьми физіономіяхъ выражалось нескрываемое удовольствіе. Нѣкоторые тихонько переговаривались между собою.

— А что это значитъ—„вышло"? Это значитъ—Крынкѣ головой быть? спрашивали нѣкоторые изъ депутатовъ.

— Извѣстное дѣло, значитъ ему головой быть! увѣренно отвѣчали другіе.

— Ну, коли вышло, то и слава Тебѣ Создателю! промолвилъ шопотомъ сѣдой депутатъ, тотъ самый, что говорилъ съ членомъ.—А теперь, братцы, надо и Климентія потѣшить; что-жъ! Пусть будетъ и ему честь!

— Богъ съ нимъ! Потѣшимъ и его! проговорили нѣсколько голосовъ разомъ.—

Ужъ коли Крынкѣ вышло, такъ отчего Верзилу не потѣшить?!

На этотъ разъ выборные подходили съ меньшею торжественностью. Они всѣ, безъ исключенія, брали бѣлые шары и твердо и увѣренно опускали ихъ въ урну.—Затѣмъ они возвращались, садились на лавку и говорили другъ другу, чрезвычайно добродушно улыбаясь:

— Пусть и ему ужъ! Что-жъ! Всетаки онъ мужикъ почтенный!

Членъ переглядывался съ писаремъ, и оба съ трудомъ скрывали на своихъ лицахъ торжествующую улыбку.

— Климентію Верзилѣ вышло единогласно! громко промолвилъ членъ, торжественно поднявшись съ мѣста.

— Господинъ волостной писарь! Занесите въ протоколъ, что крестьянинъ Климентій Верзило выборными отъ разныхъ деревень и хуторовъ Заброшенской волости единогласно выбранъ головой на второе трехлѣтіе. Поздравляю васъ, господа, съ удачнымъ выборомъ.

Депутаты, повидимому, ничего не понимали и стояли, какъ ошеломленные.

— Какъ-же такъ, ваше высокородіе? Крынкѣ *вышло*, а Верзило головой будетъ? спросилъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ.

— Какъ-же вы не понимаете, господа? Вы сами избирали, никто посторонній не вліялъ на васъ. Крынкѣ вышло большин-

ствомъ 38 противъ 10, а Верзило выбранъ единогласно!

— Да кто-же его выбиралъ? недоумѣвали они.

— Да вы-же, вы сами только-что выбрали, чудаки вы этакіе! объяснялъ писарь,— Крынкѣ вы положили 38 бѣлыхъ и 10 черныхъ, а Верзилѣ — всѣ 48 бѣлыхъ. Ну, понимаете?

— Бѣлыхъ!.. Черныхъ!.. 48 бѣлыхъ!.. Что за нечистая сила!? Вы-же сказали, ваше высокородіе, господинъ членъ, что Крынкѣ *вышло*, мы и думали, что Крынка, значитъ, головой будетъ. Ну, думаемъ, коли Крынкѣ вышло быть головой, то Верзилѣ ужъ что ни брось—все едино. Давай, думаемъ, бросимъ ему по бѣлому! А теперь вотъ оно что вышло!.. Истинно, что ежели Богъ захочетъ, то покараетъ...

— Господа! торжественно и оффиціально заявилъ членъ, — баллотировка совершилась при соблюденіи всѣхъ формальностей, указываемыхъ закономъ, и на виду у всѣхъ выборныхъ, поэтому дѣло можно считать законченнымъ. Печать приложена (въ это время писарь быстро приложилъ печать), остается только подписать бумагу.

При этомъ онъ быстрымъ размахомъ пера подписалъ свою фамилію на листѣ, подсунутомъ предупредительнымъ писаремъ. Писарь всталъ и подалъ бумагу депутатамъ.

— Господа! опять торжественно возгласилъ членъ,—вы должны помнить, что баллотировка—дѣло священное. Въ виду этого обстоятельства здѣсь не должно совершаться ни одно отступленіе отъ закона, и всякое нарушеніе его предусмотрѣно законодателемъ въ уложеніи о наказаніяхъ. Въ бумагѣ написана одна только правда, а именно, что Ѳедотъ Крынка получилъ большинство 38 противъ 10, а Климентій Верзило избранъ единогласно. Вѣдь это правда?

— Да такъ оно выходитъ... Богъ ужъ его знаетъ, отчего оно такъ выходитъ! замялись депутаты, причемъ безжалостно почесывали свои затылки.—По закону оно дѣйствительно выходитъ, что и правда. Только... кто-жъ его зналъ?

— Писать? спросили грамотные у неграмотныхъ.

— Да, должно-быть, такъ, что писать, потому — законъ. Имъ лучше извѣстно!.. нерѣшительно отвѣчали неграмотные.

И грамотные расписались. За ними расчеркнулся писарь, и дѣло было кончено. Тѣмъ не менѣе депутаты не хотѣли двинуться съ мѣста и какъ-бы недоумѣвали, наяву это съ ними случилось или во снѣ. Они даже не переговаривались между собой и какъ-бы стыдились взглянуть другъ-другу въ глаза. Въ это время въ расправу вошелъ Верзило. Онъ стоялъ все время

за дверью и слушалъ, поэтому въ настоящую минуту былъ совершенно красенъ отъ удовольствія.

— Ну, проздравляю тебя Климентій Прохоровичъ! промолвилъ членъ, обращаясь къ нему и пожимая его руку. Тоже самое сдѣлалъ и писарь.

— Поздравляемъ и мы васъ, Климентій Прохорычъ! нерѣшительно прогудѣли депутаты и поклонились ему.—Видно ужъ, судьба такая, чтобъ тебѣ непремѣнно головой быть.

— Спасибо, спасибо вамъ, панове выборные, спасибо! съ чувствомъ промолвилъ Верзило и даже поклонился имъ въ поясъ.

Между тѣмъ въ толпѣ избирателей, шумѣвшихъ близъ расправы, уже разнеслась вѣсть, что головой выбранъ Верзило. Извѣстіе это вызвало невообразимый шумъ среди мужиковъ; дѣлались разныя предположенія, догадки, и, въ концѣ-концовъ, было рѣшено, что, вѣроятно, Верзило опоилъ выборныхъ въ расправѣ. Но избиратели были окончательно поражены, когда во дворѣ показались депутаты и по всѣмъ признакамъ совершенно трезвые. Они выходили медленно одинъ за другимъ съ понуренными головами, держа въ рукахъ свои барашковыя шапки. Посыпались разспросы.

— А Богъ его знаетъ! Такъ оно дѣй-

ствительно вышло, что Верзилѣ быть головой! По шарамъ такъ вышло! Ну мы и подписали! отвѣчали они убитымъ голосомъ. „По закону"!.. „По шарамъ"!.. „Дѣло Божье"!.. Вотъ объясненія, которыя неизмѣнно давались депутатами своимъ избирателямъ.

Вечеромъ того же дня во дворѣ Климентія Верзилы происходилъ могарычъ. Здѣсь пьянствовала вся деревня. Крынковцы покорились „закону и шарамъ" и совершенно слились въ чувствахъ и пожеланіяхъ своему старому головѣ. Не пришелъ одинъ только Крынка. Онъ былъ оскорбленъ. Когда-же членъ, на славу угощенный Верзилой, проѣзжалъ въ своемъ экипажѣ черезъ деревню, онъ выбѣжалъ изъ кабака и крикнулъ ему въ слѣдъ такое слово, что тотъ волей-не-волей долженъ былъ сдѣлать видъ, что не слышитъ.

Такъ окончилась избирательная кимпанія въ селѣ Заброшенномъ.

Когда-же жизнь потекла своимъ порядкомъ, всѣ убѣдились, что ничто въ сущности не измѣнилось. Сколько ни давалъ себѣ слово Верзило быть „настоящимъ головой", т. е. драть за чуприну и сажать въ „холодную", ничего этого ему не удалось. Природная мягкость характера взяла свое, и онъ остался попрежнему „мямлей", и заброшенцы чувствовали себя такъ, какъ-будто у нихъ вовсе не было головы.

СЛОВО и ДѢЛО.

СЛОВО и ДѢЛО.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Подъ высокими сводами вокзала Николаевской желѣзной дороги начинала сходиться публика курьерскаго поѣзда, та публика, которая не торопится съ растеряннымъ видомъ захватить билеты за два часа до отхода поѣзда, не осаждаетъ кассы, образуя у нея длинный хвостъ, и которая вообще обнаруживаетъ свойственныя ей увѣренность и сознаніе собственнаго достоинства. Она является на вокзалъ по второму звонку и проходитъ прямо въ вагонъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто заходитъ въ любимый ресторанъ выпить обычную рюмку водки и закусить балыкомъ. Ей нѣтъ надобности возиться съ чемоданами и узлами, такъ какъ все, что нужно, заблаговременно уже продѣлали

посыльные, артельщики или домашніе люди; билеты у нихъ въ карманѣ, сигара во рту, они спокойно опускаются въ развалистый диванъ 1-го класса и, продолжая прерванное чтеніе газетной статьи, равнодушно слушаютъ третій звонокъ и не замѣчаютъ шума двинувшагося поѣзда.

Юная пара съ замѣтнымъ волненіемъ нѣсколько разъ прошлась по платформѣ. Средняго роста красивый блондинъ, съ юнымъ цвѣтущимъ лицомъ, окаймленнымъ русой бородкой, былъ въ легкомъ осеннемъ пальто, сшитомъ изящно, со вкусомъ; въ его внѣшности не было ничего дорожнаго. Сразу можно было опредѣлить, что онъ провожаетъ. Зато внѣшній видъ дамы не оставлялъ сомнѣній, что это была пассажирка. Длинная, ниже колѣнъ, шубка, на плечахъ клѣтчатый пледъ, изъ подъ котораго у пояса выглядывала дорожная сумка, глубокія калоши,—все это было-бы излишнимъ, если-бы она не собиралась въ дорогу. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти дорожныя принадлежности придавали ей изящества; напротивъ, она казалась сгорбленной, неловкой, неповоротливой, и если-бы изъ подъ черной барашковой шапочки не выглядывало молодое личико съ парой блестящихъ темныхъ глазъ, ее можно было-бы принять за старуху.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ. Вѣдь, ты не боишься скуки?! говорилъ молодой

человѣкъ, съ волненіемъ глядя на вокзальные часы, которые предвѣщали черезъ нѣсколько минутъ третій звонокъ.

— О, нѣтъ, меня туда тянетъ... Немножко страшно... Но я втянусь въ деревенскую жизнь!..

— А я здѣсь навѣрно заскучаю. Впрочемъ, на скуку у меня будетъ мало времени... Помни, что въ тотъ самый день и въ тотъ самый часъ, какъ я сдамъ послѣдній экзаменъ, я выѣду отсюда. А ты, главное, будь хозяйкой, полной хозяйкой. Старуха моя рада сложить съ себя тяжесть правленія. Ей, признаться, и не подъ силу... Такъ ты ужъ возьми всѣ бразды... И дѣлай, что хочешь и какъ хочешь!..

Третій звонокъ. Молодой человѣкъ заключилъ въ крѣпкія объятія пассажирку, раздались звонкіе поцѣлуи. Поѣздъ тихо отошелъ.

Она сидѣла у окна и видѣла, какъ онъ шелъ рядомъ съ вагономъ до конца платформы; онъ улыбался, кланялся, что то говорилъ, но она ничего не слышала, а видѣла только движеніе губъ. Потомъ онъ исчезъ вмѣстѣ съ вокзаломъ. Пошли ряды одноэтажныхъ домовъ; строенія все рѣдѣли, рѣдѣли, вотъ ужъ пошли фабрики съ высокими трубами изъ краснаго кирпича; обширное пригородное село, рѣденькій лѣсокъ, низкіе кустарники, а тамъ голая

степь, оживляемая только однообразной линіей телеграфныхъ столбовъ.

Въ вагонѣ душно, всѣ мѣста заняты; нѣтъ пріятельскихъ компаній, каждый самъ по себѣ, поэтому нѣтъ и общихъ разговоровъ. У каждаго на лицѣ написано: „дѣло", и видъ у всѣхъ дѣловой, замкнутый. Пассажирка все глядѣла въ окно, но давно уже перестала замѣчать мелькавшіе передъ глазами предметы. Она не замѣтила двухъ остановокъ на маленькихъ станціяхъ. Она задумалась.

Она думала о томъ, что предстоитъ ей черезъ нѣсколько часовъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ этимъ она думала и о другомъ, а именно о томъ, что было два мѣсяца назадъ. Прошлое съ предстоящимъ какъ-то путалось незамѣтно. Два мѣсяца тому назадъ Марья Андреевна прозывалась Малявской, теперь она носитъ фамилію Куницына, значитъ — она сдѣлалась дамой. Произошло это довольно неожиданно. Въ Петербургъ она пріѣхала съ твердымъ намѣреніемъ учиться и училась усердно, старательно посѣщая лекціи на курсахъ. Знакомыхъ у нея почти никого не было. Изъ товарокъ — 2-3, и тѣ случайно подвернулись и ни въ какія особенно близкія отношенія она съ ними не вступала. Почему? Въ ней всегда замѣчалась какая-то замкнутость. Ничего такъ не любила она, какъ одиночество. Такъ прошелъ годъ, и

это стало надоѣдать. Она не сказала себѣ прямо: „это мнѣ надоѣло“, но она стала замѣчать, что книжка ее утомляетъ, и это было не физическое утомленіе. Съ Куницынымъ она познакомилась случайно, въ театрѣ, кажется, и скоро позабыла-бы о немъ, но онъ помѣшалъ этому. Онъ какъ-то чуть не съ первой встрѣчи сталъ ухаживать за нею. Она нашла его интереснымъ, и это помимо его наружности, еще, можетъ быть, потому, что онъ напоминалъ ей книгу. Когда онъ приходилъ къ ней, и они просиживали вдвоемъ по нѣскольку часовъ, то не проходило въ молчаніи ни одной минуты. Онъ говорилъ много, плавно, красиво, не глупо и главное— симпатично. Онъ говорилъ именно то, что она всегда думала; онъ учился и собирался посвятить свою жизнь какъ разъ тому, по чемъ она вздыхала. И когда онъ говорилъ, глаза его загорались вдохновеннымъ огнемъ, рѣчи дышали искренностью и сердечностью! Конецъ былъ вполнѣ логичный и естественный. Однажды онъ сказалъ:

— Вотъ мы съ вами, Марья Андреевна, однѣхъ мыслей, лелѣемъ однѣ мечты, стремимся къ одному дѣлу. Зачѣмъ же намъ все это дѣлать врозь? Я не знаю, что вы чувствуете, а я... Вѣдь вы это видите... я люблю васъ!..

Она нисколько не удивилась, потому что въ самомъ дѣлѣ видѣла это.

— Я согласна быть вашей женой, отвѣтила она.

Ей казалось, что и она любитъ его. Онъ взялъ ея руки, крѣпко сжалъ ихъ, глаза его заблистали. Она зардѣлась — значитъ любитъ. Ей показалось, что онъ весь дрожитъ; онъ притянулъ ее къ съ себѣ и сильно сжалъ въ своихъ объятіяхъ.

— Ты славный ребенокъ! О, какъ я люблю тебя! проговорилъ онъ, задыхаясь отъ наплыва страсти.

Она тоже вся дрожала, и у нея духъ захватывало, а это ужъ безусловно означало, что она любитъ его. Въ самомъ дѣлѣ, что еще нужно для того, чтобы сказать: „Я люблю“? Передъ нею человѣкъ хорошій, онъ ей нравится, у нихъ однѣ мысли, однѣ цѣли,—кажется, это все, что надо для счастья.

Черезъ недѣлю она стала его женой. На курсы она больше не ходила. Это какъ-то вдругъ оказалось лишнимъ. И это не потому, чтобы она такъ беззавѣтно увлеклась новымъ счастьемъ, вовсе нѣтъ; но онъ такъ много зналъ, у него была такая помѣстительная голова, и его нескончаемыя рѣчи были для нея полнѣе и содержательнѣе всякихъ лекцій. Такъ прошло мѣсяца два, когда она узнала, что будетъ матерью. Тутъ ужъ о курсахъ надо было

перестать думать, и она оставила ихъ формально.

Да и зачѣмъ курсы? Вѣдь это теорія, слова, слова и слова. А между тѣмъ у нея теперь была полная возможность жить, т. е. осуществить свои мечты на дѣлѣ. У Александра была небольшая деревенька. Онъ кончаетъ курсъ—онъ былъ технологомъ—они ѣдутъ въ деревню и тамъ становятся лицомъ къ лицу съ тѣмъ, о чемъ до сихъ поръ вели долгіе разговоры. „Все для нихъ. Всѣ силы, всѣ знанія все достояніе, все для нихъ"! (такъ восклицалъ онъ въ тѣ часы, когда они вдвоемъ, сидя на мягкомъ диванѣ передъ пылающимъ каминомъ, проводили долгіе, счастливые вечера). Мы бросимъ эту глупую столичную сутолоку и переселимся туда, къ нимъ. Здѣсь въ насъ не нуждаются, здѣсь слишкомъ много ума, знаній и добрыхъ намѣреній, здѣсь глазамъ больно отъ обилія свѣта; а тамъ — темнота, и если мы внесемъ въ нее хоть тусклую лучину, то и это счастье, и это уже пойдетъ въ уплату долга".

„Въ уплату долга"! Какъ хорошо это онъ сказалъ. Ей ужасно понравилось это выраженіе и она его запомнила, усвоила. Да, онъ очень, очень хорошій человѣкъ.

Приближалась весна. Александру предстояли трудные экзамены, для долгихъ бесѣдъ не оставалось времени. Было рѣ-

шено, что она поѣдетъ въ деревню. Тамъ хозяйничала его мать. Старуха была слаба здоровьемъ и давно просилась на покой, значитъ это было очень кстати. Молодая хозяйка займется подъ ея руководствомъ и мало по малу освободитъ ее отъ тяготы. И вотъ теперь, сидя въ вагонѣ, подъ непрерывный гулъ колесъ, она не безъ робости думаетъ о встрѣчѣ съ новыми людьми, о новой жизни. Она никогда не жила въ деревнѣ и имѣетъ смутное понятіе о тамошнихъ людяхъ, о тамошней обстановкѣ. Одни говорили, что въ деревнѣ—адская скука, другіе, что деревня — рай. Но она не вѣрила ни тѣмъ, ни другимъ; она ѣхала туда съ своими особенными задачами, цѣлями и надеждами.

Прошла половина дня и значительная часть ночи. Уже на востокѣ забѣлѣло утро, когда она на небольшой станціи сошла съ поѣзда. Здѣсь ее дожидались. Къ ея услугамъ былъ покойный экипажъ — что-то въ родѣ коляски — запряженный тройкой крѣпкихъ коренастыхъ коней. Тридцать верстъ она проѣхала не останавливаясь. Всю дорогу кучеръ объяснялъ ей мѣста, которыя были для нея новы. Вотъ чудный густой лѣсъ, кое гдѣ онъ уже зазеленѣлъ, онъ принадлежитъ какому-то князю; вонъ тотъ, что начинается тамъ на пригоркѣ и тянется верстъ на десять—казенный. Вдали чуть виднѣются

въ туманѣ красныя крыши строеній, а надъ ними возвышается зеленый куполъ съ крестомъ, это—дѣвичій монастырь, богатый, по увѣренію кучера, богаче всякаго помѣщика. А вонъ и Александра Сергѣевича усадьба, и уже виденъ небольшой одноэтажный домикъ съ палисадникомъ. „Это уже все ваше"!—пояснилъ кучеръ, указывая на окружающія поля, изрытыя плугомъ, и потомъ сталъ объяснять, гдѣ что засѣяно: вотъ тутъ все озимь, а тамъ будетъ просо, а здѣсь вотъ ячмень. Все это было для нея ново и мало понятно.

Анна Львовна Куницына встрѣтила ее не безъ нѣкоторой торжественности. Старуха чтила въ ней жену своего единственнаго сына, своего любимца, котораго она считала умнѣе и пригожѣе всѣхъ люцей на свѣтѣ, и поклонялась ему. Это была женщина высокаго роста, худощавая, съ лицомъ выразительнымъ и строгимъ. Ей было за шестьдесятъ, и, повидимому, старость ея была не безболѣзненна. На блѣдномъ лицѣ—много морщинъ, походка нетвердая, частые вздохи, жалобный тонъ,—все это свидѣтельствовало о томъ, что Анна Львовна уже подумывала о переселеніи въ лучшій міръ.

— Ну, слава Богу! Бери, невѣстушка, все въ свои руки, а мнѣ и отдохнуть пора! Давно тебя поджидала, давно! Нынче

съ этимъ долгимъ ученьемъ человѣку и жениться толкомъ некогда. Ей-Богу. Ну! какая это женитьба въ самомъ дѣлѣ? Недѣлю походилъ около тебя и уже подъ вѣнецъ. Ужъ такъ всѣ нынче куда-то спѣшатъ, что и женятся наскоро. У нихъ это, словно пару платья заказать... Вотъ въ наше время, бывало...

И съ перваго-же свиданія она угостила невѣстку двухчасовымъ повѣствованіемъ о томъ, какъ было въ ея время. Видно было, что это тотъ источникъ, изъ котораго Александръ Сергѣичъ заимствовалъ свою страсть къ безконечнымъ рѣчамъ.

Въ заключеніе старуха объявила невѣсткѣ: „А правду сказать, у Сашеньки вкусъ отмѣнный. Ты хорошенькая"!

Марья Андреевна начала входить въ новую жизнь. Хозяйка она была плохая, и каждый ея шагъ на этомъ поприщѣ сопровождался длинными поученіями Анны Львовны. Она слушала покорно, почти никогда не возражала и вообще воздерживалась отъ разговоровъ, что было въ ея натурѣ. Этимъ она снискала особенное расположеніе старухи, которая радовалась, что у нея есть безмолвный слушатель. Анна Львовна писала сыну черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ невѣстки: „Твоя женушка—золотая; гдѣ ты ее досталъ? Меня слушается и почитаетъ. Тихая, скромная, безъ задора. Люблю такихъ".

Наставленія Анны Львовны прививались очень слабо, но ей это было все равно. Главное было то, что ее выслушивали до конца, сколько-бы ей ни вздумалось наговорить, и не возражали. Молодая хозяйка все еще ступала робко, присматривалась къ людямъ и отношеніямъ и принимала все къ свѣдѣнію. Ей показали и даже передали въ ея распоряженіе разныя хозяйственныя орудія и запасы. Она узнала, что хозяйство Александра въ полной исправности, и ему нечего жаловаться на судьбу. У него была молотилка, нѣсколько усовершенствованныхъ плуговъ и косилокъ, и еще какія-то орудія, а главное— въ экономіи былъ цѣлый магазинъ хлѣба. Пшеница, рожь, овесъ — все это считалось сотнями пудовъ. Анна Львовна съ гордостью показывала всѣ эти сокровища невѣсткѣ.

— Это все моими стараніями, невѣстушка, все—до единаго зернышка! Три года собирала!

— Зачѣмъ-же это лежитъ? спрашивала неопытная хозяйка.

— Ахъ, вотъ и видно сейчасъ, что ничего ты не смыслишь! А вотъ я тебѣ разскажу, а ты замѣчай. Три года въ нашихъ мѣстахъ урожай былъ, хлѣба было у всѣхъ довольно, и цѣна на него стояла грошовая. Ну, понятно, никакого не было резону продавать его. Да намъ и не къ

спѣху. И такъ перебиваемся. А хлѣбушекъ пускай себѣ лежитъ, да лучшихъ дней дожидается. Прошлымъ-же лѣтомъ, видишь, урожая не было и хлѣбъ въ цѣнѣ поднялся, но я все-таки покрѣпилась, потому цѣна эта все еще была не настоящая. А настоящая-то вотъ когда будетъ. Весна настанетъ, поля засѣвать нечѣмъ, зерна нужно много, а нѣтъ его, вотъ тутъ-то въ самый разъ его сбыть съ рукъ... Поняла?

— Да, поняла! — обычнымъ тономъ отвѣтила ученица, и подумала: „это похоже на кулачество. Если-бы это зналъ Александръ"!...

Посѣвы въ этомъ году были поздніе. Мужики напахали земли вдоволь, а засѣвать было нечѣмъ. Бросились въ городъ, цѣны ужасныя, въ экономіи—тамъ тѣ-же городскія цѣны, которыя были для нихъ недоступны. По старой привычкѣ они шли къ Аннѣ Львовнѣ, а та была неумолима. Но кому-то пришло въ голову попытать счастья у молодой барыни. Однажды утромъ къ Марьѣ Андреевнѣ неожиданно ввалились пятеро мужиковъ. Не успѣла она показаться на порогѣ, какъ они грохнулись на колѣни и завопили:

— Не губи, красавица - барыня! Ни зерна, ни деньжатъ, купить не на что... Нива стоитъ пустая... Жрать нечего! Вы-

ручи! Пройдетъ лѣто, все какъ есть вернемъ тебѣ!...

Марья Андреевна не понимала, въ чемъ дѣло. Она позвала приказчика. Тотъ разъяснилъ ей, поставивъ на видъ, что нынче цѣны стоятъ высокія, и что на этой-же недѣлѣ они собираются отправить весь запасъ въ Москву;

— Кто приказалъ вамъ это?

— Анна Львовна.

— Анна Львовна передала мнѣ все хозяйство. Я приказываю вамъ въ Москву ничего не отправлять и сейчасъ-же выдать этимъ людямъ, сколько имъ нужно на посѣвъ.

Приказчикъ былъ ошеломленъ. Что съ нею вдругъ сдѣлалось и виданное-ли это дѣло?

А въ самомъ дѣлѣ, что съ нею сдѣлалось? Откуда взялась у нея рѣшимость, твердость, распорядительность. Она и сама этого не понимала. „Такой хорошій случай превратить слова въ дѣло... Александръ скажетъ мнѣ спасибо“... Такъ она думала. Ей было горько и обидно, когда мужики, услышавъ ея приказъ, стали цѣловать не только руки ея, но и одежду. Она силой вырвалась отъ нихъ и убѣжала въ другую комнату.

Черезъ часъ ее посѣтила Анна Львовна. Она была взволнована, даже потрясена.

— Правда-ли, что мнѣ доложили? Вы

раздаете даромъ хлѣбъ? Вотъ новые обычаи...

Тонъ которымъ это говорилось, былъ раздраженный, презрительный, обидный. Но Марья Андреевна приняла его сдержанно и спокойно.

— Вы напрасно волнуетесь, Анна Львовна; я не одна тутъ дѣйствую. Александръ именно этого хотѣлъ...

— Александръ?! Мой сынъ? Онъ хотѣлъ, чтобы ты даромъ раздавала хлѣбъ, когда на него стоитъ бѣшеная цѣна?

— Да, онъ именно этого хотѣлъ, увѣряю васъ, Анна Львовна. Онъ этого хотѣлъ всегда и всегда говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Ну, кто-нибудь изъ васъ сумасшедшій: или онъ, или вы!... Что-жъ! Я умываю руки, хозяйничайте, хозяйничайте, посмотримъ! что изъ этого выйдетъ!...

Онъ ушла и заперлась у себя. „Умывъ руки", она, однакожъ, тотчасъ принялась за письмо къ сыну. Письмо было наполнено возмущеніемъ и ужасомъ. Она просила разъясненій, требовала власти. Нарочный отвезъ его на станцію и отослалъ заказнымъ.

Между тѣмъ, пятеро счастливыхъ мужиковъ разнесли по всему селу вѣсть о добротѣ молодой барыни. Крестьяне стали являться десятками. Марья Андреевна всѣхъ принимала и приказывала всѣмъ

имъ выдавать зерно на посѣвъ. Странное зрѣлище представляла куницынская экономія. Приказчики точно всѣ помѣшались, ходили съ изумленными лицами, ничего не понимали; то, что происходило передъ ихъ глазами, и дѣлалось ихъ же руками, было невѣроятно, невозможно, дико. Анна Львовна запиралась въ своей комнатѣ и бѣсилась. При встрѣчѣ съ Марьей Андреевной она на нее не глядѣла, почти не разговаривала, а если и обращалась съ отрывистой фразой, то почти звѣрски сердито и на „вы“. Марья Андреевна дивилась, откуда взялась такая свирѣпость у этой добродушной старухи. Люди, близкіе къ помѣщичьему двору, говорили между собой, что молодая барыня немножко съ придурью. А тѣ, что получали отъ ея щедротъ зерно на посѣвъ, этого не говорили, но только потому, что ихъ объ этомъ не спрашивали.

Прошла недѣля. Раздача хлѣба продолжалась. Анна Львовна ежечасно справлялась, не привезли - ли письма. Наконецъ, его привезли, и оно сразу разочаровало старуху. „Вы преувеличиваете. Если Маничка выручила изъ бѣды десятокъ мужиковъ, то я въ этомъ не вижу ничего дурного. Что-же касается до вашихъ предсказаній насчетъ того, что все хозяйство пойдетъ прахомъ, то это напрасные страхи и до этого еще очень далеко“. Анна

Львовна скомкала письмо и выругалась: „Онъ тоже сумасшедшій, они оба сумасшедшіе! Я умываю руки!“ И она крѣпилась еще день, но дальше ужъ не могла выдержать. Раздача приняла неимовѣрные размѣры. Она послала Александру Сергѣевичу телеграмму: „Ты сумасшедшій. Роздано болѣе двухъ сотъ пудовъ пшеницы. Чего еще ждать?“ Въ тотъ-же день вечеромъ была получена отвѣтная телеграмма на имя Марьи Андреевны: „Что ты дѣлаешь? Ты разбиваешь всѣ мои планы, губишь хозяйство. Остановись до моего пріѣзда“.

Она уронила изъ рукъ бумагу, на которой были написаны эти слова. Боже мой! Неужели онъ однихъ мыслей съ Анной Львовной?! Она отвѣтила ему тотъ же часъ: „Это въ уплату долга. Помнишь!?“ Но на это отвѣта не получилось, а на другой день къ вечеру онъ самъ пріѣхалъ.

Онъ вырвался на одни сутки, между двухъ экзаменовъ. Дѣло представлялось слишкомъ важнымъ. Впрочемъ, онъ казался спокойнымъ, говорилъ объ экзаменахъ, пилъ чай, а когда рѣчь заводили о дѣлѣ, спокойно и просто возражалъ: „О, это послѣ, послѣ, успѣемъ еще“. Но въ душѣ онъ предугадывалъ страшное объясненіе, готовилъ рѣчи, подбиралъ доводы и вовсе не былъ спокоенъ.

Послѣ чаю онъ говорилъ съ матерью,

потомъ пришелъ къ ней. Онъ началъ несмѣло, какъ-бы сконфуженно; видно было, что онъ самъ былъ не твердъ въ своихъ мысляхъ.

— Вотъ видишь-ли, мой другъ — Маничка, намъ собственно и объясняться нечего... Я думаю, ты сама уже поняла... Ты просто увлеклась.... Хорошее дѣло всегда увлекаетъ... А теперь ты уже сама понимаешь, что надо остановиться...

— Я ничего не понимаю, ничего, ничего!..

— Но между тѣмъ это такъ ясно!.. Ты представь, что мы раздадимъ все, что у насъ есть, вѣдь мы тогда не будемъ въ состояніи поддерживать хозяйство...

— „Все для нихъ: всѣ силы, всѣ знанія, все достояніе“... цитировала она съ рыданьемъ въ голосѣ, не слушая его.

— Ахъ, Боже мой! Да это такъ и остается... Но, вѣдь, нельзя-же понимать такъ буквально... По-твоему, если я сказалъ это, то долженъ сейчасъ-же снять сапоги и отдать тому, кто босъ... Но, вѣдь это подвигъ, а я не могу, не умѣю подвижничать, я хочу дѣлать въ предѣлахъ возможнаго...

— Знаешь что, Александръ,—довольно! Я знаю, что ты съумѣешь наговорить мнѣ много умныхъ вещей; я знаю, ты будешь говорить такъ убѣдительно, что я, пожалуй, соглашусь съ тобой... Но все-таки

это будетъ ложь. Такъ лучше не говорить... Не знаешь ты, что мнѣ больно. Не то, что ты не подвижникъ, нѣтъ, я отъ тебя не требую подвига... Но зачѣмъ ты лгалъ? Зачѣмъ?..

— Маня!.. Вспомни, что ты называешь меня мужемъ, другомъ...

— Ахъ, Александръ!,. Что-жъ изъ этого?.. Вѣдь отъ этого ничего не измѣнится... Все равно—я твоя жена, все равно—я мать твоего будущаго ребенка... Но ты видишь—я уже не та, что была... И все оттого, что ты лгалъ... Зачѣмъ ты лгалъ? Зачѣмъ ты лгалъ?..

— Маничка, я не лгалъ... Нѣтъ, нѣтъ... Знаешь, что это было? Это было увлеченіе прекраснымъ идеаломъ, благородное увлеченіе, мой другъ... Тутъ ничего нѣтъ дурнаго... Но жизнь... Ахъ, стоитъ только къ ней прикоснуться, какъ идеалъ разбивается вдребезги...

— И это красивыя слова... Да не нужно-же ихъ, не нужно, умоляю тебя, Александръ, не нужно...

— Да, да, красивыя слова.—Но, Маня, другъ мой, вѣдь ты всетаки любишь меня...

Онъ взялъ ея руки и цѣловалъ ихъ. Она порывисто встала.

— Уѣдемъ отсюда, увези меня... Здѣсь, какъ ты говоришь, идеалъ разбился въ дребезги... Уѣдемъ!..

Онъ не возражалъ. Онъ былъ такъ счастливъ, что дѣло обошлось безъ бури. Послѣ, онъ былъ увѣренъ, это въ ней совсѣмъ пройдетъ. Жизнь ее отшлифуетъ...

. . . .

Черезъ два часа послѣ объясненія, коляска мчала ихъ на станцію. Они спѣшили къ почтовому поѣзду. Анна Львовна передъ ихъ отъѣздомъ отозвала сына въ сторону и серьезно сказала: „Ты полѣчи ее. Она у тебя нездорова“.

РАДИ ПРАЗДНИЧКА.

РАДИ ПРАЗДНИЧКА.

(Рыбальская повелла).

Верстахъ въ шестидесяти отъ своего устья Днѣпръ удивительно щедръ на воду. Тысячи верстъ течетъ онъ сдержанно, бережливо, и не только не расточаетъ, а напротивъ, собираетъ въ свои берега воды, которыя несутся къ нему притоками и горными ручьями, и такимъ образомъ составляется цѣлая громада водъ. И мчитъ онъ эту громаду къ морю, гдѣ расширяются его границы, гдѣ камышъ растетъ гуще, и громче звучитъ его жалобная пѣсня. Тутъ онъ какъ-бы останавливается въ раздумьи. Вонъ тамъ на горизонтѣ уже видится синяя полоса моря, сѣрой пѣной вздымаются его шумливыя воды. Куда онъ идетъ? Куда несетъ свое добро, которое сбиралъ и копилъ на протяженіи тысячи

верстъ? Вѣдь все поглотитъ это бездонное и безбрежное чудовище, все, все, не оставивъ слѣда; его воды смѣшаются съ водами Дуная, Буга, Дона, и звукъ его имени, могучаго имени стараго величественнаго Днѣпра, будетъ заглушенъ шумомъ морской волны и ревомъ урагана. И ничего, ничего не останется отъ его гигантской работы! И все уйдетъ въ это ненасытное море! И тогда смягчается его старое, окаменѣлое, холодное сердце, и онъ дѣлается щедрымъ. Во всѣ стороны отъ него разливается безчисленное множество рѣченокъ, пересѣкающихъ одна другую и образующихъ сотни миніатюрныхъ островковъ, защищенныхъ по берегамъ высокими стѣнами изъ густого камыша и вѣтвистой вербы. Вся эта масса воды изливается изъ нѣдръ стараго Днѣпра, все это идетъ отъ его щедротъ, и, умиротворивъ этимъ свою опечаленную душу, старикъ тихо несетъ остатки своихъ сбереженій въ море на вѣчное забвеніе, на вѣчную погибель.

На одномъ изъ такихъ островковъ издавна уже поселился Трофимъ Кузьменко, котораго зналъ всякій мало-мальски смышленный обыватель ближнихъ селъ, а также всѣ, кто бывалъ на базарѣ уѣзднаго города. Въ селахъ знали его потому, что тамъ у него было кумовьевъ видимо-невидимо, а въ городѣ потому, что вотъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ онъ два раза въ

недѣлю появлялся на базарѣ съ цѣлымъ возомъ свѣжей, трепещущей рыбы. Ясно, что онъ былъ рыбалка, и это въ самомъ дѣлѣ было такъ.

На островкѣ красовались двѣ глиняныхъ хаты съ камышевыми крышами. Сначала здѣсь была одна хата, которая мужественно выносила свое одиночество лѣтъ съ десятокъ. Въ ней обиталъ Трофимъ съ жинкой, съ старой матерью и съ цѣлой кучей ребятъ. Но вотъ старшій сынъ его Северинъ выросъ настолько, что самъ сталъ годенъ въ отцы, женился и тутъ-же рядомъ воздвигъ свою особую хату. Такимъ образомъ, все населеніе острова вело свое начало отъ одного корня, именно отъ Трофима, и если-бы все шло такъ, какъ шло эти пятнадцать лѣтъ, то столѣтія черезъ три на земномъ шарѣ, вѣроятно, появилось-бы новое племя, а потомъ новый народъ, новые островитяне, которые, быть можетъ, затмили-бы своей славой гордыхъ и кичливыхъ Бриттовъ.

Исторія, которую мы призваны повѣдать міру, началась за недѣлю до Рождества. На островѣ все шло какъ нельзя лучше. Сѣти работали преисправно, рыба такъ и валила въ нихъ, уловъ былъ превосходный, и трофимовцамъ (назовемъ такъ это новое племя) оставалось только радостно потирать руки, что они и дѣлали. Старый Трофимъ, однако, не терялъ изъ виду и

того, что на носу праздникъ Рождества, и что надо подумать и объ этомъ. Но вотъ бѣда, — не съ кѣмъ было ему посовѣтоваться. Старая мать его была до такой степени стара, что позабыла даже слова своего родного языка, на которомъ въ молодости куда какъ любила поболтать и посудачить. Она ничего не видѣла, ничего не слышала, ну, гдѣ съ нею совѣтоваться?! А жинка... Ахъ, жинка его умерла три года тому назадъ,—такова несправедливость судьбы! Вѣдь вотъ-же живетъ эта никому ненужная развалина, а та, безъ которой въ хозяйствѣ шагу ступить нельзя,—умираетъ. Впрочемъ, роптать грѣхъ, и онъ не ропщетъ. Богъ далъ, Богъ и взялъ, на то Его святая воля. Не совѣтоваться-же ему съ сыномъ! Онъ хотя и женатъ, и троихъ дѣтей имѣетъ, а все-жъ—молокососъ. И совѣтывался Трофимъ самъ съ собою, и на этомъ совѣтѣ рѣшилъ, что завтра-же пошлетъ онъ Северина въ городъ закупить всякую живность, необходимую для праздника.

Такъ было рѣшено, о томъ былъ оповѣщенъ Северинъ, и, конечно, воля главы, родоначальника будущаго племени, должна быть безпрекословно исполнена. Северинъ долженъ былъ закупить: — ведро водки, солонины и, главное—цѣлую свинью; вѣдь изъ свиньи будутъ выдѣланы такія разнообразныя и пикантныя вещи, о которыхъ

не всякій, о, далеко не всякій, имѣетъ понятіе.

Но тутъ произошли такія событія, о которыхъ страшно даже разсказывать. Намъ уже извѣстно, что Северинъ завтра спозаранку долженъ былъ сѣсть въ дубокъ и отправиться въ городъ. Представьте-же себѣ, что не успѣло зайти солнце, какъ поднялся цѣлый ураганъ. Въ воздухѣ запахло морозомъ, сначала пошелъ дождь, а потомъ стали падать цѣлыя хлопья снѣга. Подулъ вѣтеръ съ сѣвера. Днѣпръ, который виднѣлся шагахъ въ пятидесяти отъ островка, вздулся цѣлыми горами волнъ. Шумъ, свистъ, ревъ, стонъ носились надъ островкомъ, вода хлестала на берегъ, брызги ея долетали до жилища рыбалокъ, залѣзали въ хату, обдавали крышу и тамъ застывали въ видѣ ледяного покрова. Дубки, которые тѣснились у берега, подбрасываемые волнами, казалось, подымались до неба. Камышъ, колеблемый вѣтромъ, съ жалобнымъ скрипѣніемъ пригинался до земли. Казалось, вотъ-вотъ снимутся съ мѣста не только дубки, хаты, колья, на которыхъ развѣшаны сѣти, „сапеты", въ которыхъ бьется живая рыба, но и самый островокъ будетъ съ корнемъ вырванъ изъ почвы и унесенъ на бѣшеныхъ волнахъ въ море.

Но это не пугало ни Трофима, ни Северина. Въ такую-ли еще бурю приходи-

лось имъ мчаться на дубкѣ сквозь строй волнъ, среди грохота бури?! Настоящій прирожденный рыбалка не боится такихъ пустяковъ. Но вотъ бѣда: появился ледъ. Саженныя льдины тысячами плывутъ сверху, набѣгая одна на другую; трескъ отъ ихъ разрушенія слышится на десятки верстъ въ окружности. Воды ужасная масса, теченіе невѣроятное. При такихъ условіяхъ ни одинъ смѣльчакъ, будь то не только простой рыбалка, а и самъ всемірный мореплаватель—бриттъ, не сядетъ въ лодку.

Итакъ, начался ледоходъ. Если буря не прекратится, островокъ отрѣзанъ отъ цѣлаго міра, какъже быть? Вѣдь праздники на носу. Неужели встрѣтить ихъ безъ водки, безъ мяса, безъ... О, да, главное, безъ свиньи, и безъ всего того, что изъ нея можно сдѣлать?!

Нельзя утверждать, чтобы на островкѣ сразу водворилось уныніе. Чего не бываетъ на свѣтѣ? Сегодня ураганъ, а завтра, можетъ быть, солнышко взойдетъ, и Днѣпръ будетъ тихій и гладкій, какъ зеркало. Э, ничего, будемъ молиться Богу и ждать.

Молились Богу и ждали—ночь и потомъ день, и потомъ еще ночь и еще день, и еще, и еще... Буря не стихаетъ, ледоходъ густѣетъ, Днѣпръ становится свирѣпѣе. Господи, что-же это такое? Какъ-же это будетъ? Праздникъ безъ водки, безъ сала,

безъ колбасъ... А между тѣмъ осталось до праздника всего 3 дня. Если не захватить теперь, пропало все дѣло, ничего не успѣешь сдѣлать. Въ этотъ день, не станемъ скрывать этого, островокъ посѣтило уныніе, которое къ вечеру перешло въ отчаянье. Северинъ и его жинка, и другія дѣти Трофимовы ежеминутно выбѣгали къ берегу и глядѣли на Днѣпръ, не сжалится-ли сѣдой кормилецъ, не укротитъ-ли свой расходившійся гнѣвъ?! А Днѣпръ и не думалъ утихать, и, казалось, надо было оставить всякую надежду. Повѣрите-ли вы, если я вамъ скажу, что Севериниха за этотъ день похудѣла?! Она имѣла такой видъ, точно у нея умеръ отецъ или сынъ, или случилось другое равнозначущее несчастіе. Она ломала руки, какъ дѣлаютъ это на свѣжей могилѣ дорогого покойника, она падала на колѣни передъ образами и шептала горячія молитвы о томъ, что-бы Богъ сжалился надъ ними и утишилъ бурю.

Да, вѣдь, нельзя-же въ самомъ дѣлѣ такъ! Всю филипповку ѣли они рыбу — соленую, вареную, жареную, копченую, вяленую и всякую другую, да не только филипповку, а почти всю жизнь они питаются рыбой, такъ неужели-же и разговляться рыбой? Нѣтъ, это было-бы... да это было-бы просто обидой.

Уже стемнѣло. Трофимъ угрюмо ходилъ

по острову и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. Напрасно къ нему обращались съ вопросами, онъ былъ нѣмъ, какъ могила. Его горе было больше всѣхъ, потому что онъ всему глава, онъ народилъ ихъ всѣхъ. Какъ-же онъ не подумалъ раньше о томъ, что можетъ случиться? Что онъ первый годъ живетъ на свѣтѣ? Развѣ онъ не знаетъ, что около этого времени ежегодно бываетъ ненастье? Нѣтъ, простить себѣ это— онъ никогда не будетъ въ состояніи.

Густой мракъ, окутавшій островъ, дѣлалъ еще страшнѣе завыванья бури. Трофимъ не пошелъ на ночь въ хату. Тамъ ничего не было хорошаго. Что пріятнаго— выслушивать стоны и вздохи домочадцевъ? Лучше бродить въ одиночествѣ. И шагалъ онъ, опустивъ свою сѣдую голову, отъ одной стѣны камыша до другой. Его высокая плечистая фигура въ эту страшную ночь могла-бы испугать дикаго звѣря. Немилосердно крутилъ онъ свои густые длинные усы; его темные проницательные глаза по временамъ искрились, какъ у волка. Иногда онъ останавливался, смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ бушевалъ Днѣпръ, и громко ругался. Но если-бы кто-нибудь увидѣлъ лицо его въ эти минуты, тотъ понялъ-бы, что Трофимъ рѣшился на что-то отчаянное.

Было уже часовъ одиннадцать ночи. Трофимъ подошелъ къ своей хатѣ, обо-

шелъ ее, заглянулъ во всѣ окна и убѣдился, что огни погашены и всѣ улеглись спать. Обошелъ онъ и Северинову хату и тамъ убѣдился въ томъ-же. Тогда онъ рѣшительными шагами направился къ сараю, вытащилъ оттуда пару веселъ и съ ними пошелъ къ дубкамъ. Здѣсь онъ снялъ сапоги и пошелъ вбродъ къ одному изъ дубковъ, привязанному къ колу. Холодная волна набрасывалась на него и хлестала его въ лицо, а онъ только ругался. Достигнувъ дубка, онъ влѣзъ въ него, приладилъ весла, отвязалъ лодку, снялъ шапку, перекрестился и промолвилъ: „Тебѣ, Господи, поручаю мою душу! Защити“! Онъ сѣлъ за весла, и началась борьба.

Это была страшная, невѣроятная борьба! Волны налетали на дубокъ, вода врывалась въ самую лодку, которая, казалось, не плыла, а летала въ воздухѣ, производя прыжки и зигзаги. Теченіе сносило ее къ морю, а Трофимъ налегалъ на весла, рискуя обломать ихъ. Что происходило у него въ душѣ, объ этомъ трудно догадаться. Но, кажется, онъ просто отдалъ себя на волю Божію. „Защититъ—Ему благодареніе, погибну—Его воля. Все одно—одинъ разъ умирать. Ежели на роду написано жить, то и въ водѣ не утону, и въ огнѣ не сгорю“. Такъ, должно быть, думалъ Трофимъ въ то время, какъ трещала лодка,

заливаемая водой, и ныли отъ непосильной натуги его здоровыя мускулистыя руки. Такъ, должно быть, онъ думалъ, потому что, несмотря на самую крайнюю опасность, несмотря на то, что онъ смѣло уже могъ считать себя погибшимъ, лицо его было сосредоточено—спокойно. Въ головѣ у него была одна мысль—держать лодку такъ, чтобы сохранить равновѣсіе.

— Гдѣ батько? Гдѣ батько? спрашивали на другой день другъ друга Северинъ, Севериниха, ихъ братья, сестры, работники и работницы.—Гдѣ батько?

Они обѣгали весь островъ, всѣ его закоулки, побывали въ камышѣ, но батьки нигдѣ не оказывалось. Они совершенно терялись въ догадкахъ, какъ вдругъ Северинъ замѣтилъ, что новый дубокъ отвязанъ и нигдѣ въ окружности его не видно. Онъ такъ и окаменѣлъ на мѣстѣ. Батько... Да батько уже погибъ. О, въ этомъ и сомнѣнія не можетъ быть. Его бездыханное тѣло вмѣстѣ съ осколками дубка давно уже унесено въ море. О, батько, батько, на что ты рѣшился? Гдѣ была твоя голова? Что ты надѣлалъ?

Еслибы вы видѣли и слышали, какой жалобный плачъ раздавался въ тотъ день по всему острову, вы были-бы тронуты. А если-бы самъ Трофимъ могъ своими глазами увидѣть ту глубокую печаль, которой прониклось все его племя по поводу его

гибели, то онъ лишній разъ убѣдился-бы, что на островѣ чертовски любили его. Было все позабыто въ этотъ день. Никто и не подумалъ затопить печь и сварить обѣдъ, такъ всѣ и оставались безъ пищи. Сѣти были не убраны, „сапеты" съ рыбой волной выбросило на берегъ, никто о нихъ и не подумалъ, такъ они лежали весь день, и рыба въ нихъ подохла. Однимъ словомъ, отчаянью не было границъ. Всѣ ходили какъ помѣшанные.

Но надежда никогда не покидаетъ человѣка. Въ самую отчаянную минуту, когда, кажется, уже ясно и для слѣпого, что все погибло, человѣкъ подымаетъ глаза къ небу и смотритъ, не блеснетъ-ли оттуда звѣздочка счастья. Такъ уже устроенъ человѣкъ. Не покидала надежда и бѣдныхъ островитянъ. Отъ времени до времени они приходили на берегъ и глядѣли въ даль съ тайной надеждой, что старина-Днѣпръ сжалится и принесетъ имъ батька живымъ невредимымъ.

Но что вслѣдъ за этимъ случилось, ужъ право я не знаю, въ состояніи-ли я буду, какъ слѣдуетъ, разсказать. Изобразить это—о, да я даже и попробовать не смѣю, я только передамъ то, что было, такъ просто скажу—было вотъ то—то и это и вонъ то. А описывать, изображать, нѣтъ, нѣтъ, не берусь, это превышаетъ мои силы. Зашло солнце и островитянамъ показалось,

что буря какъ будто стала чуть-чуть затихать. Да, не такъ уже свирѣпо скрипѣлъ камышъ, не такъ зловѣще шипѣла волна, не такъ дико свисталъ вѣтеръ. Въ послѣднiй разъ передъ ночью вышли островитяне къ берегу помолиться Днѣпру и что-же? И видятъ они... Прыгая по волнамъ, мчится къ берегу новый дубокъ, только какой-же онъ теперь новый? Побитый, израненный, съ облѣзшей краской, изуродованный; а на немъ, налегая на весла, весь мокрый до мозга костей, безъ шапки и безъ сапогъ сидитъ...

— Батько! Батько! Какъ громъ, раздалось на островкѣ. Это былъ крикъ неистовой радости. Казалось, кричали не только чады и домочадцы, кричали обѣ хаты, кричала рыба въ сапетахъ, кричалъ „неводъ", кричали дубки, все кричало, что только было на островѣ. И вотъ Трофимъ причалилъ къ берегу и перекрестился. И всѣ сняли шапки, пали на колѣни и перекрестились.

— Ну, батько, вздумали-же вы! качая головами, говорили домочадцы.

— А что? Нехорошо? Учитесь и вы отъ батька! Рыбалка не смѣетъ бояться никакого вѣтра, хоть-бы онъ дулъ изъ самаго пекла! Хочу, чтобъ и вы брали примѣръ съ батька! А правда, батько не ударилъ лицомъ въ грязь? Ну, ось-же вамъ! И онъ

сталъ вытаскивать изъ дубка одну за другой всевозможныя прелести.

— Вотъ вамъ водка, это крупа, а вотъ мука, а вотъ и цѣлая свинья!..

Бѣдная свинья! Она была мокра, какъ море, но что это была за жирная, что за величественная свинья! Вы догадываетесь, что она была заколота въ городѣ.

Сейчасъ-же принялись потрошить ее. Это была превеселая работа. Одинъ снималъ шерсть, другой нарѣзывалъ сало, третій солилъ его и складывалъ въ кадушку, четвертый готовилъ колбасы, пятый... да если-бы я вздумалъ перечислить всѣ тѣ прелести, которыя были сдѣланы изъ этой свиньи, то, право-же, мнѣ пришлось-бы написать цѣлую книгу.

— Ну, и поработалъ-же я! говорилъ Трофимъ, и послѣ этого онъ еще лѣтъ двадцать, если проживетъ столько, будетъ разсказывать о томъ, какъ боролся съ волнами. Зато и праздникъ-же вышелъ, когда настало Рождество! Ужъ какъ пили! Ужъ какъ ѣли! Къ вечеру всѣ, рѣшительно всѣ, лежали безъ ногъ.

ВСТРѢЧА

ВСТРѢЧА.

Очеркъ.

Мы пріѣхали въ Каннъ съ цѣлью переправиться на островъ Святой Маргариты, замѣчательный своими вѣковыми эйкалиптами, распространяющими вокругъ себя чудный крѣпкій здоровый запахъ эѳирной смолы. Но, разумѣется, не ихъ мы пріѣхали смотрѣть: эйкалипты растутъ по всей Ривьерѣ и у насъ, близъ Антиба, въ двѣнадцати километрахъ отъ Каннъ, гдѣ была наша маленькая вилла, ихъ росло множество. Намъ надо было взглянуть на тюрьму, въ которой томился „Желѣзная маска“ и это была главная наша цѣль.

Мы догадывались, что эта тюрьма окажется довольно обыкновенной темной дырой, и намъ придется вѣрить на слово проводнику, что здѣсь, молъ, было кольцо,

къ которому былъ прикованъ узникъ, а тутъ окошко, куда ему подавали пищу, а тамъ твердое ложе и т. д. Но когда живешь близъ мѣста, съ которымъ связано какое-нибудь историческое воспоминаніе, то чувствуешь угрызенія совѣсти до тѣхъ поръ, пока не побываешь тамъ. Эта совѣсть — совсѣмъ особенная, — совѣсть туриста, очень чувствительная по этой части.

Но намъ не повезло. Какъ только мы прибыли въ Каннъ, не успѣли еще ступить на мостовую съ вокзала, какъ подулъ сильный порывистый вѣтеръ, мигомъ собралъ надъ городомъ тучи, и вдругъ полился густой дождь. Наша компанія состояла, кромѣ меня, изъ двухъ дамъ, и этого было совершенно достаточно, чтобы мы очутились въ безпомощномъ положеніи. Города мы не знали, извозчикъ не попался, да и куда бы онъ везъ насъ въ такую погоду? Намъ оставалось одно: двинуться въ первый попавшійся отель или пансіонъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Оказалось, что мы, перейдя улицу, стояли у подъѣзда, надъ которымъ красовалась надпись: „Hôtel et pension", съ какимъ-то названіемъ, котораго я не помню,— и мы, даже не сговариваясь, вошли прямо въ подъѣздъ. Хотя нашъ поступокъ можно было бы объяснить простымъ желаніемъ укрыться отъ дождя, но консьержъ

предпочелъ иначе посмотрѣть на дѣло, и намъ тотчасъ же стали навязывать комнаты и предъявлять цѣны. Это дѣлалось съ такой убѣдительностью и съ такимъ видомъ необходимости и невозможности поступить иначе, что мы рѣшили остаться на сутки.

Намъ дали двѣ комнаты, одну изъ нихъ съ балкономъ, съ котораго было видно море и островъ, отходившій влѣво отъ города. Мы увидали, какъ свирѣпо пѣнилось море, какъ сердито ревѣло оно и какъ безпощадно подбрасывало стоявшія на рейдѣ суда эскадры, и съ ужасомъ подумали о томъ, что внезапная буря могла настигнуть насъ въ лодкѣ по дорогѣ къ острову, и поблагодарили судьбу за то, что она любезно предоставила намъ сидѣть въ это время въ пансіонѣ.

Было около часу дня. Мы позвонили, чтобы спросить, можно ли позавтракать. Вошла дѣвушка съ очень милымъ лицомъ вполнѣ европейскаго типа, но совершенно оливковаго цвѣта. Мулаты здѣсь попадаются довольно часто, и мы не обратили вниманія на это обстоятельство. Дѣвушкѣ на видъ было лѣтъ восемнадцать. Одѣта она была въ сѣрое ситцевое платье. Хорошимъ французскимъ языкомъ, безъ твердаго провансальскаго акцента она объяснила намъ то, что было надо; но когда мы заговорили между собой по-русски,

въ глазахъ ея появилась улыбка. Это могло быть простое удивленіе, такъ какъ русскій языкъ, несмотря на многочисленность нашихъ путешественниковъ, все еще всѣхъ удивляетъ здѣсь.

Къ табльдоту мы опоздали, и намъ принесли завтракъ наверхъ. Дѣвушка нѣсколько разъ появлялась у насъ, и всякій разъ, какъ казалось, наша русская рѣчь вызывала на лицѣ ея вниманіе.

Кто-то изъ насъ сказалъ по-русски:

— Отчего это она такъ внимательно смотритъ?

— Должно-быть, никогда не приходилось встрѣчать русскихъ!..—отвѣтилъ я.

Дѣвушка открыто улыбнулась и показала два ряда крупныхъ бѣлыхъ зубовъ Она сказала съ твердымъ акцентомъ:

— Нэтъ, я русскихъ знаю!

Мы всѣ уставили на нее удивленные взоры.

— Вы говорите по-русски? Какимъ образомъ? Вы были въ Россіи?

Она продолжала мило улыбаться:

— О, нэтъ! Я училась здѣсь...

— У кого же?

— У моей матери...

— А ваша мать... она была въ Россіи?

— О, да, она русская...

Съ каждымъ ея отвѣтомъ наше изумленіе возрастало.

— Но кто же ваша maman? — спросили мы.

— Она здѣсь... Она кюизиньеръ... Я забыла, какъ это по-русски...

— Кухарка? Она кухаркой въ этомъ отелѣ?

— Да!:.

Ее позвали, и мы остались въ недоумѣніи. Все было странно въ этомъ сообщеніи: и то, что мулатка заговорила по-русски, и то, что въ каннскомъ отелѣ кухаритъ русская, и главное—то, что у русской женщины, кто бы она ни была, оказался черный мужъ. Браки черныхъ съ бѣлыми — довольно обыкновенное явленіе въ южныхъ приморскихъ частяхъ Европы, и если бы намъ сказали о француженкѣ или италіанкѣ, у которой черный мужъ, то мы удивились бы только ея вкусу, но не факту. Но русская... Это было такъ непривычно, такъ ново, это казалось почти невозможнымъ.

Дождь прошелъ, но вѣтеръ не унимался. Мы глядѣли на море и убѣждались въ томъ, что намъ сегодня не было суждено видѣть тюрьму „Желѣзной маски“. Каннская бухта, рекомендуемая Бедэкеромъ, какъ одна изъ самыхъ тихихъ, спокойныхъ и наилучше защищенныхъ отъ вѣтра, волновалась, какъ океанъ. Это бываетъ здѣсь рѣдко, но намъ пришлось напасть какъ разъ на этотъ рѣдкій случай. Но такъ

какъ мы уже устроились въ отелѣ, то и рѣшили подождать до завтра. Авось бухта утихомирится и оправдаетъ свою репутацію тихой и спокойной.

Попытка осмотрѣть городъ тоже не удалась. Мы вышли было на улицу, но вѣтеръ такъ грубо поступилъ со шляпами нашихъ дамъ, что тѣ наотрѣзъ отказались отъ священной обязанности туриста—осматривать достопримѣчательности города. Такимъ образомъ намъ пришлось сидѣть въ нашихъ двухъ комнатахъ и съ балкона любоваться гнѣвными размахами морскихъ волнъ, что было въ самомъ дѣлѣ красиво.

Обѣдали мы внизу за общимъ столомъ въ компаніи съ англійскимъ семействомъ, состоящимъ изъ старика, старухи и трехъ дочерей. Къ нашему удивленію, къ супу былъ поданъ вполнѣ добропорядочный русскій пирогъ съ капустой и съ яйцами. Мы, конечно, приняли это на свой счетъ. Очевидно, узнавъ, что мы русскіе, администрація отеля поручила русской кухаркѣ сдѣлать что-нибудь русское, быть-можетъ, разсчитывая пріютить насъ на будущее время. Англичане встрѣтили кушанье почти съ негодованіемъ, но, когда узнали, что мы русскіе и что пирогъ тоже русскій, вѣжливо, почтительно и, кажется, съ большимъ удовольствіемъ съѣли по изрядному куску.

Было около восьми часовъ, когда я, предоставивъ дамамъ страдать отъ духоты ради своихъ шляпокъ, вышелъ во дворъ съ цѣлью пройтись по городу. Мнѣ пришлось проходить мимо кухни, у дверей которой во дворѣ сидѣли толстая женщина, съ довольно еще красивымъ виднымъ лицомъ, и наша знакомая мулатка. Толстая женщина очень громко говорила по-французски о томъ, что вѣтеръ непремѣнно къ ночи утихнетъ, такъ какъ это не сирокко, который дуетъ по двѣ недѣли. Это навѣрно не сирокко, потому что тотъ сушитъ и жжетъ, а этотъ влаженъ и освѣжаетъ. Я тотчасъ сообразилъ, что это и есть та загадочная русская, которая, къ нашему изумленію, кухаритъ въ Каннѣ и кромѣ того обладаетъ чернымъ мужемъ. И я рѣшилъ какъ-нибудь завязать разговоръ.

Поровнявшись съ ними, я приподнялъ шляпу, поклонился и сказалъ:

— Здравствуйте!

— Добрый вечеръ!—отвѣтила мнѣ она и такъ привѣтливо посмотрѣла на меня, что мнѣ показалось, будто и ей было бы пріятно поговорить со мной.

Я остановился.

— Вѣтеръ-то какой!—сказалъ я, еще не придумавъ, съ чего начать свой интервью.

— О, къ ночи пройдетъ, непремѣнно пройдетъ! — успокоительно промолвила

она.—Мнѣ вотъ моя Маня говоритъ: сегодня у насъ русскіе... Здѣсь ихъ много, это правда, но въ нашемъ отелѣ больше англичане живутъ!.. Можетъ- быть, присядете?

— „Эге,—подумалъ я,—да ей еще больше, чѣмъ мнѣ, хочется поговорить“.

— Если это васъ не стѣснитъ! — отвѣтилъ я.

— Ну, гдѣ тамъ! Я рада поговорить по-своему... Рѣдко приходится. Вотъ съ дочкой стараюсь, да ей трудно.

Я сѣлъ на предложенный стулъ. На мой взглядъ, я получилъ разрѣшеніе задавать вопросы. Я сказалъ:

— Признаюсь, нѣсколько странно было встрѣтить за столомъ во французскомъ пансіонѣ пирогъ съ капустой... Давно ли вы здѣсь? Вы такъ хорошо говорите по-французски, что, вѣроятно, давно...

— Двадцать лѣтъ уже, двадцать лѣтъ я здѣсь... Сперва въ Ментонѣ была, а потомъ вотъ здѣсь...

— И ни разу за двадцать лѣтъ не были въ Россіи?

— Гдѣ жъ тамъ! Нѣтъ, не была!.. Давно, давно не была!..—съ легкимъ вздохомъ отвѣтила она.

— Какъ же вы попали сюда?

— Горничной пріѣхала съ господами. Господинъ Чибиковъ, можетъ, слыхали... Жили они въ Москвѣ, а я у нихъ въ гор-

ничныхъ служила. Совсѣмъ дѣвчонкой была. Сама я Рязанской губерніи крестьянка... Только смѣлая я была очень и любопытная. Баринъ-то службу занималъ, и по службѣ вдругъ ему вышло въ Ментонъ ѣхать и тамъ жить. Вотъ баринъ и говоритъ мнѣ: поѣзжай съ нами, Катерина! А я съ радостью, очень мнѣ хотѣлось свѣтъ повидать. Но сама не могу, у матушки,— говорю, — надо спроситься. Спросилась. Куда тамъ! И слышать не хочетъ! „Какъ можно, — говоритъ, — это дѣвку совсѣмъ загубишь... Тамъ,—говоритъ,—и люди не такіе и по-звѣриному живутъ...“ Вотъ темнота-то наша! А я на своемъ: поѣду да поѣду, и до того довела, что матушка на меня рукой махнула. Вотъ и поѣхала.

— Значитъ, вы поссорились съ матушкой?

— Нѣтъ. Я баловницей была. Баловали меня дома. Матушка ворчала, конечно, а все же благословеніе напутственное дала. И прожила я у господъ Чибиковыхъ ровно два года, а тамъ перемѣна вышла. Перемѣна-то, она еще раньше завязалась. Конечно, какъ молодая дѣвушка, я была и недурна собой, разные мужчины за мной ухаживали, изъ французовъ больше. Только я вамъ скажу, что французскіе мужчины мнѣ не по сердцу были. Вотъ подите! И народъ деликатный и чистый, и видный, а нѣтъ... Не по нраву — да и

только. А я ужъ такая сердечная была, просто даже размазня. Но мнѣ ничего другого и не надо, а только, чтобы на звѣзды смотрѣть, да чтобы человѣкъ мнѣ о своихъ чувствахъ говорилъ... Конечно, все это однѣ глупости!.. Молода была. Такъ даже удивительно имъ было, французскимъ мужчинамъ, что я на ихъ кличъ никакъ не отзывалась. Здѣшняя прислуга на это дѣло легкая. Ее только пальцемъ помани въ кафе да бокаломъ угости, ужъ ей и весело, и она ужъ, не знаю, на что пойдетъ. А я на это никакого вниманія. И вотъ, еще при господахъ Чибиковымъ, познакомилась я съ моимъ Джономъ...

— Кто это—Джонъ?

— Джонъ, это—по-англійски, а по-французски это выходитъ Жанъ, а ежели на нашъ перевести, то будетъ просто Иванъ. Пріѣхалъ онъ въ Марсель на пароходѣ. Пароходный онъ былъ человѣкъ и безчисленное множество разъ плавалъ, весь свѣтъ исплавалъ, а наконецъ ему это надоѣло, и захотѣлъ онъ на землѣ пожить. Онъ поступилъ къ англійскому консулу въ услуженіе. А какъ господинъ Чибиковъ также состоялъ по этой консульской части, то у нихъ было знакомство, даже пріятелями они были, и случалось, что меня къ нимъ съ какой - нибудь запиской посылали, а то чаще Джонъ къ намъ прибѣгалъ. Въ первое время я на него по-

смотрѣла, какъ на чудо какое морское. Подумайте: лицо черное и блеститъ какъ сапогъ, сейчасъ поваксенный; ротъ большой, губы толстыя, зубы бѣлые, волоса курчавые, глаза горятъ и блестятъ. Только носъ у него не такой, какъ у другихъ ихней породы, а такой, какъ бы у здѣшнихъ. Придетъ, бывало, къ намъ на кухню, а я спрячусь, по глупости, значитъ. Спрячусь и выглядываю изъ-за занавѣски. А онъ и говоритъ: „Что вы,—говоритъ,—отъ меня прячетесь мадмазель Катринъ?“ По-французски говоритъ. А я прямо, по глупости, и отвѣчаю: такъ,—говорю, боюсь васъ. А онъ не обижается, зубы показываетъ. „Чего, — говоритъ, меня бояться? Я добрый. Я добрѣе многихъ бѣлыхъ людей“. Такъ, слово по слову, мы и познакомились. Ужъ я привыкла къ нему и бояться его перестала. Началъ онъ не только съ посылкой приходить, а и такъ, въ свободный часъ. Придетъ это вечеркомъ и заведетъ бесѣду. Сядетъ себѣ — вотъ какъ сейчасъ мы съ вами сидимъ. Ночь славная, звѣзды горятъ, ароматъ кругомъ, а Джонъ какъ почнетъ разсказывать про дальнiе края, да про море, про океанъ, про разныхъ людей, и какъ они живутъ и прочее... Я и заслушаюсь. Много онъ видѣлъ, много зналъ. На четырнадцати языкахъ говорить умѣлъ. А главное, въ немъ теплая душа была, и никогда онъ мнѣ не говорилъ

этихъ французскихъ глупостей. Бывало, смотритъ на звѣзды, и голосъ у него дрожитъ, и въ глазахъ слезы, и „ахъ, — говоритъ, — какое очарованіе въ природѣ и какъ много, — говоритъ, — мадмазель Катринъ, хорошаго въ жизни!“ А я и сама ужъ раскваснлась. Такъ это было мѣсяца четыре, а однажды онъ мнѣ и говоритъ; „Большаго счастья,—говоритъ,—и на землѣ нѣтъ, когда бы вы, мадмазель Катринъ, согласились моей женой сдѣлаться!“ Ну, что жъ, я ужэ и забыла, что онъ черный, и душа моя къ нему лежала. Я и согласилась. А тутъ къ этому самому времени господину Чибикову переводъ вышелъ куда-то въ Испанію ѣхать. Ну, въ Испанію ужъ я не поѣхала. Мы съ Джономъ обвѣнчались и стали жить себѣ. Богъ далъ намъ дочку... Счастливо жили... Marie! сходи-ка наверхъ: можетъ, господамъ что надо!—обратилась она къ дочери.

Marie встала и ушла.

Катерина продолжала:

— Я нарочно ее услала, потому она многаго не знаетъ. А ужъ коли разсказывать, такъ все!.. Жили мы съ Джономъ двѣнадцать лѣтъ. Онъ по лакейской части, я по кухарной. Такъ и норовили, чтобы въ одномъ домѣ жить. Онъ, извѣстно,—католикъ, и Марья моя—католичка, да велика ли разница? Все одинъ Богъ — и тамъ и тутъ!.. А между прочимъ Марью мою я и

русской вѣрѣ выучила... Да, такъ жили, говорю, какъ не надо быть лучше. Только одно время на меня, я вамъ скажу, нашло... Именно нашло. Наша сестра, женщина, такъ уже устроена: найдетъ на нее, и ничего не подѣлаешь!.. Жили мы въ одномъ домѣ, и жилъ тамъ поваръ Жоржъ. Такой былъ красивый французъ, что просто не приведи Богъ... И вдругъ мнѣ стало скучно съ моимъ чернымъ Джономъ, и сошлась я съ французомъ. Французъ,— ему, конечно, все равно,—очень скоро меня бросилъ, да и самой мнѣ скоро страшно стало,—на что я пошла, да ужъ поздно было... Пришло время, и родила я сына, да такого бѣлаго, такого красавца, — вылитый поваръ Жоржъ... Посмотрѣлъ это на него мой Джонъ и не сказалъ ни слова, только задумался. Задумался онъ, задумался, а тамъ черезъ мѣсяцъ и говоритъ: „Скучно мнѣ стало по морю... Возьму-ка я мѣсто на пароходѣ да въ Южную Америку прокачусь“. У меня сердце такъ и задрожало. Вижу я, въ чемъ дѣло, и что онъ все понимаетъ, и оттого мнѣ еще больнѣй, что онъ не говоритъ этого, а такъ— будто и въ самомъ дѣлѣ ему моря захотѣлось. Такая деликатность души. Заплакала я, стыдно взглянуть ему въ глаза и говорю: только вернись поскорѣе, Джонъ! мнѣ безъ тебя будетъ горько! Ничего на это не сказалъ. Простился съ нами, по-

цѣловалъ, все какъ слѣдуетъ, и уѣхалъ... А съ тѣхъ поръ такъ: раза два въ годъ пріѣзжаетъ въ Марсель, да скорымъ поѣздомъ сюда на одинъ день; пріѣдетъ, со мной поговоритъ любезно, по-пріятельски, а тамъ возьметъ Марью и пойдетъ съ нею гулять и въ театръ сведетъ ее, подарковъ ей накупитъ и въ ту же ночь укатитъ въ Марсель. Охъ, мнѣ-то какъ горько приходилось эти дни!.. Чувствовала я, что хотя онъ и любезность оказываетъ и никогда ни однимъ словомъ не попрекнетъ, а все же обида въ сердцѣ у него глубоко сидитъ. Каялась я, каялась въ душѣ, да одинъ разъ невмоготу мнѣ стало, и выбрала я минуту и говорю ему: слушай, Джонъ... очень я передъ тобой виновата... Но только раскаялась я горько и всю жизнь буду раскаиваться... Ужъ прости ты душѣ моей этотъ грѣхъ... Нахмурился мой Джонъ, глаза блескомъ загорѣлись, и говоритъ: „Объ этомъ не будемъ говорить, Катринъ...“— Да вѣдь всякая вина прощается, говорю я, коли раскаяньемъ заглажена, а ужъ я такъ-то выстрадала... А онъ: „Я,— говоритъ,— Катринъ, никакой вины за тобой не считаю, и никакой вражды противъ тебя не имѣлъ. А только,—говоритъ,—разъ уже такъ вышло, я не могу твоимъ мужемъ быть“. Я даже заплакала, — такъ это онъ отрѣзалъ. И сталъ онъ меня утѣшать: „Ты,—говоритъ,

—не плачь! У всякаго поступка бываетъ послѣдствіе, только и всего, а человѣкъ не виноватъ. Надъ человѣкомъ судьба играетъ и даетъ ему то счастье, то горе, но больше горе, чѣмъ счастье,—только и всего". Такъ онъ и уѣхалъ. И видно, это ужъ была судьба такая, чтобъ мнѣ съ нимъ въ тотъ разъ поговорить, потому что больше онъ не пріѣзжалъ. Пароходъ, гдѣ онъ служилъ, гдѣ-то вдребезги разбило, и пропалъ мой Джонъ... Добрый былъ, хорошій былъ человѣкъ!..

Послѣднія слова она произнесла грустно-подавленнымъ тономъ. Видно было, что это воспоминаніе ей тяжело. Я молчалъ, чувствуя, что задавать дальнѣйшіе вопросы, въ которыхъ звучало бы простое, холодное любопытство, въ такую минуту неудобно. Между тѣмъ оставался одинъ невыясненный вопросъ, котораго нельзя было бы коснуться при Marie, а дѣвушка могла вернуться съ минуты на минуту. И я, переждавши время, сколько мнѣ показалось достаточнымъ, чтобы прошло тяжелое впечатлѣніе, спросилъ:

— А ребенокъ... Сынъ вашъ? Гдѣ онъ теперь?

— Бѣлый-то? Не выжилъ и года... Померъ!.. Да оно и лучше, Богъ съ нимъ!.. Дитя, оно не виновато, а все же всякому въ глаза бросается, какъ это при черномъ отцѣ—бѣлый сынъ.

Она оборвала рѣчь и смолкла, потому что въ это время появилась Marie. Дѣвушка объяснила, что прибыли новые жильцы-англичане, и заняла свое прежнее мѣсто.

— Скажите, пожалуйста, — продолжалъ я свой вопросъ: — неужели вамъ никогда не хотѣлось и не хочется въ Россію?

Катерина усмѣхнулась.

— Какъ не хочется? Любо было бы съѣздить да поглядѣть на своихъ... Вѣдь матушка моя все еще жива, и сестры есть. Да и всю свою деревню поглядѣть бы, да...

— Что же вамъ мѣшаетъ?

— Да какъ же я Марью-то имъ покажу? Скажутъ: „Вотъ, скажутъ, чорта привезла...“

Я опасливо взглянулъ на Marie. Мнѣ казалось, что это заключеніе должно бы обидѣть ее, но нѣтъ, она глядѣла добродушно и улыбалась.

— Полноте, — возразилъ я, — къ этому легко привыкнуть... Притомъ же у вашей дочери совсѣмъ не такой ужъ темный цвѣтъ, и она такъ миловидна...

На этотъ разъ Marie кокетливо покраснѣла и потупилась, а Катерина махнула рукой.

— Э, имъ все равно. У насъ вѣдь народъ, окончательно ничего не понимающій. Чернаго человѣка они никогда не видали и думаютъ, что ежели черный, такъ,

слѣдственно,—отъ чорта. Да нѣтъ, ни за что я ее не повезу, она у меня дѣвушка добрая, а ее тамъ засмѣютъ, затолкаютъ... Нѣтъ ужъ!..

— Значитъ, вы своей жизнью здѣсь довольны?

— А какъ же не довольна? Чего же еще человѣку надо? Возьмите—у насъ и здѣсь. У насъ, напримѣръ, въ домѣ какомъ-нибудь, ежели въ кухаркахъ, нѣтъ такого человѣка, который тобой не командовалъ бы. „Эй, Катерина!“ либо: „Эй, Катька, сдѣлай то, сходи туда, дура—это не такъ, дрянь—то не этакъ...“ А здѣсь, ежели я свое дѣло исправно дѣлаю, никто мнѣ ничего не можетъ приказать, и всякій меня съ почтеніемъ называетъ: madame Catherina... Живутъ-то у насъ какъ? Въ кухнѣ, гдѣ готовятъ и ѣдятъ, тамъ и спятъ, а ежели комната для прислуги есть, то натискаютъ туда десятокъ господскихъ сундуковъ и корзинокъ, что и повернуться негдѣ. А тутъ у тебя и своя комната, и ужъ я въ ней такой же хозяинъ, какъ monsieur Courbet, содержатель отеля, въ своей. И опять же пищу возьмите: у насъ это кушаешь, что отъ господскаго стола осталось, а тутъ мы себѣ варимъ особо, по своему вкусу. Да что говорить! Примѣрно моя Марья: родись она въ деревнѣ, да хотя бы и не въ деревнѣ, а дома, въ самой Москвѣ, что она знала бы? Много-

много, ежели бы читать ее научили. А тутъ она у меня école commune кончила, и такое образованіе получила, что ей-ей у насъ иная барышня того не знаетъ. И шить умѣетъ и въ случаѣ чего, ежели бы со мной какое несчастье, ужъ дѣвка не пропадетъ. Нѣтъ, ужъ, что и сравнивать! Это — безъ сравненія. Жизнь у насъ темная. Живешь, словно бы и не человѣкъ вовсе, а птица... А тутъ — работать-работай, всѣ должны работать, а все же ты человѣкъ, самъ по себѣ, и никакой тебѣ низости нѣтъ оттого, что ты работаешь, что, примѣрно, кухарка!.. Нѣтъ, поглядѣть бы я поглядѣла, а жить тамъ не осталась бы.

Вѣтеръ въ самомъ дѣлѣ видимо началъ стихать. Разговоръ нашъ принялъ другой характеръ. Катерина разсказывала мнѣ о непріятностяхъ, которыя доставляетъ мѣстнымъ жителямъ сирокко, дующій иногда по шести недѣль сряду. Конечно, перелетая черезъ Средиземное море, этотъ страшный вѣтеръ теряетъ почти всю свою силу. Но для европейца, особенно для изнѣженнаго жителя побережья Средиземнаго моря, онъ все же еще представляется бичомъ. Она сообщила мнѣ кое-что о городѣ, о пріѣзжающихъ и объ окрестностяхъ. Мы проболтали съ нею часовъ до десяти, когда уже совсѣмъ стемнѣло.

Когда я подымался къ себѣ наверхъ,

вѣтеръ совсѣмъ стихъ. Мои дамы сидѣли на балконѣ, любуясь яснымъ звѣзднымъ небомъ и предвкушая удовольствія завтрашняго путешествія въ лодкѣ по тихому морю. Былъ чудный вечеръ, было жаль уходить съ балкона, и я занялъ моихъ спутницъ свѣжимъ разсказомъ, который только-что выслушалъ отъ Катерины.

На другой день море или, лучше сказать, заливъ былъ тихъ и гладокъ и блестѣлъ, какъ зеркало. Мы съ торжественностью истыхъ туристовъ садились въ лодку, которая плавно переплыла пространство между городомъ и островомъ. Вся бухта была занята судами эскадры съ развѣвающимися на нихъ трехцвѣтными флагами. Было воскресенье. Мы сошли на берегъ острова и тотчасъ же попали во дворъ казармы, гдѣ солдаты проводили время самымъ мирнымъ образомъ. Мы спросили про тюрьму „Желѣзной маски", и каково же было наше изумленіе, когда мы узнали, что консьержъ, по случаю воскресенья, поѣхалъ въ городъ и увезъ съ собой ключъ отъ тюрьмы! Намъ оставалось только оглядѣть ее снаружи, и это былъ обыкновенный каменный сарай, какіе у насъ строятъ для склада дровъ...

Но чудные эйкалипты и сосны, которыми усѣянъ островъ, были такъ прекрасны и ароматны, что мы не считали время потеряннымъ.

ПОЗДНЯЯ ВЕЧЕРЯ.

ПОЗДНЯЯ ВЕЧЕРЯ.

(Разсказъ).

— Будь здорова, Мотря! Куда это тебя Богъ несетъ въ такую погоду?

— Туда и несетъ! — съ не совсѣмъ искреннимъ пренебреженіемъ отвѣтила Мотря, мелькомъ оглянувшись и затѣмъ продолжая свой путь: — Къ теткѣ Маринѣ, вотъ куда!

— Да ты постой! чего спѣшишь-то? Или забыла уже Миколу Бондаря? а? Постой, говорю...

— Чего мнѣ забывать? Мнѣ нечего забывать!..

— Нечего? Вишь, какъ нынче! Уже и нечего! Прежде было что, а теперь стало нечего!.. Коротка же у тебя память, Мотря...

А Мотря, несмотря на жестокія слова,

остановилась. Сильный, порывистый вѣтеръ трепалъ во всѣ стороны концы платка, окутывавшаго ея голову и шею и закрывавшаго почти все ея лицо. Только свѣтлые ясные глаза выглядывали изъ-подъ него, и въ нихъ-то Микола Бондарь и сталъ всматриваться, стараясь понять, насколько слова ея идутъ отъ сердца.

— Ты откуда?—спросилъ Микола, держась правой рукой за изгородь, потому что вѣтеръ пошатывалъ его и мѣшалъ ему твердо стоять на ногахъ.

— Изъ дому... А то откуда же?—отвѣтила Мотря.

— Ну, и понесло же тебя! Вѣдь этакъ немудрено, что и въ море унесетъ...

— А что жъ такое? Пускай и въ море! Эка бѣда! Я никогда еще тамъ не бывала...

— Ишь ты!..

— А то какъ же? Развѣ есть кому пожалѣть? Одинъ только дѣдъ, да и тотъ, по старости, я думаю, на другой день забудетъ...

— Ой, Мотря, не гнѣви Бога. Есть одинъ человѣкъ...

— Гдѣ ему быть?

— Будто не знаешь? Вотъ чудеса! Нашло на тебя, или какъ? Должно быть, метелью у тебя память замело...

Мотря помолчала, пристально поглядѣла на него изъ-подъ платка и громко вздох-

нула. А вѣтеръ неистово трепалъ полы ея полушубка, раздувалъ, какъ парусъ, малиновую юбку изъ толстой фланели, открывая ея ноги, обутыя въ большіе мужскіе сапоги.

На небѣ, плотно закрытомъ густыми бѣлыми облаками, появилась какъ бы какая-то тѣнь и, пролетѣвъ на легкихъ крыльяхъ съ запада къ востоку, стала спускаться и на землю. То была вечерняя тѣнь, предвѣщавшая близость солнечнаго заката.

— Оно, можетъ, и есть, — промолвила, наконецъ, Мотря,—да только все одно изъ того ничего не выйдетъ!

Этотъ вздохъ и эти слова доказали Миколѣ, что всѣ жестокія слова, сказанныя раньше, были со стороны Мотри однимъ лишь кокетствомъ. И глаза ея, теперь смотрѣвшіе на него съ грустной думой, говорили то же самое.

— Какъ не выйдетъ? Какъ не выйдетъ, Мотря? Что ты такое говоришь? Мнѣ лишь бы ты помнила, а до другихъ нѣту никакого дѣла... А коли помнишь, то значитъ, за другого не пойдешь... Такъ, что ли?

— Оно такъ, Микола, такъ... Я то не пойду, а ты... Ты швталъ бы себѣ загодя какую-нибудь дѣвку съ села...

— Я-то? Да пускай съ меня лучше шкуру сдерутъ!—съ жаромъ воскликнулъ Микола Бондарь.—Нѣтъ, Мотря, ты это такъ и знай. Сказалъ я тебѣ лѣтомъ, что еже-

ли дѣдъ твой за меня не отдастъ, такъ я въ монахи пойду...

— О-го! Такой же изъ тебя монахъ будетъ, какъ изъ меня попадья!... А дѣдъ сказалъ: ни за что, говоритъ, за Миколу не отдамъ, потому онъ не рыбалка. Я, говоритъ, самъ рыбалка съ малолѣтства, и батька твой покойный былъ рыбалка, ну, такъ и тебѣ за рыбалкой быть...

— Гм... Такъ!.. Мнѣ, значитъ, съ этого самаго пропадать!.. Эхъ, хорошій человѣкъ твой дѣдъ, Мотря, и вотъ какъ я его уважаю, а обязанъ желать ему скораго смертнаго часу...

— Молчи, Микола! Не говори такъ!— строго замѣтила ему Мотря.—Нельзя такъ про дѣда говорить. Ну, прощай... Скоро вечеръ... У тетки Марины заберу кой-что для трапезы... А у твоего батьки кутью еще не ѣли?

— Да нѣтъ же... Вотъ солнце зайдетъ, сядутъ... Эхъ, Мотря!..

— Ну? Еще чего?

— Ничего... Такъ... Помнишь,—лѣтомъ, въ камышахъ? . а? Вотъ такъ ноченька была!..

— Вспомнилъ!.. откликнулась Мотря и показала изъ-подъ платка свои зубы, бѣлые, какъ снѣгъ, окружавшій ихъ со всѣхъ сторонъ; а глаза ея, устремленные на Миколу, вспыхнули пламенемъ.—Мало чего не было!.. То было лѣтомъ, а теперь зи-

ма... Ишь какъ деретъ! Дорогу замело!.. Прощай, Микола!

— Прощай, Мотря!.. Да, гляди, не забывай...

— А коли напоминать не будешь, то и забуду!..

— Не бойсь, напомню..

Мотря, словно подхваченная вѣтромъ, скользнула въ проулокъ и исчезла, а Микола долго еще смотрѣлъ въ пустое пространство, гдѣ видѣлась ему она, и вспоминалась ему памятная лѣтняя ночка, сильно билось его сердце подъ тяжелымъ овчиннымъ кожухомъ, и не чувствовалъ онъ зимняго холода, а рѣзкій порывистый вѣтеръ, казалось ему, пѣлъ надъ его ухомъ любовныя пѣсни.

Но нельзя же было вѣчно стоять на одномъ мѣстѣ. Онъ оглядѣлся. Вечеръ уже надвигался. Дальнія хаты въ длинномъ ряду деревенской улицы сливались въ одно большое пятно и исчезали въ вечерней тѣни. Широкій Днѣпръ, уснувшій на всю зиму въ своемъ помѣстительномъ ложѣ, былъ тѣмъ не менѣе неспокоенъ. Вѣтеръ взрывалъ съ его ледяной поверхности снѣгъ и, неистово вертя его въ воздухѣ, переносилъ на другое мѣсто, наваливая цѣлыя горы, но тотчасъ разрушалъ ихъ, подымалъ кверху и опять несъ на другое мѣсто. На деревенской улицѣ не было видно ни души. Всѣ попрятались отъ страха

въ сильно натопленные дома и ждали захода солнца, чтобы приступить къ вечерѣ. Скоро во всѣхъ хатахъ зажгутъ восковыя свѣчи и начнутъ усаживаться за столы, покрытые бѣлыми скатертями и уставленные яствами. И тогда замелькаютъ въ окнахъ яркіе огни, и деревенская улица пріобрѣтетъ веселый праздничный видъ.

Но Миколу не манило къ этому празднику. Какая-то тревога закралась въ его душу. Было ли это вліяніе непогоды, или такъ подѣйствовали на него слова Мотри, не обѣщавшія ничего хорошаго, — но не хотѣлось ему идти въ ярко-освѣщенную хату, гдѣ родные, сидя за дружной трапезой и глядя другъ другу въ лицо, увидятъ все, что написано у него въ глазахъ.

А не пойти вѣдь тоже нельзя. Сейчасъ станутъ спрашивать другъ друга: гдѣ же Микола? Пошлютъ туда, сюда, къ Ковалю, гдѣ онъ часто бываетъ, на мельницу, гдѣ у него пріятель молодой мирошникъ Сенька, пожалуй — къ пономарю Антошѣ, съ которымъ Микола друженъ, и, не найдя его нигдѣ, встревожатся и сядутъ за столъ обиженные и огорченные. Нѣтъ, ужъ надо пойти домой и какъ-нибудь перетерпѣть часокъ.

Шелъ онъ по улицѣ туда, гдѣ за церковью тянулся рядъ новыхъ хатъ, годъ отъ году увеличивавшихъ размѣры села. Ко-

гда въ маленькихъ оконцахъ уже замелькали огни, вечерній мракъ становился все гуще и гуще, а вѣтеръ не только не стихалъ, но съ каждой минутой свирѣпѣлъ. И, Богъ знаетъ, почему — его мучительно тянуло къ берегу Днѣпра, словно тамъ былъ зарытъ кладъ, который откроется ему въ ту ночь. Сотню разъ повертывалъ онъ голову въ ту сторону, гдѣ широкой лентой извивалась ледяная громада рѣки. Высокій крутой берегъ манилъ его къ себѣ, и что-то таинственное, что-то страшное было въ этой синей линіи берега, почти сливавшейся съ ночнымъ небомъ.

„Ужъ не суждено ли мнѣ утопиться подъ ледяной корой холоднаго Днѣпра съ горя, что никогда Мотря мнѣ не достанется? Кто знаетъ? Въ эту ночь, сказываютъ, бываютъ чудеса. Человѣкъ дѣлается самъ не свой, какая-то невидимая сила толкаетъ его, и онъ идетъ, самъ не зная куда и зачѣмъ, и творитъ такое, что ему и во снѣ не снилось“.

И Микола прибавилъ шагу, чтобы поскорѣе уйти отъ Днѣпра, не видѣть его, даже не чувствовать въ темнотѣ, что онъ близко.

— Что такъ замѣшкался, Микола?—спросилъ его отецъ, когда онъ вошелъ въ хату и, подъ вліяніемъ открывшейся предъ нимъ картины, остановился у порога и трижды перекрестился на образъ. Все уже было

готово, въ хатѣ сіялъ яркій свѣтъ, на столѣ красовались кушанья, вся семья была въ сборѣ, ждали только его.

— Нѣтъ, такъ... — отвѣчалъ Микола и вмѣстѣ съ другими сталъ усаживаться за столъ.

Началась трапеза. Онъ тоже ѣлъ, но какъ-то машинально. Мысли его были далеко отсюда. Ему казалось, что онъ стоитъ на высокой кручѣ на берегу Днѣпра и старается разглядѣть, что такое дѣлается на рѣкѣ. Вѣтеръ шумитъ и свиститъ. И чувствуетъ онъ, что тамъ, внизу, вьюга бѣшено носитъ надо льдомъ цѣлыя горы холодной снѣжной пыли и, попадись туда живое существо,—замететъ его, облѣпитъ со всѣхъ сторонъ снѣгомъ, обледенитъ и заморозитъ.

Почему же его такъ влечетъ туда, въ эту черную пропасть безъ просвѣта, откуда вѣетъ гибелью и смертью? Онъ смутно видитъ родныхъ, сидящихъ вокругъ стола, яства, которыми заставленъ весь столъ. словно хата наполнилась туманомъ, мѣшающимъ ясно видѣть.

— А не видалъ Мотри? — спрашиваетъ его батька, очень хорошо видящій его настроеніе и приписывающій его какой-нибудь новой неудачѣ съ дивчиной.

Микола вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Видалъ, какъ не видать? сейчасъ встрѣтилъ...

— Ну? И что-же? Упирается дѣдушка Якимъ?

— Упирается! — мрачно отвѣчаетъ Микола.

— Жаль! Славная дѣвка Матрена! Работящая, разумная, привѣтливая! Такую лестно въ домъ взять...

— Еще бы не лестно!

Микола не дѣлалъ тайны изъ своей привязанности къ Мотрѣ тѣмъ болѣе, что батька и вся семья сочувствовали ему. Всѣ любили Мотрю, всѣмъ она была по душѣ, и сама она при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ семьи Бондарей ласково усмѣхалась и радовалась какъ родному. И всѣ понимали, что лучшаго мѣста для Мотри, какъ въ этой семьѣ, за Миколой, сыскать нельзя. Не богата была семья Степана Бондаря, но жила дружно, а главное—вся была рабочая, никто не лѣнтяйничалъ, не пьянствовалъ, не сидѣлъ безъ дѣла. Самъ Степанъ набивалъ бочки, натаскивая на нихъ обручи, а то и новыя дѣлалъ, когда случался заказъ,—за это онъ и получилъ прозваніе Бондарь, какъ назывались и его предки, которые занимались тѣмъ же ремесломъ. Оно перешло и къ Миколѣ, который уже отлично зналъ всѣ тайны своего искусства.

Вотъ только дѣдъ Якимъ, дѣдъ Якимъ! Зарубилъ себѣ на носу и твердитъ одно и то же. По его мнѣнію—только и люди,

что рыбалки; кто не рыбалка, тотъ проходи мимо. И сказать бы, что Микола былъ ему не по нраву; такъ нѣтъ же, — любитъ онъ парня и всѣмъ говоритъ: онъ парень и такой, и сякой, хорошій, расхорошій, а Мотрю за него не отдамъ, потому рыбальскаго дѣла не знаетъ. А Мотря держится старика и не смѣетъ его волю преступить, потому что онъ замѣняетъ ей и отца, и мать. У Мотри нѣтъ ни отца, ни матери. Они умерли въ одно лѣто, когда былъ моръ на людей, а она еще ходить не умѣла. Жили они всѣ вмѣстѣ съ дѣдомъ по ту сторону Днѣпра, въ густыхъ камышахъ и рыбальствомъ занимались. У дѣда есть еще дочка Марина, Мотрина тетка, такъ онъ ея не любитъ за то, что она преступила его волю и вышла за сельчанина, а не за рыбалку. И когда маленькая Мотря осталась безъ отца и безъ матери, дѣдъ не захотѣлъ отдать ее Маринѣ, а оставилъ при себѣ. Онъ пяньчилъ ее, какъ баба, холилъ и баловалъ, сколько могъ. И дѣвченка привязалась къ нему и ужъ теперь, когда выросла, жить безъ него не можетъ. И какая вышла красивая да складная дѣвка! Другой такой во всей окружности нѣтъ. Баловалъ ее дѣдъ, да не избаловалъ, дѣвка выросла степенная, разсудительная, къ работѣ прилежная. Всѣ деревенскіе женихи на нее зарятся. Захоти она, такъ

сейчасъ сватовъ пришлетъ къ ней первый богачъ Чхунъ, онъ же и сельскій староста, для своего сына. Только нѣтъ, Мотря ни за кого не пойдетъ...

Микола не докончилъ вечери, поднялся и сталъ надѣвать кужухъ.

— Куда это ты? — спросилъ его Степанъ.

— Извините меня, батька... Я пойду. Дѣло есть... Вспомнилъ!..

И такимъ убѣжденнымъ голосомъ сказалъ это Микола, и такое у него было необычное лицо, что ни Степанъ, ни кто другой даже и не подумали возразить. Всѣ промолчали. Микола молча одѣлся, прихватилъ шапку и вышелъ.

Вѣтеръ свисталъ и рвалъ во всѣ стороны пуще прежняго. Деревенская улица обнажилась отъ снѣга, который весь былъ снесенъ вѣтромъ къ Днѣпру и сброшенъ внизъ съ крутаго берега. Подъ ногами Миколы стучала крѣпко промерзшая земля. Куда онъ шелъ?

Да онъ и не шелъ, а бѣжалъ, какъ добрая лошадь, подгоняемая кнутомъ. Вѣтеръ изо всей силы дулъ ему въ лицо и распахивалъ настежь полы его кожуха, но онъ не придавалъ этому никакого значенія. Еще въ батьковской хатѣ, въ ту минуту, когда онъ собирался, вмѣстѣ съ другими, приняться за кутью, въ головѣ его мелькнула мысль, и эту мысль онъ

почувствовалъ съ такою же болью, какъ будто бы ему всадили въ черепъ большую „цыганскую“ иглу или сапожное шило. Подумалъ онъ о томъ, что Мотря, въ такую погоду, въ такую страшную темень, должна переходить черезъ Днѣпръ, — и ему сдѣлалось страшно. А ужъ она не остановится. Мотря неустрашима, Мотря ничего не боится. Но метель сильнѣе ея... Тутъ-то Микола и схватился съ мѣста и сталъ одѣваться.

Теперь онъ мчался къ хатѣ Марины, Мотриной тетки. Подойдя къ ней и увидѣвъ въ окнахъ свѣтъ, онъ постучался въ дверь. Ему отперли.

— Мотря еще тутъ? — спросилъ онъ прямо, безъ предварительныхъ объясненій.

— Эге! Мотря уже, должно быть, давно повечеряла съ дѣдомъ.

— Ушла, значитъ?

— Давнымъ-давно!..

Микола даже не сказалъ „прощайте“, захлопнулъ дверь и скрылся въ темнотѣ ночи. Онъ побѣжалъ прямо къ рѣкѣ, добѣжалъ до крутого берега, на мгновеніе остановился, потомъ ощупью отыскалъ тропинку и пустился внизъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, падая и подымаясь.

Вотъ и Днѣпръ. Микола ступилъ на ледъ и, не останавливаясь ни на минуту, быстро шелъ прямо на перерѣзъ рѣки.

Вѣтеръ сносилъ его то вправо, то влѣво, то бурнымъ порывомъ вдругъ отбрасывалъ назадъ, но Микола боролся съ нимъ, какъ звѣрь съ звѣремъ, и все глядѣлъ вдаль, страшно напрягая зрѣніе, питая надежду, что увидитъ тамъ, на другомъ берегу, огонекъ въ землянкѣ Якима. И когда онъ дошелъ до середины рѣки, ему показалось, что этотъ огонекъ загорѣлся вдали, и онъ смѣлѣе пошелъ въ томъ направленіи.

Передъ нимъ зачернѣлъ берегъ; сухой зимній камышъ, низко наклоненный вѣтромъ, скрипѣлъ и трещалъ. Но огонекъ исчезъ. Вотъ и хата Якима, но въ ней темно. Что жъ это значитъ? Ужъ не водитъ-ли его нечистая сила? Нѣтъ, просто огонекъ этотъ былъ ему нуженъ, вотъ онъ и загорѣлся въ его воображеніи. „А пожалуй, что и въ правду они отвечеряли и теперь улеглись спятъ“,—подумалъ Микола. И повидимому, такъ подумавши, ему слѣдовало бы повернуть обратно, но какая-то непобѣдимая сила тревоги заставила его подойти къ двери и сильно постучаться въ нее. Ему отвѣчало молчаніе... „Здорово спятъ!—подумалъ Микола,—должно быть, добро повечеряли!“ И, несмотря на такое размышленіе, онъ сталъ стучать сильнѣе прежняго.

Послышалось ворчанье. Якимъ проснул-

ся и медленно, нехотя подошелъ къ двери.

— Кого это тамъ принесло?—спросилъ онъ хриплымъ сонным ъ голосомъ.

— Отворите, дѣдъ Якимъ! Это я, Микола...

— Микола? А что тебѣ надо, Микола?—говорилъ Якимъ, шумя засовомъ съ внутренней стороны. — Должно быть, и въ правду нетерпячка тебя беретъ, коли въ такую погоду черезъ Днѣпръ въ путь пустился... Ну, иди въ сѣни, что ли, а то меня вѣтеръ свалитъ. Запали сѣрничекъ... есть, что ли? Долженъ быть, потому ты цыгарникъ!

Микола вошелъ, захлопнулъ за собою дверь и зажегъ сѣрную спичку. Тусклый мигающій огонь освѣтилъ сѣдую голову Якима на высокомъ сухощавомъ туловищѣ.

— Мотря давно пришла, дѣдъ Якимъ? —прямо спросилъ Микола.

— Мотря? Да что она, съ ума сошла, что-ли, въ такую вьюгу тащиться? Она у тетки своей, у Марины, заночевала...

Микола помертвѣлъ.

— У тетки?.. У тетки нѣту Мотри!... Она пошла домой...

— Не можетъ того быть! — промолвилъ дѣдъ, но въ голосѣ его уже звучали сомнѣніе и испугъ.

— Дѣдъ Якимъ... Давайте фонарь...

Я побѣгу... Загнало ее куда-нибудь вѣтромъ... Ой, Мотря, Мотря! Что съ тобой сталось? Охъ, моя голубка бѣдная... И вы, дѣдъ, пустили ее въ такую погоду!

Но дѣдъ не слышалъ ни его восклицаній, ни укоровъ. Онъ сбѣгалъ въ чуланъ, паладилъ свѣчку въ фонарь, зажегъ и совалъ ее Миколѣ.

— Бери... Бѣги живѣе... И я съ тобой!.. Ой, хлопче! сыщи ее, сыщи мою Мотрю... Обшарь всѣ камыши, всѣ берега Днѣпра...

Микола схватилъ фонарь.

— А вы, дѣдъ, сидите на берегу; вамъ нечего ходить... Еще васъ занесетъ, только работы прибавится...

И, распахнувъ предъ собою дверь, онъ рванулся къ берегу, держа передъ собою фонарь.

Но куда онъ пойдетъ? Гдѣ искать будетъ? Днѣпръ великъ, камыши его тянутся на тысячи верстъ, и уходитъ онъ въ море. Такъ вотъ почему его такъ манило къ высокому темному берегу!..

— Гей! гей, гей! Мотря—а! О-го! А-га!— кричалъ онъ, что было мочи, мотаясь во всѣ стороны по льду и подымая фонарь высоко надъ головой. Но ему въ отвѣтъ слышался только свистъ и вой вѣтра, а снѣжная пыль, подымаясь со льда, засыпала ему глаза. Напрасно обшаривалъ онъ береговые камыши, напрасно разры-

валъ каждую кучу снѣга, попадавшуюся ему подъ ноги. Онъ кричалъ безумолку, отчаянно звалъ свою Мотрю, и голосъ его надорвался, и самъ онъ, послѣ двухчасовой возни, обезсилѣлъ.

— Мотря, Мотря!—въ послѣдній разъ безнадежно произнесъ онъ, и вдругъ слезы хлынули изъ его глазъ, и онъ, совсѣмъ безъ силъ, опустился на большую кучу снѣга.—Нѣтъ ея! пропала она! Такъ пускай же и я пропаду тутъ! Замерзну, обледенѣю...

Онъ опустилъ руки. Фонарь скатился на ледъ, и вокругъ него заблистали яркіе кристаллы снѣжинокъ.

Но вдругъ онъ вскочилъ и быстрыми глазами сталъ осматриваться во всѣ стороны. Ему почудилось, что онъ слышитъ человѣческій голосъ. Гдѣ-то здѣсь, неподалеку, чей-то слабый голосъ произнесъ:— О, Господи, Господи! спаси.

— Мотря! Ты? Ты?—безумнымъ голосомъ крикнулъ Микола.

— О-охъ!—въ отвѣтъ ему раздался стонъ. Но гдѣ она? Куда ни погляди, все темень непроглядная, которая отъ свѣта фонаря кажется еще гуще. А погасить фонарь нельзя, потомъ на вѣтрѣ никакъ не зажечь. Онъ звалъ ее, оборачиваясь во всѣ стороны:—Мотря, Мотря!—а самъ метался то вправо, то влѣво, освѣщая путь фонаремъ. Но вотъ онъ остановился, какъ вко-

панный. На освѣщенномъ пространствѣ онъ увидалъ, наконецъ, Мотрю. Она стояла на колѣняхъ и протягивала къ нему руки. Одежда ея примерзла ко льду. Она уже теряла силы, голосъ измѣнялъ ей.

— Мотря, Мотречка! Голубка моя! Серденько мое!—воскликнулъ Микола и ринулся къ ней. Она, совсѣмъ обезсилѣвъ, упала къ нему на грудь. Онъ быстро снялъ съ себя кожухъ, окуталъ ее всю, съ ногъ до головы, схватилъ ее своими сильными руками и оторвалъ одежду ото льда...

Онъ шепталъ ей на ухо нѣжныя слова, цѣловалъ ея волосы и бѣгомъ мчался съ своей ношей къ берегу. Дѣдъ стоялъ тутъ недвижимый и мрачный. Лицо его было блѣдно, и глаза полны отчаянія. Молча подбѣжалъ онъ къ нимъ и на бѣгу сталъ поддерживать Мотрины ноги. Они пришли въ землянку и положили Мотрю на постель.

На груди у нея была котомка, наполненная яствами, которыхъ напихала туда для батьки Марина. Въ хатѣ было крѣпко натоплено, тепло скоро возвратило Мотрѣ всѣ потерянныя силы. Но она не хотѣла ни на одинъ мигъ отпустить отъ себя Миколу. Охвативъ его шею обѣими руками, она прижалась къ нему и забыла про то, что тутъ же, въ этой хатѣ, около ея постели сидитъ суровый дѣдъ Якимъ.

Но и дѣдъ Якимъ не глядѣлъ сурово.

Подъ его густыми бѣлыми усами шевелилась улыбка. На лбу разошлись морщины.

— Ну,—сказалъ онъ, обращаясь къ Миколѣ,—хотя ты и не рыбалка, зато умѣешь дѣвокъ къ себѣ приковывать и ловить ихъ безъ сѣтей. Вернулъ ты мнѣ съ того свѣта Мотрю, такъ пускай же она тебѣ и достанется... Видно, ужъ надо правду говорить, такъ слушай же: не въ томъ дѣло, что ты не рыбалка, а въ томъ, что дуже тяжко мнѣ съ Мотрей моей разставаться... Да вижу, вижу, что она тебѣ суждена...

Прибавлять ли еще, какое веселье было въ землянкѣ дѣда Якима, когда развязали оттаявшую торбу и, выложивъ на столъ все, что въ ней было, принялись за позднюю вечерю?

Тамъ были пироги и рыба, и кутья, и взваръ, словомъ все, что полагается въ этотъ вечеръ для трапезы добраго христіанина.

НЕДОСТАЮЩЕЕ УЧРЕЖДЕНІЕ.

Разсказъ.

Зданіе, гдѣ помѣщалась городская дума и управа, стояло величественно и прочно. Съ высокаго обрыва задумчиво глядѣло оно внизъ, гдѣ, какъ-бы служа посредникомъ между городомъ и моремъ, ютился и неистово суетился рабочій людъ—судовщики, грузовщики, угольщики и люди прочихъ родовъ оружія борьбы за существованіе. Тамъ свисталъ локомотивъ товарной желѣзной дороги, тащились ряды вагоновъ, раздавался шумъ и гамъ, нагрузка, разгрузка, насыпка, пшеница, пшеница и пшеница. Въ гавани пестрѣли торговые флаги различныхъ національностей, между которыми преобладалъ угрюмый бриттъ. Гиганты-пароходы, паровыя баржи, парусныя суда, карлики-пароходики,

все это толпилось въ широкой гавани, прижималось другъ къ другу, требовало пищи, готовое въ свои обширныя утробы упрятать весь городъ.

На всю эту житейскую сутолоку съ спокойной, сосредоточенной задумчивостью глядѣло зданіе городской думы. Такъ же спокойно и сосредоточенно, какъ оно, свершали свое назначеніе излюбленные сыны пшеничнаго города, представители городского управленія и призванные помогать имъ наемники, секретари и дѣлопроизводители всѣхъ родовъ и именно столькихъ родовъ, сколько было отраслей городского хозяйства. Финансисты получали съ гражданъ налоги, вычисляли пени, подводили итоги недоимкамъ и выдавали жалованье, какъ избранникамъ, такъ и наемникамъ, строители замазывали трещины въ городскихъ зданіяхъ, ставили подпорки къ покосившимся стѣнамъ, обносили изгородью пустопорожнія мѣста и чертили планы для будущихъ архитектурныхъ чудесъ, долженствовавшіе быть осуществленными, когда городская касса наполнится деньгами отъ уплаты недоимокъ; вершители торговли выдавали патенты и значки и т. д., а все это одухотворялъ почтеннѣйшій голова города, высокочтимый обладатель пятисотъ тысячъ и нѣсколькихъ пшеничныхъ магазиновъ. Впрочемъ, его мы называть не станемъ, такъ какъ ни онъ и ни одинъ

изъ избранниковъ, какъ равно и наемныхъ, героемъ нашего повѣствованія не будетъ.

Въ то самое время, какъ муниципальная машина была въ полномъ ходу, ливрея думскаго швейцара была нѣсколько шокирована появленіемъ въ передней довольно странныхъ посѣтителей. Женщина имѣла видъ нищей; она была въ лохмотьяхъ, худая, блѣдная и, по всѣмъ признакамъ, голодная. Но тутъ не было-бы ничего особеннаго; подобные субъекты появлялись въ передней нерѣдко; если они были не слишкомъ оборваны, то ихъ причисляли къ категоріи „бѣдныхъ людей" и отсылали въ „благотворительное отдѣленіе", гдѣ изъ спеціальнаго „капитала для бѣдныхъ" пшеничнаго города выдавали имъ по двугривенному, а когда проситель оказывался дворяниномъ—то сумма эта удваивалась; если-же они были оборваны до неприличія, то ихъ называли нищими и гнали въ шею. Вошедшая женщина держала на рукахъ мальчика, лѣтъ пяти, и, кромѣ того, вела за руку дѣвочку постарше. Дѣти были худосочны, блѣдны и также оборваны, какъ женщина.

— Тебѣ что! Въ благотворительное, въ благотворительное! Обратился къ ней швейцаръ; но женщина не обратила вниманія на его совѣтъ, не повернулась, не ушла, а, напротивъ, стала въ твердую позицію и промолвила:

— Не пойду я въ благотворительное! Вотъ что!

Швейцаръ сначала опѣшилъ, такъ какъ, по его мнѣнію, совѣтъ его былъ очень благоразумный. Но оправившись, онъ рѣшилъ, что лучше всего нахальную посѣтительницу изъ категоріи „бѣдныхъ людей“ перевести въ категорію нищихъ, и уже готовъ былъ принять соотвѣтственныя тому мѣры. Но женщина посмотрѣла на него такимъ рѣшительнымъ взглядомъ, что рука его не поднялась, и онъ отступилъ на шагъ.

— Ни въ благотворительное, ни въ какое другое я не пойду! настойчиво повторяла женщина:—тамъ мнѣ недѣлю назадъ двадцать копеекъ дали, а нынче говорятъ: а, это та самая, больно часто ходишь, мы не можемъ содержать тебя! Содержать! Двадцать копеекъ на троихъ... Дѣти два дня не ѣли, а я сама, ужъ про это я молчу... Я не могу, моченьки нѣтъ, пускай лучше они у васъ тутъ помрутъ, чѣмъ у меня на рукахъ... Либо помогите, либо возьмите ихъ... А я не могу, не могу, не могу!..

Швейцаръ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Онъ былъ уже почтенныхъ лѣтъ, состоялъ въ своей должности съ самаго памятнаго дня насажденія городского самоуправленія; сколько избранниковъ перемѣнилось на его глазахъ, а

онъ стоялъ незыблемо и только черезъ каждые три года, т. е. именно въ тѣ сроки, когда мѣнялись избранники, мѣнялъ старую ливрею на новую; но никогда еще ему не представлялся такой случай, — никогда никто не предлагалъ ему живьемъ собственныхъ дѣтей. Не имѣя особыхъ полномочій и разъясненій, какъ дѣйствовать въ такихъ случаяхъ, онъ развелъ руками и отправился по начальству за инструкціями.

Какія именно стадіи проходилъ онъ, неизвѣстно, но когда онъ совершалъ обратное путешествіе въ переднюю, то въ сердцѣ у него не было уже ни малѣйшихъ признаковъ нерѣшительности. Онъ былъ твердъ, какъ гранитъ, и его убѣжденіе формулировалось краткимъ изреченіемъ: „въ шею"! Съ тѣмъ онъ и вошелъ въ переднюю, но каково-же было его изумленіе, когда не оказалось объекта для приведенія въ исполненіе его намѣреній. Да, женщины не было; она исчезла; но если-бы она исчезла вмѣстѣ съ дѣтьми, то отъ этого только на свѣтѣ однимъ актомъ мудрости было меньше. Въ томъ то и дѣло, что дѣти стояли посреди передней.

Они стояли неподвижно, держась за руки.

— Вы чего здѣсь? А гдѣ ваша мать? Дѣти молчали.

— Гдѣ ваша мать? Куда она ушла?

— Мы не знаемъ! Ей-Богу, не знаемъ! отвѣчали дѣти въ одинъ голосъ.

— Да какъ вы не знаете? Да кто же знаетъ? Вы врете! Васъ она научила... А гдѣ вы живете?

— Мы... мы... нигдѣ не живемъ!..

— Что-о?—Швейцаръ негодовалъ. Ясно было, что это штуки... Нѣтъ человѣка на землѣ, который бы нигдѣ не жилъ. Всякій гдѣ-нибудь да живетъ.

— Какъ нигдѣ? Ахъ, вы пострѣлята этакіе! Съ малыхъ лѣтъ уже выучились обманывать?! Ахъ, вы! ахъ, вы... Негодованіе его было искренно. Его добродѣтельная душа въ самомъ дѣлѣ была возмущена такой наглостью, свидѣтельствовавшей о столь ранней испорченности. Быть можетъ, онъ въ еще болѣе сильныхъ выраженіяхъ высказалъ-бы свое возмущеніе, но въ это время началась музыка. Это былъ дуэтъ, который начался съ solo, такъ какъ первый затянулъ сопрано, принадлежавшій мальчику. На высочайшемъ регистрѣ онъ выдѣлывалъ оригинальныя рулады и фермато, а въ самомъ жалобномъ мѣстѣ вступилъ меццо-сопрано, принадлежавшій дѣвочкѣ. Юные артисты, очевидно, глубоко прочувствовали свой романсъ, потому что изъ ихъ маленькихъ глазъ струились слезы. Швейцаръ терпѣть не могъ музыки, особенно чувствительной, и, закрывъ уши, побѣжалъ въ одно изъ отдѣленій. Надо

же было какъ нибудь покончить съ этимъ небывалымъ эпизодомъ. Но не у всѣхъ было такое черствое сердце. Нашлись любители музыки, и вотъ изъ всѣхъ отдѣленій выбѣжали наемники, отъ писцовъ до дѣлопроизводителей включительно, и передняя наполнилась народомъ.

Тогда дѣти испугались. Слезы продолжали струиться, но голоса смолкли. Разспросы посыпались на нихъ со всѣхъ сторонъ. Всѣ приняли въ нихъ сердечное участіе и наперерывъ добивались узнать, кто ихъ мать, гдѣ они живутъ, какъ ихъ зовутъ, сколько имъ лѣтъ, православные-ли они, но они узнали еще меньше, чѣмъ столь не любившій вокальной музыки швейцаръ, потому что перепуганныя дѣти упорно молчали и до того смѣшались, что даже перестали проливать слезы.

Однако, нельзя-же было такъ оставлять дѣло. Необходимо было что-нибудь предпринять. Никто не сомнѣвался, что мать оставила ихъ на произволъ судьбы. Всѣмъ также было ясно, что слѣдъ ея простылъ и отыскать ее, по крайней мѣрѣ, скоро нѣтъ никакой возможности. Когда явился вопросъ, въ чье ближайшее распоряженіе должны поступить они, то оказалось, что въ управѣ нѣтъ такого отдѣленія, которое вѣдало-бы дѣтей, оставленныхъ матерями. Однако, было рѣшено, что ими займется дѣлопроизводитель благотворительнаго от-

дѣленія, у котораго въ силу уже его спеціальности, предполагалось самое доброе сердце изъ всѣхъ сердецъ, бившихся въ стѣнахъ управы. Это былъ старецъ, убѣленный сѣдинами. Въ древности онъ служилъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, а за уничтоженіемъ онаго вмѣстѣ съ другими дѣлами въ качествѣ прямого наслѣдства перешелъ въ благотворительное отдѣленіе управы. Отсюда надо заключить, что сердце у него было сугубо доброе, какъ по прежней, такъ и по нынѣшней должности.

— Ступайте по своимъ мѣстамъ!—сказалъ онъ всѣмъ любопытнымъ и затѣмъ обратился къ дѣтямъ:—а вы идите за мной!

Дѣти покорно послѣдовали за нимъ, продолжая держаться за руки. Они проходили много комнатъ и корридоровъ; побывали въ обширномъ залѣ съ высокими сводами и съ большими портретами на стѣнахъ. Это былъ тотъ самый залъ, гдѣ лучшіе люди пшеничнаго города обсуждали городскія дѣла. Наконецъ, ихъ ввели въ небольшую комнату, уставленную шкафами и заваленную толстыми тетрадями дѣлъ. Въ комнатѣ былъ густой табачный запахъ, за столиками сидѣли и строчили писцы. Отсюда они прошли въ болѣе просторную комнату, гдѣ все было чисто, мягко и прилично, полъ былъ застланъ ковромъ, а въ мягкомъ креслѣ сидѣлъ поч-

тенный, очень почтенный господинъ. Это былъ членъ управы, завѣдывавшій благотворительнымъ отдѣленіемъ. Дѣлопроизводитель разсказалъ ему исторію дѣтей и въ заключеніе спросилъ, что онъ прикажетъ съ ними дѣлать.

— Не можетъ быть, чтобъ они не лгали! сказалъ членъ.

— Послушай, дѣвочка, ты уже большая, какъ тебѣ не стыдно обманывать! А ты, мальчуганъ, ты такой маленькій, а уже такъ надуваешь! Ай-ай-ай! Ну, говорите, кто ваша мать? Ну! Гдѣ вы живите? а? Вы православные? Да говорите-же! Сколько вамъ лѣтъ?

Но увы! Дѣти были такъ глубоко испорчены, что уже не признавали авторитетовъ, и, о, позоръ! члену удалось узнать отъ нихъ столько-же, сколько и швейцару.

— Право, я не знаю, что съ ними дѣлать! Отведите этихъ маленькихъ негодяевъ въ отдѣленіе народнаго образованія.

Почему членъ благотворительнаго отдѣленія послалъ ихъ именно въ отдѣленіе народнаго образованія, рѣшить это трудно. По всей вѣроятности, онъ разсудилъ, что въ строительномъ имъ дѣлать нечего, въ военномъ тѣмъ больше, а въ финансовомъ... Что - же общаго у этихъ оборванцевъ можетъ быть съ финансами? Можно было, не справляясь въ книгахъ, сказать, что за ними никакихъ недоимокъ не чис-

лилось. Можетъ быть почтенный членъ полагалъ, что явная испорченность этихъ дѣтей происходитъ отъ недостатка образованія, котораго имъ въ самомъ дѣлѣ рѣшительнымъ образомъ недоставало, и оттого именно послалъ ихъ въ отдѣленіе народнаго образованія. Надо замѣтить, что этотъ всѣми уважаемый человѣкъ въ прежнія времена состоялъ брантъ-майоромъ при мѣстной пожарной командѣ, а потомъ, пожелавъ служить обществу непосредственно, перешелъ въ муниципалитетъ, сохранивъ за собою чинъ полковника.

— Впрочемъ, я самъ зайду туда!—прибавилъ онъ, и они уже цѣлой компаніей, такъ какъ тутъ были членъ, дѣлопроизводитель и его помощникъ, конвоировали дѣтей въ отдѣленіе народнаго образованія. Когда членъ по народному образованію узналъ, въ чемъ дѣло, онъ обратился къ дѣтямъ:

— Вы грамотны? а?

Дѣти вытаращили на него глаза, точно въ первый разъ въ жизни слышали это слово.

— Да они, кажется, нѣмы! Какъ-же вы живете на свѣтѣ и не знаете, кто ваша мать и какъ зовутъ ее? Ну, можно-ли быть такими невѣждами, чтобы не знать, какого вы держитесь вѣроисповѣданія? Да, наконецъ, гдѣ-нибудь-же жили вы, ночевали гдѣ-нибудь!.. Нѣтъ, они нѣмы, рѣшитель-

но нѣмы... Право, я не могу придумать, что съ ними дѣлать... Жаль малютокъ... Очень жаль!

Изъ этой краткой рѣчи можно видѣть, какая была разница между двумя почтенными членами двухъ почтенныхъ отдѣленій. Первый, какъ мы видѣли, былъ лакониченъ, точенъ и строгъ, качества, составляющія лучшія добродѣтели всякаго брантъ - майора, даже бывшаго, второй былъ краснорѣчивъ и обладалъ рыцарскимъ сердцемъ, и это оттого, что прежде онъ служилъ предводителемъ дворянства въ какомъ - то обширномъ уѣздѣ обширнѣйшей губерніи.

— Что же, однако, съ ними дѣлать?— спросилъ дѣлопроизводитель отдѣленія народнаго образованія.

— Да, въ самомъ дѣлѣ... Гм... Знаете что? Пойдемте къ головѣ!.. Признаюсь, это первый случай въ моей жизни... Пойдэмте къ головѣ и тамъ уже какъ-нибудь рѣшимъ...

Кортежъ, который двинулся къ головѣ, представлялъ собою уже порядочную группу. Впереди солиднымъ шагомъ шли оба члена, за ними не столь солидной, но чрезвычайно увѣренной походкой двигались дѣлопроизводители обоихъ отдѣленій, на нѣкоторомъ-же разстояніи отъ нихъ держали путь ихъ помощники, у которыхъ совсѣмъ не было ни солидности, ни увѣ-

ренности. Дѣти шли какъ-то сбоку, то забѣгая впередъ, то отставая.

Помѣщеніе, въ которомъ функціонировалъ голова, состояло изъ трехъ комнатъ. Обстановка нисколько не напоминала казенныя мѣста. Здѣсь была изящная мягкая мебель, ковры, даже бронза—впрочемъ, не изъ важныхъ, а на стѣнахъ висѣли городскіе планы въ перемежку съ картинами. Городской голова былъ, какъ показываетъ и его титулъ, самый почтенный изъ гражданъ пшеничнаго города, убѣленный сѣдинами. Лицо у него было доброе и нѣсколько разсѣянное, когда онъ слушалъ доклады дѣлопроизводителей. Когда вошелъ къ нему торжественный кортежъ, онъ нѣсколько встревожился, полагая, что случилось что-нибудь замѣчательное. Онъ увидѣлъ члена благотворительнаго отдѣленія и вообразилъ, что развалилась городская больница — такъ какъ подобныя случайности были нерѣдки въ пшеничномъ городѣ, когда-же его взглядъ перенесся на члена по народному образованію, онъ заподозрилъ, что сгорѣла одна изъ городскихъ школъ вмѣстѣ съ учениками. Когда-же онъ разсмотрѣлъ обоихъ членовъ съ ихъ дѣлопроизводителями и помощниками оныхъ, то былъ совершенно увѣренъ, что весь городъ сначала развалился, а потомъ сгорѣлъ. Но онъ совсѣмъ не нашелся, что подумать, когда вдоба-

вокъ ко всему этому очамъ его предстали двое оборвышей.

Ему разсказали, въ чемъ дѣло.

— Ну, слава Богу! вздохнулъ онъ съ облегченіемъ, а я думалъ, Богъ знаетъ, что такое! Однако, признаюсь, и это тоже штука!..

Онъ внимательно осмотрѣлъ ребятъ.

— Экіе оборванцы! Ну-ка, подите сюда! Поди сюда, дѣвочка! Ты, главное, меня не бойся, я человѣкъ добрый и зла тебѣ не сдѣлаю. Поди, поди!—Онъ притянулъ къ себѣ дѣвочку и погладилъ ее по головкѣ, чѣмъ и доказалъ, что онъ „добрый“.—Ну, скажи-же мнѣ прямо, чего ты хочешь? Что-бы ты хотѣла, чтобъ я тебѣ сдѣлалъ? Я, видишь, городской голова, важная птица (онъ шутилъ и подмигивалъ членамъ), я могу все сдѣлать...

— Я... Хочу кушать... Господинъ!... робко проговорила дѣвочка.

— Кушать хочу!.. пропищалъ въ свою очередь и мальчикъ.

— Ну, вотъ видите, самое главное—попасть въ центръ вопроса. Они ѣсть хотятъ, и когда мы ихъ накормимъ, они, можетъ быть, припомнятъ, гдѣ живутъ и какого они вѣроисповѣданія... Эй, швейцаръ!.. Купи имъ колбасы и хлѣба и накорми ихъ.

Колбаса и хлѣбъ оказались у швейцара, и всѣ имѣли удовольствіе видѣть, съ ка-

кою жадностью дѣти, ничего не ѣвшія два дня, уплетали ихъ.

Однако, это не разрѣшало вопроса въ корнѣ. Укротивъ свой голодъ, дѣти все-таки не могли опредѣлить, кто ихъ мать и гдѣ они живутъ, а тѣмъ болѣе—какого они вѣроисповѣданія.

— Дѣлать нечего, надо ихъ куда-нибудь пристроить, сказалъ голова:—нельзя-ли въ сиротскій домъ?

— Никакъ не возможно. По правиламъ, въ сиротскій домъ принимаются дѣти не моложе восьми лѣтъ, а мальчику не больше пяти! отвѣтилъ членъ благотворительнаго отдѣленія.

— Но дѣвочкѣ наберется восемь!

— Въ сиротскій домъ мы принимаемъ только мальчиковъ.

— Гм... Такъ нельзя-ли ихъ въ пріютъ баронессы Брикнеръ? Тамъ, кажется, и мальчики и дѣвочки!..

— Этого нельзя, такъ какъ пріютъ баронессы Брикнеръ предназначенъ для дѣтей дворянскаго званія, а эти сорванцы едва-ли къ таковому принадлежатъ, пояснилъ дѣлопроизводитель благотворительнаго отдѣленія.

— Гм... Это пожалуй!.. Но у насъ есть убѣжище для сиротъ...

— Туда принимаются лишь круглыя сироты, т. е. лишенныя отца и матери, а ихъ мать бросила, слѣдовательно у нихъ

есть мать!.. сообразилъ помощникъ дѣлопроизводителя благотворительнаго отдѣленія.

— Справедливо! Однако, надо-же куданибудь! Вотъ что: ихъ, кажется, можно въ „разсадникъ добронравія?..“

— Ни, ни, ни!.. возразилъ членъ по народному образованію. — Тамъ только дѣвочки не моложе двѣнадцати лѣтъ, а мальчиковъ туда совсѣмъ не принимаемъ...

— Ахъ, ты Господи! Наконецъ, нельзя-ли ихъ въ дѣтскую богадѣльню?

— О, это совершенно невозможно! опротестовалъ дѣлопроизводитель по народному образованію:—богадѣльня существуетъ для калѣкъ и уродовъ, а они какъ слѣдуетъ!..

— Фу, ты! — Почтенный голова даже вспотѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно было прійти въ отчаянье. Такая масса подъ его вѣдѣніемъ благотворительныхъ заведеній, и вдругъ оказывается, что эти оборванцы ни для одного изъ нихъ не годятся. Тутъ поневолѣ вспотѣешь. Наступило томительное молчаніе.

— Я полагаю, что остается одно, сказалъ членъ благотворительнаго отдѣленія: —препроводить ихъ въ полицію, которая навѣрно отыщетъ ихъ жестокую мать и вручитъ ихъ по принадлежности!..

Голова вздохнулъ, потому что у него было доброе сердце.

— Да, только это и остается! сказалъ онъ.—Пишите отношеніе!

Дѣлопроизводитель благотворительнаго отдѣленія тутъ-же сѣлъ и написалъ: „Городское общественное управленіе вмѣстѣ съ симъ имѣетъ честь препроводить въ полицейское управленіе двухъ неизвѣстныхъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, брошенныхъ ихъ матерью въ передней городской управы, причемъ надѣется, что полицейское управленіе приложитъ усилія къ розысканію матери и врученью оныхъ дѣтей по принадлежности, а о послѣдующемъ увѣдомитъ городскую управу“. Когда отношеніе было готово, голова подписалъ его. Тогда появился швейцаръ, взялъ въ одну руку „отношеніе“, а въ другую—руку дѣвочки и, сказавъ: „пойдемте“, увелъ ихъ въ полицію.

Члены, дѣлопроизводители и ихъ помощники разошлись по своимъ отдѣленіямъ. Голова погрузился въ чтеніе важныхъ докладовъ о проведеніи черезъ городъ воздушной желѣзной дороги, и вообще вся машина общественнаго управленія стала на рельсы и съ прежней увѣренностью покатилась своей торной дорогой.

Швейцаръ отвелъ дѣтей въ полицію, которая немедленно принялась исполнять покорнѣйшую просьбу городскаго общественнаго управленія. Удалось-ли ей оты-

скать жестокую мать и какова дальнѣйшая судьба оборванцевъ, сдвинувшихъ, было, съ рельсовъ машину общественнаго управленія, этого мы точно разсказать не можемъ.

ЧЕБОТКИ СЪ ПОДКОВКАМИ.

ЧЕБОТКИ СЪ ПОДКОВКАМИ.

(Разсказъ).

Дѣдъ Софронъ вышелъ съ хутора спозаранку, такъ какъ у него много было дѣла.

Хуторъ отстоялъ отъ села верстахъ въ трехъ, но для дѣда Софрона это было большое разстояніе. Онъ прожилъ уже на свѣтѣ девяносто два года и ноги его ослабѣли. Послѣ каждаго десятка шаговъ онъ долженъ былъ останавливаться, чтобы перевести духъ.

— Эхъ, батько, и охота вамъ тащиться,—говорилъ ему старшій сынъ Карпо, у котораго онъ доживалъ свой вѣкъ,—еще гдѣ-нибудь въ снѣгу застрянете! Сидѣли-бы дома, да грѣлись на печкѣ!.. Ей-ей, лучше было-бы!..

— Нѣтъ, я пойду, пойду!.. отвѣчалъ

на это дѣдъ Софронъ.—Пойду, сыночекъ!.. Э, что снѣгъ? снѣга я не боюсь... Развѣ я маленькій? я не маленькій! Да и какой-же это снѣгъ? Бывало...

Но Карпо только махнулъ рукой и не сталъ слушать разсказъ о томъ, что бывало. Онъ зналъ, что батько будетъ разсказывать о томъ, какъ въ молодости онъ не боялся ни снѣга, ни мятели; какъ его непогода застигла въ полѣ, засыпала его снѣгомъ всего, и все-таки онъ оставался цѣлъ и невредимъ.

— Такъ то-же было въ молодости вашей, батько!—возражалъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ Карпо:—а молодость-то прошла!.. Ну, такъ оно и выходитъ, что вамъ, батько, лучше на печкѣ сидѣть!

— Нѣтъ, я пойду, пойду!—твердилъ свое дѣдъ:—нынче такой день... Какъ-же не пойти? Арина обидится... И внучата... Внучата тоже! Какъ-же можно!.. Ну, и этотъ, вонъ, вишь, какъ глядитъ... Глаза какъ угольки... Да онъ съѣстъ дѣда, съѣстъ, ежели безъ подарунковъ останется... Нѣтъ, я пойду...

Карпо больше не убѣждалъ. Онъ зналъ, что старикъ упоренъ и ужъ если что задумалъ, то сдѣлаетъ. Каждый годъ совершалъ онъ это путешествіе, но обыкновенно онъ уходилъ въ село наканунѣ сочельника, ночевалъ у дочки Арины, а въ самый сочельникъ раненько выходилъ изъ

села и къ полудню являлся на хуторъ. На этотъ разъ вчера ему что-то помѣшало и онъ задумалъ продѣлать все это въ одинъ день.

Снѣгу, правда, было немного. Кое-гдѣ, въ полѣ, даже чернѣла земля, но для дѣда и это могло сдѣлать много затрудненій. Особенно Карпо боялся за переправу черезъ рѣчку, протекавшую у самаго села. Правда, она не широка, по ней пути всего какихъ-нибудь сто шаговъ, но дѣдъ умѣетъ ходить по гладкому льду только въ тихую погоду, а чуть подуетъ вѣтеръ, ужъ онъ безпомощенъ, его относитъ въ сторону, каждую минуту онъ падаетъ на ледъ, съ трудомъ подымается и опять падаетъ.

А это вѣрно, что дѣду никакъ было нельзя не пойти. Съ одной стороны, Аринины дѣти привыкли получать отъ него въ этотъ день подарки. Но съ этимъ еще можно было-бы какъ-нибудь обойтись; ну, на третій день прійти, что-ли, сказать, что нездоровилось или вообще—что-нибудь выдумать. Онъ не питалъ особенной нѣжности къ Арининымъ дѣтямъ, должно быть, потому, что холодно относился къ самой Аринѣ. Она была замужемъ за богатымъ мужикомъ, Ящиромъ, который и самъ гордо смотрѣлъ на всю родню и жену научилъ тому-же. Дѣдъ Софронъ не любилъ этого и, если изрѣдка и заглядывалъ къ

богатой дочкѣ, то лишь для того, чтобы не давать повода толкамъ и пересудамъ.

Но Яшка, тотъ самый, у котораго были „глаза, какъ угли“ и со стороны котораго для дѣда была опасность быть съѣденнымъ, — этотъ восьмилѣтній мальчуганъ былъ его обожаемымъ внукомъ, и дѣдъ никакъ не могъ допустить, чтобы Яшка въ день кутьи и взвара остался безъ подарка.

Захвативъ съ собой котомку, которая замѣняла ему чемоданъ, и вооружившись палкой съ острымъ, какъ гвоздь, желѣзнымъ наконечникомъ, дѣдъ вышелъ изъ дому и тихо поплелся по узкой степной дорогѣ, живописно расписанной разнообразными слѣдами санныхъ полозьевъ по снѣгу.

Когда на встрѣчу ему ѣхалъ мужикъ въ саняхъ или догонялъ его сзади, дѣдъ не сторонился. Его знали не только въ лицо, но и со стороны спины, всѣ обыватели ближнихъ селъ и хуторовъ, и всѣмъ было извѣстно, что для дѣда Софрона свернуть съ дороги, это—цѣлый подвигъ, и потому всѣ объѣзжали его.

Но путешествіе обошлось вполнѣ благополучно. Уже минулъ обѣденный часъ, когда дѣдъ приблизился къ селу. Въ этотъ обѣденный часъ сегодня, однако-же, никто въ селѣ не обѣдалъ. Всѣ постились, дожидаясь вечерней трапезы, чтобы до-

отвала наѣсться пироговъ съ сушеными грибами и рисомъ, густыхъ щей изъ кислой капусты, жареныхъ окуней, сытной сладкой кутьи и взвара изъ сушеныхъ грушъ и сливъ.

Дѣдъ не пошелъ прямо къ Аринѣ, какъ можно было ожидать, а направился совсѣмъ въ другое мѣсто. Рядомъ съ длинной хатой съ досчатымъ крыльцомъ около двери, гдѣ помѣщалось волостное правленіе, стояло зданіе, которое своими размѣрами подавляло скромную волость. Оно было каменное и имѣло съ двухъ противоположныхъ концовъ два открытыхъ входа. Надъ однимъ, который глядѣлъ прямо на деревенскую улицу, красовалась надпись: „продажа питей"; надъ другимъ, выходившимъ во дворъ, было написано: „бакалѣя". Дѣдъ Софронъ пошелъ, разумѣется, ко второму, потому что въ первомъ ему нечего было дѣлать.

Много лѣтъ онъ ничего уже спиртного въ ротъ не бралъ.

Хотя надъ входомъ и было написано „бакалѣя" и не было никакой прибавки насчетъ товара другого рода, однакожъ въ лавкѣ эти товары играли немаловажную роль. Въ особенности это было замѣтно теперь, когда къ празднику всѣмъ требовались обновки и подарки. И тутъ можно было найти все: отъ скатерти, по краямъ которой были изображены охот-

никъ съ ружьемъ и бѣгущій передъ нимъ заяцъ, — до деревяннаго коня, везущаго водовозную бочку. Тутъ-же рядомъ съ огромнымъ кускомъ масла кокетливо рисовались красныя черевички, выставленныя съ тою цѣлью, чтобы производить головокруженіе у деревенскихъ дамъ; а надъ бочкой съ лампаднымъ масломъ, каждую минуту рискуя утонуть въ ней, висѣли красные и синіе пояса для деревенскихъ кавалеровъ.

Вотъ сюда-то и направился дѣдъ Софронъ.

— А, Софронъ! Софронъ! — радостно привѣтствовалъ его торговецъ:—вотъ кто дастъ мнѣ нажить большой барышъ! Вотъ кто закупитъ у меня всю лавку!..

— А что ты думаешь?—шутливо возразилъ дѣдъ:—всю не всю, а все-же торговать дамъ!.. Внуки у меня, понимаешь? Такъ внукамъ надобны гостинцы... Особенно одному... Такой головорѣзъ, что не приведи Богъ...

— Любимчикъ? а?

— Онъ самый... Вотъ ему бы чеботки... Спитъ и во снѣ видитъ чеботки съ подковками... Да чтобы цѣна была сходная...

— Э, что тамъ, дѣдъ Софронъ!—шутилъ торговецъ:—Ты богачъ, тебѣ деньги ни почемъ. Я думаю, у сына на току зарылъ кувшинъ съ червонцами, а? Ну, ну, раскошеливайся!..

Дѣдъ махнулъ рукой и сталъ раскошеливаться. Онъ съ трудомъ нагнулся, разулъ чеботъ правой ноги и, поднявъ его подошвой кверху, вывалилъ изъ него на землю что-то завернутое въ грязную тряпку. Тамъ оказалось четыре старыхъ потертыхъ рублевыхъ ассигнаціи.

Деньги это были небольшія, но торговецъ былъ добрый человѣкъ и уважалъ старость. Онъ сдѣлалъ дѣду большую уступку и, благодаря этому, торба его обогатилась парой чеботковъ съ подковками, связкой бубликовъ, трубой, издававшей дикій звукъ, деревяннымъ конькомъ и сильно засушенными винными ягодами, которыя и дѣдъ и торговецъ называли „инжиромъ".

Послѣ этого дѣдъ отправился къ дочкѣ, раздалъ внукамъ деревянные коньки, посидѣлъ съ полъ-часика съ зятемъ и сталъ собираться домой.

Уже вечерѣло. Небо было обложено густыми снѣжными тучами, благодаря которымъ нельзя было разобрать, скоро-ли зайдетъ солнце. Церковный сторожъ только ночью отбивалъ на большомъ колоколѣ часы, но тогда всѣ спали и это никому не было нужно, а днемъ деревня жила по солнцу, если оно было видно на небѣ.

— Пора мнѣ... Пойду я!—съ волненіемъ заговорилъ дѣдъ:—какъ-разъ къ вечерѣ и поспѣю...

— Да куда вамъ итти, батько? — отго-

варивалъ зять:—отвечеряли-бы у насъ да переночевали, а завтра-бы и на хуторъ... Что-жъ, мы не хуже Карпа! И у насъ вечеря христіанская,—не безъ пироговъ, не безъ взвара, не безъ кутьи... Что это вы насъ гнушаетесь, батько?

— Не въ томъ, не въ томъ!—возражалъ дѣдъ, приспособляя къ шеѣ свою торбу:— не гнушаюсь я... А нельзя. Дожидаться будетъ... безпокойство!.. Нѣтъ, я пойду!.. Въ которомъ домѣ живетъ человѣкъ, въ томъ и кутью долженъ кушать; такъ всегда бывало... Пойду, пойду!..

— Напрасно это вы, батько! Вонъ, глядите, и снѣгъ пошелъ. Замететъ дорогу, еще заблудитесь!

— Не замететъ... Для чего ему заметать?.. Да я на хуторъ съ закрытыми глазами пойду! Мнѣ только рѣчку перейти, а тамъ все одно, что дома.

Не догадался богатый зять запрячь лошаденку въ повозку, да и отвезти старика на хуторъ.

А можетъ, онъ и думалъ объ этомъ, да злость его взяла, что дѣдъ не хочетъ сдѣлать честь его хатѣ. И пошелъ дѣдъ обратно на хуторъ прежнею дорогой.

Снѣгъ падалъ тяжелыми хлопьями, ударяя дѣду въ сивую барашковую шапку и нависая со всѣхъ сторонъ на его свиткѣ. Онъ дошелъ до рѣчки, прищурилъ глаза и оглядѣлъ ее, сколько могъ. Вся она была

покрыта густымъ снѣгомъ, и еслибы не приходилось спускаться внизъ, то ея нельзя было бы отличить отъ поля. „Тѣмъ оно лучше, подумалъ дѣдъ:—не такъ скользко будетъ“. И правда, снѣгъ помогъ ему перейти рѣчку. Онъ шелъ, словно по мягкому ковру и ни разу не поскользнулся.

Когда онъ сошелъ на берегъ, на него вдругъ посыпалась куча снѣгу. Онъ обернулся, думая, что это вѣтеръ колыхнулъ какое-нибудь дерево и стряхнулъ съ него снѣгъ. Но дерева никакого не оказалось. Лѣсокъ начинался дальше, вправо. Зато кругомъ ничего не было видно, а со всѣхъ сторонъ была сплошная стѣна падающаго снѣга. Деревня, начинавшаяся по ту сторону рѣчки, вся исчезла съ глазъ, а о хуторѣ, который и такъ плохо былъ виденъ, и думать было нечего. Ни неба, ни земли! Дѣдъ точно носился на облакахъ.

— Вотъ такъ посыпало!—подумалъ дѣдъ, сметая съ глазъ крупныя снѣжинки, сѣвшія ему на рѣсницы. — Ну, ничего... Ни вѣтру нѣтъ, ни морозу... Дойду... Этакъ все прямо да прямо, а потомъ чуточку влѣво, и сейчасъ будетъ хуторъ... А вотъ и дорога!—промолвилъ онъ вслухъ, сдѣлавъ два шага по снѣгу и почему-то вообразилъ, что это и есть дорога, ведущая къ хутору.

Идетъ дѣдъ, тихо переступая съ ноги на ногу, поминутно останавливаясь, чтобъ

перевести духъ и стряхнуть съ лица снѣгъ, идетъ онъ — весь бѣлый, какъ и все вокругъ него. А снѣгъ все становится гуще и гуще, среди тишины можно разслышать тихій шелестъ, это тяжелыя снѣжинки, сталкиваясь въ воздухѣ, ударяются одна о другую. Но дѣдъ идетъ храбро, совершенно увѣренный, что держится надлежащаго пути. Идетъ онъ и думаетъ все одно и тоже: „этакъ-то все прямо, да прямо, а потомъ чуточку влѣво, и сейчасъ будетъ хуторъ... А теперь все прямо, да прямо". Онъ какъ бы подгонялъ себя этими мыслями.

Между тѣмъ темнѣло. Снѣгъ уже не казался такимъ бѣлымъ и подъ его движущимся покровомъ дѣдъ чувствовалъ себя такъ, какъ-будто сходилъ въ пещеру и углублялся все дальше и дальше отъ дневного свѣта. Онъ старался ускорить шагъ, но старыя, дрожащія ноги плохо повиновались ему.

— Э, да ничего, ничего... Скоро дойду, скоро будетъ и хуторъ... Вотъ и огоньки сейчасъ покажутся... Только сверну влѣво... Вотъ и пора...

И онъ, наконецъ, нашелъ, что пора свернуть влѣво и сдѣлалъ это. По его разсчету, надо было пройти сотню шаговъ, чтобъ очутиться на хуторѣ, но вотъ уже онъ прошелъ ихъ цѣлыхъ двѣ сотни, а

хутора все нѣтъ. Дѣдъ остановился и началъ соображать.

— Кажись, это я рано повернулъ!.. Надо еще немного пройти прямо...

Онъ попробовалъ взять прямо, потомъ опять пошелъ налѣво. Шелъ онъ добрыхъ полчаса, а потомъ и часъ, а хуторъ все не являлся передъ нимъ.

Наступила ночь — темная, беззвѣздная. Дѣдъ остановился и сталъ прислушиваться, не долетитъ ли до его слуха людской говоръ или собачій лай. На хуторѣ всегда лаютъ собаки, особенно въ темную зимнюю ночь, когда имъ вѣчно мерещутся волки.

Но ни откуда не доносилось ни звука.— Такъ что же это? думалъ дѣдъ: — выходитъ, что я заблудился! Гдѣ же я? Кажись, шелъ правильно, все прямо, прямо, а потомъ взялъ влѣво... Ну, немножко сбился, поправился, но не за сто же верстъ я отъ хутора. Вотъ напасть!

Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, вокругъ него намело цѣлыя кучи снѣгу: когда онъ оглядѣлся, то увидалъ себя окруженнымъ снѣжными горами.

— Охъ-охъ-охъ! — глубоко вздохнулъ дѣдъ и перекрестился. — Неужто Господу угодно, чтобы я умеръ въ снѣгу безъ покаянія? За грѣхи, должно быть, за грѣхи мои... А можетъ, и не за мои, а за чужіе!..

И, сосредоточивши свои мысли на грѣхахъ — своихъ и чужихъ, дѣдъ и не за-

мѣтилъ, какъ его усталыя ноги подкосились и онъ сѣлъ на мягкое снѣговое ложе. Ему не было холодно. Теплая свитка хорошо согрѣвала его, а ноги были обернуты въ толстыя онучи, поверхъ которыхъ были надѣты большіе чохтовые сапоги.

Думалъ дѣдъ, думалъ, и никакъ не могъ припомнить ни одного своего грѣха.

— Давно я отсталъ отъ жизни! А когда не живешь, то и грѣшить нельзя... Вотъ развѣ что Арину и зятя обидѣлъ... Можетъ, оно лучше бы было, ежели бы я у нихъ остался вечерять... Можетъ, за это наказываетъ меня Богъ...

Дѣдъ поднялъ голову и попробовалъ, было, встать, но висѣвшая надъ нимъ ночная тьма какъ бы придавила его. Онъ опять сѣлъ и сказалъ себѣ:

— Некуда итти мнѣ. Да и зачѣмъ? Ежели Богу угодно, чтобы я еще повидалъ сына и невѣстку и внука, то и такъ повидаю... Ужъ какъ это выйдетъ, не знаю, а только выйдетъ... А ежели мнѣ на этомъ мѣстѣ предѣлъ положенъ, то такъ тому и быть... Охъ, гдѣ ужъ въ мои годы противу судьбы итти... Только вотъ Яшка...

И онъ живо представилъ себѣ восьмилѣтняго любимаго внука, какъ онъ сидитъ теперь подавленный грустью и прислушивается ко всякому шороху во дворѣ. Въ горницѣ свѣтло. На столѣ, накрытомъ бѣлой скатертью съ узорчатой каймой, сто-

ятъ миски, тарелки, лежатъ рушники и горятъ восковыя свѣчи. Отъ капустника подымается горячій паръ. Пироги, кутья, взваръ нетерпѣливо ждутъ, когда вся семья сядетъ за столъ и чинно, благоговѣйно начнетъ ѣсть. Но никто не садится. Карпо, должно быть, стоитъ за воротами и тревожно высматриваетъ батька: гдѣ онъ такъ замѣшкался, старый? А Яшка забился въ уголъ и собирается плакать. Жаль ему и дѣда и новыхъ чеботковъ съ подковками, что были обѣщаны ему еще весной...

— А я тутъ помру! Я тутъ помру, — Господи, прими къ Себѣ мою многогрѣшную душу!—уныло думаетъ дѣдъ.—Эхъ, кабы помоложе былъ, нашелъ бы дорогу!.. ужъ нашелъ бы... Старость горькая!.. Ноги не слушаются!.. Господи, прими мою душу!..

Вдругъ дѣдъ насторожилъ уши. Или это ему послышалось? Словно за стѣной раздавались голоса.

— Старику много ли надо, чтобы зарыться въ снѣгъ... Ну, тамъ ему и кладбище будетъ... Охъ, и говорилъ я ему: батько, не ходите!..

— Да вѣдь это онъ — Карпо!—думаетъ дѣдъ: — это его голосъ! Его!.. Господи, помилуй меня грѣшнаго! Гдѣ-же это я?

Что-то роется въ снѣгу; снѣжная куча, на которой сидѣлъ дѣдъ, задвигалась, вблизи замелькалъ огонекъ.

— Батько! Это вы?

Свѣтъ отъ фонаря, который держалъ въ рукахъ Карпо, яркимъ лучомъ упалъ на дѣда и освѣтилъ его фигуру, до половины зарытую въ снѣгъ. А Яшка, который шелъ вслѣдъ за батькомъ, двумя прыжками очутился около дѣда, кинулся ему на шею и обнялъ его обѣими руками.

— Такъ это я около самой своей хаты помирать собирался!—молвилъ дѣдъ, крестясь и шепча молитву передъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, уставленный яствами.

Яшка уже надѣлъ новые чеботы, о которыхъ такъ давно мечталъ, и прижался къ дѣду. Ничто не могло въ этотъ вечеръ оторвать его отъ любимаго дѣда Софрона.

ОГЛАВЛЕНІЕ

